

В. А. Родионов

Россия и Монголия:

новая модель отношений в начале XXI века

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

В. А. Родионов

**Россия и Монголия:
новая модель отношений в начале XXI века**

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2009

Ответственный редактор

канд. ист. наук, зав. отделом сравнительных исследований социально-политических систем Института социологии РАН **А. С. Железняков**

Рецензенты

д-р полит. наук, проф., гл. науч. сотрудник
Института востоковедения РАН **Г. С. Яскина**

д-р ист. наук, проф., руководитель Центра политологии
и политической социологии Института социологии РАН **Ю. С. Оганисян**

Родионов В. А.

P603 Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 228 с.

ISBN 978-5-7925-0318-2

Монография посвящена эволюции российско-монгольских отношений после распада биполярной международной системы. Автор анализирует процесс становления и развития взаимоотношений между Россией и Монголией, переживших постсоциалистические трансформации. В работе прослеживается тенденция к формированию новой, принципиально отличной от предыдущих периодов, модели отношений между двумя странами, основанной на «мягком» лидерстве российской стороны.

Книга адресована специалистам и широкому кругу читателей – монголоведам, историкам, политологам, социологам, а также всем, кто интересуется современными международными отношениями.

Работа выполнена в рамках проекта «Политические и социальные трансформации России и Монголии в глобальном контексте (сравнительный анализ)», грант РГНФ № 07-03-92201а/Г

УДК 327(470+517.3)

© В. А. Родионов, 2009

© Институт социологии РАН, 2009

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2009

ISBN 978-5-7925-0318-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кардинальные мирополитические изменения 1990–2000-х гг. поставили перед научным сообществом немало вопросов, нуждающихся в ответах. Неотъемлемой частью произошедших изменений явились исчезновение СССР и дезинтеграция международной системы социализма. Последствия этих событий дают знать о себе до сих пор, проявляясь в локальных вооруженных конфликтах, политических, социально-экономических, гуманитарных, общественно-психологических кризисах, имеющих место на евразийском пространстве. В связи с этим не случаен повышающийся с каждым годом исследовательский интерес к тематике взаимоотношений России, как страны-наследницы СССР, с бывшими странами-участницами соцлагеря, истории, проблемам и перспективам их развития. В ряду этих исследований монгольский сюжет занимает далеко не последнее место. Поэтому тема, поднятая в монографии В. А. Родионова, бесспорно, актуальна и важна для современной науки.

В. А. Родионов – выпускник Бурятского государственного университета, принадлежит новому поколению российских монголоведов. Окончив в 2006 г. аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную современным российско-монгольским отношениям, после чего плодотворно работал в стенах Института социологии РАН.

Несомненно, книга вызовет немало дискуссий, не со всеми положениями автора легко согласиться. Однако одно очевидно: В. А. Родионов продемонстрировал умение мыслить творчески, производить научную продукцию, способную пользоваться спросом на отечественном и международном рынках. В появлении именно таких интересных и оригинальных исследований виден залог успешного развития и обогащения отечественной научной традиции.

*А. С. Железняков,
канд. ист. наук, зав. отделом сравнительных исследований
социально-политических систем Института социологии РАН*

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX–XXI вв. международные отношения вступили в период глубокой трансформации, началом которой стало исчезновение глобального противостояния двух общественно-политических систем. Ядром же произошедших событий явился распад Советского Союза и мировой социалистической системы, повлекший за собой кардинальные изменения в отношениях между Россией как правопреемницей СССР на международной арене и ее недавними союзниками по социалистическому блоку, в том числе и Монголией. Практически одновременный отказ России и Монголии в начале 1990-х гг. от социалистической модели общественно-политического и экономического развития не мог не привести к серьезному обновлению их внешнеполитических концепций и стратегий в отношении друг друга, создать множество новых взаимных проблем, требующих своего разрешения.

Помимо данных процессов, локализованных в конкретных временных рамках, тема российско-монгольских отношений, их состояния, основных проблем и перспектив развития актуальна и в силу наличия общей границы, одной из самых протяженных в мире, равной 3485 км. История политических, экономических, социальных, культурных контактов между народами двух стран насчитывает не одно столетие. За это время был приобретен и накоплен богатый и полезный опыт отношений на различных уровнях – от межгосударственного до уровня взаимосвязей между обычными российскими/советскими и монгольскими гражданами.

С позиций сравнительного анализа представляют интерес для исследования трансформация межгосударственных отношений Российской Федерации с бывшими социалистическими странами в Европе и Азии, выявление общих и особенных черт этого процесса, региональная специфика и базисные основания, оказавшие свое влияние на динамику отношений стран после 1991 г. И здесь следует особо подчеркнуть, что Россия и Монголия в ряду социалистических стран (бывших и настоящих) выделяются своим наиболее продолжительным по времени следованием в направлении социалистической модели развития.

Проблема построения взаимовыгодных отношений с Монголией в постсоциалистический период является частью не менее масштабной исторической задачи Российского государства – интеграции своих зауральских территорий, имеющих значительные хозяйственные и социокультурные связи с монгольским соседом, в единое социально-экономическое пространство страны. В свою очередь интенсификация экономических отношений с ближайшими приграничными территориями России также входит в перечень наиболее значимых задач для Монголии, испытывающей потребность в развитии своих отдаленных от Улан-Батора регионов.

О возросшей значимости пригранично-регионального уровня отношений говорит и актуализировавшаяся в начале 1990-х гг. идея национально-культурного, а также политического сближения Монголии с близкими ей в культурно-историческом плане народами, населяющими российские приграничные регионы (бурятами, тувинцами). Эта идея высветила новый (а точнее, возродила старый) непростой аспект российско-монгольских отношений – скрытый вызов политико-территориальной целостности Российской Федерации со стороны идеологии, получившей в научной и публицистической литературе наименование «панмонголизм».

Состояние, и перспективы развития современных российско-монгольских отношений – важный сегмент в системе международных отношений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Местонахождение между двумя крупнейшими державами Евразийского материка – Россией и Китаем – превращает Монголию, учитывая обширность ее территории в сочетании с малой численностью населения, в объект явного или скрытого соперничества внешних сил, как традиционных для данного региона, так и относительно новых. Принимая во внимание это обстоятельство, а также наблюдаемую тенденцию к усилению региональных уровней международных отношений, на которых действует подавляющее большинство стран мира, отношения России и Монголии должны быть рассмотрены и проанализированы, в том числе в контексте международно-региональных политических процессов.

В данной работе важным было показать процесс трансформации отношений между Россией и Монголией на протяжении двух последних десятилетий; понять, какая система взаимоотношений пришла (и пришла ли вообще) на смену той, что была свойственна для отноше-

ний эпохи социализма. Не менее значима и задача прогностического характера, то есть выделение долгосрочных трендов в развитии российско-монгольских отношений после «холодной войны» и выявление факторов, способных повлиять на траекторию этих отношений в дальнейшем. Общие внешние условия, такие, как глобализация, угроза международного терроризма, консенсус в вопросе об опасности распространения оружия массового уничтожения, существенное повышение приоритетности прав человека, создают глобальные императивы, которые большинство государств мира вынуждено учитывать при определении собственного внешнеполитического курса. Но не менее оправдан и поиск самобытности российско-монгольских отношений, определяемой присущими странам национальными особенностями: их геополитическим положением, социокультурными характеристиками, историей взаимоотношений, традициями дипломатии и множеством других специфических факторов. В частности, одной из важных характеристик российско-монгольских отношений является *асимметричность*, вытекающая из несопоставимости политического, военного, демографического, экономического и иных потенциалов России и Монголии. Достаточно напомнить, что население Монголии в 50 раз меньше населения России; место Монголии в системе внешнеполитических приоритетов РФ несопоставимо с местом РФ в системе внешнеполитических приоритетов Монголии. Отсюда и зачастую неравноценные вклады сторон в процесс взаимного сотрудничества, разные подходы к разрешению тех или иных проблем. В то же время, очевидно, что влияние данной асимметричности на отношения между странами в тот или иной период истории было различным и проявлялось неодинаково.

По ряду этих причин назрела насущная необходимость выявить основания и механизмы взаимодействия Российской Федерации и Монголии в начале XXI столетия, проанализировать наиболее вероятные сценарии развития отношений между странами, как в краткосрочной, так и в более отдаленной перспективе.

Наблюдаемый в последние годы в России и Монголии возросший интерес к сотрудничеству в политической сфере, области экономики, науки, культуры благоприятствует активизации изучения современных российско-монгольских отношений.

Необходимость осветить (хотя и очень кратко) основные исторические вехи в российско-монгольских отношениях в XX в., а также различные варианты их интерпретации были продиктованы, в первую очередь, значимостью уроков прошлого, имеющих большое значение для понимания настоящего и попыток заглянуть в будущее. Опыт предыдущих периодов отношений, их позитивные и негативные моменты, откладываемые в исторической памяти российского и монгольского социумов, значительно влияют на характер современных отношений. Нередко от тональности той или иной оценки событий предшествующих периодов зависит выстраивание современных отношений, их психологический фон.

Теме российско-/советско-монгольских отношений в *советском монголоведении* традиционно уделялось большое внимание. Ощутимый вклад в изучение отношений между странами внесли такие исследователи, как Л. М. Гатауллина, А. А. Гербова, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, И. Я. Златкин, В. И. Иваненко, М. С. Капица, И. М. Майский, Г. С. Матвеева, А. А. Осипов, С. К. Роцин, Г. И. Слесарчук, Д. Б. Улымжиев, Ш. Б. Чимитдоржиев и мн. др.¹ В этих работах подробно освещена российская/советская помощь мон-

¹ *Гатауллина Л. М.* Проблемы некапиталистического развития Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1978; *Гербова А. А.* Развитие социалистической промышленности МНР на современном этапе. – М., 1978; *Гольман М. И.* Изучение истории Монголии на Западе, XIII – середина XX в. – М.: Наука, 1988; *Грайворонский В. В.* Торгово-экономические связи СССР и МНР. 1962–1987 гг. – М., 1988; *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1957; История советско-монгольских отношений / Под ред. Б. Г. Гафурова, Б. Ширендыба. – М.: Наука, 1981; *Капица М. С., Иваненко В. И.* Дружба, завоеванная в борьбе. – М., 1970; *Майский И. М.* Монголия накануне революции. – М.: Институт востоковедения (ИВ) Академии наук СССР, 1959; *Матвеева Г. С.* Монгольский революционный союз молодежи: история и современность. – М.: Наука, 1960; *Осипов А. А.* Внешняя политика Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во ИМО, 1963; *Роцин С. К.* Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути. – М.: Наука, 1971; Русско-монгольские отношения: Сб. документов / Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. – М., 1974; *Улымжиев Д. Б.* Путь монгольского аратства к социализму. – Новосибирск, 1987; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987.

гольскому народу в его борьбе за независимость, в создании национального государства, экономической и социокультурной модернизации страны. Помимо теоретико-аналитических достоинств работы советских монголоведов содержат большое количество документального статистического материала по военному, межпартийному, социально-экономическому, научно-культурному советско-монгольскому сотрудничеству. Известная идеологическая заданность и господство марксистско-ленинской методологии в советских общественных науках обусловили определенную тенденциозность многих отечественных работ советского периода на тему взаимоотношений СССР и МНР. Ядром концепции советско-монгольских отношений стала теория «классовой солидарности» в отношениях «братских социалистических стран», в рамках которой не находилось места освещению и изучению существовавших противоречий между СССР и МНР, не всегда совпадающих интересов двух стран.

До начала демократических реформ 1990-х гг. *монгольские исследователи* при изучении монголо-советских отношений делали акцент на положительных моментах, признавая ключевую роль Советского Союза в деле социально-экономического и международно-политического развития МНР. В частности, в монографии «История Монгольской Народной Республики» авторы отмечают особую роль СССР в деле обретения Монголией независимости и экономического прогресса в форме некапиталистического пути развития². Данная историографическая традиция была продолжена в последующих работах видных монгольских ученых С. Дамдинсүрэн, Ц. Пунцагнорова, Б. Ширендыба и мн. др.³

Не избежали влияния идеологии на свои научные позиции и *западные авторы*. В западной политологической традиции превалиро-

² История Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1954.

³ Дамдинсүрэн С. МАХН дэлхийн коммунист хөдөлгөөнтэй холбоо тогтоож хөгжүүсэн (Образование союза МНРП и мирового коммунистического движения). 1921–1940. – Улаанбаатар, 1971; Пунцагноров Ц. Монголын автономийн үеийн түүх (История Монголии периода автономии). – Улаанбаатар, 1955; Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. – М., 1971.

вала точка зрения на то, что МНР являлась «страной-сателлитом» СССР, полностью зависимой от него. Данная позиция была оформлена в виде концепции «сателлитизма». При этом, как отмечает российский специалист в области западного монголоведения М. И. Гольман, можно выделить два основных направления внутри этой концепции – «мягкое» и «жесткое»⁴ Сторонники первого направления, при общем критичном отношении к социализму как модели общественного развития, видели в советском патронаже над МНР положительные моменты, в частности, условие сохранения ее государственного суверенитета и социально-экономического развития⁵ Основу второго направления составили представления его сторонников о сугубо насильственном характере включения Монголии в советскую зону влияния и колониальной по своей природе политике Москвы в отношении своего «самого старого сателлита»⁶ Для данного направления характерно рассмотрение Монголии в качестве «разменной пешки» в «большой игре» великих держав – России, Китая, Японии, а руководителей МНР как советских «марионеток», не способных и не желавших отстаивать монгольские национальные интересы. Само название работы одного из самых ярких представителей этого направления американского монголоведа Р. Рупена «Как на самом деле управляет-

⁴ См.: Гольман М. И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 256.

⁵ См., например: Bawden C. R. The Modern History of Mongolia. – London, 1968; Ewing T. The Mongolian People's Republic today // Asian Affairs. – 1980. – № 3; Hyer P. Development of Outer Mongolia // The Asian Student. – 1976. – № 6; Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. – N. Y. 1962; Sanders A. Mongolia: Politics, Economy and Society. – London, 1987.

⁶ См., например: Elleman B. A. Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations. 1917–20. – Armonk, 1987; Murphy G. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. – Berkley and Los Angeles, 1968; Rupen R. Mongols of XX century. – Mouton: Indiana University Press, 1964; Он же. Mongolian People's Republic. – Stanford, 1966; Он же. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of MPR (1900–1978). – Stanford, 1979; Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931. – Durham, 1959.

ся Монголия» подразумевает то, что монголы не имели собственного мнения по поводу управления собственной страной, но все время следовали веяниям, исходившим из Москвы.

Кроме идеологического фактора, на подобные умонастроения подавляющего числа западных исследователей эпохи «холодной войны» большое влияние оказал политический реализм, согласно которому критерием величия государства является его самодостаточность в пределах своей территории. Логика реализма такова, что слабые государства обречены либо группироваться против своих более могущественных конкурентов, либо быть зависимыми от них. Соответственно Монголия (МНР), согласно этой логике, не была способна к самостоятельным политическим инициативам и была обречена играть роль объекта, зависимого от более сильного соседа.

В *постсоветский период* предметом для изучения российскими учеными стали ранее не рассматриваемые аспекты советско-монгольских отношений, оценка многих моментов в истории советско-монгольских отношений была пересмотрена. В вышедших после 1991 г. отечественных работах на большом архивном материале были освещены такие непростые вопросы, как установление и развитие русско-монгольских связей, отношения между Коминтерном, советским и монгольским руководством, комплекс межгосударственных противоречий в рамках регионального треугольника – «Китай, Советская Россия, МНР»⁷ Получили свое развитие исследования

⁷ См., например: Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002; Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). – М.: ИВ РАН, 1999; Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв.: вопросы историографии. – Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2004; Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Иркутск, 1998; Курас Л. В., Бабаков В. В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) // Вестник БГУ–Сер. История. – Улан-Удэ, 1997; Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Панмонголизм как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке. – Иркутск, 1997; Лиштованний Е. И. От Великой империи к демократии. – Иркутск: ИГУ, 2007; Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – М., 2000; Надиров Ш. Г. Целен-

регионального уровня российско-/советско-монгольских контактов⁸

Несомненный интерес представляют работы А. С. Железнякова⁹ и С. С. Радченко¹⁰, являющиеся своеобразной деконструкцией мифа о «советском сателлите», созданном в западной историографии периода «холодной войны». Авторы, используя в своих исследованиях ранее недоступный архивный материал социалистической эпохи, убедительно доказывают способность монгольского руководства вести самостоятельную политику в отношениях с советской стороной, демонстрируют существовавшие противоречия внутри советско-монгольского блока.

С началом демократических преобразований в Монголии на волне общей переоценки истории XX столетия пересмотрена и история отношений с Советским Союзом. Тезис о фактической несамостоятельности МНР во внутренней и внешней политике, в частности, об отсутствии какой-либо субъектности в отношениях с СССР был воспринят и даже развит рядом монгольских авторов. Так, в известной книге, вышедшей в Монголии в 1990 г., монгольский политический

бал. 1984 год. – М.: ИВ РАН, 1994; *Роцин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940). – М.: ИВ РАН, 1999.

⁸ См., например: *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX века. – Иркутск: ИГУ, 1994; *Лиштованный Е. И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998; *Саая С. В.* Россия – Тува – Монголия: центральноазиатский треугольник в 1921–1944 гг. – Абакан, 2003.

⁹ *Железняков А. С.* К вопросу об отношении Коминтерна к панмонголизму // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты (История. Археология. Культура. Антропология и этнография). – М., 1996; *Он же.* Монгольский коммунизм: внутренние мотивы // VII Международный конгресс монголоведов. – Улан-Батор, 1997; *Он же.* Монголия в свете геополитики: объект или субъект? // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000.

¹⁰ *Radchenko S. S.* The Soviets' best friends in Asia: the Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split. – Woodrow Wilson International Centre for Scholars. Working Paper. – № 42. – Washington D. C., 2003. – November.

деятель и публицист Б.-Э. Батбаяр (литературный псевдоним – Баабар) назвал Х. Чойбалсана марионеткой № 1, а Ю. Цеденбала – марионеткой № 2¹¹ Иные монгольские лидеры 1920–1930-х гг., сошедшие с политической арены в результате внутрипартийной борьбы в Монголии, стали описываться в качестве «прото-капиталистов» и «националистов», активно сопротивлявшихся внедрению социализма в Монголии¹² Советская сторона в рамках этих схем стала выступать в роли внешней деструктивной силы, препятствовавшей независимому развитию МНР. Логичным продолжением данной концепции стал тезис о том, что окончание советско-монгольского союза явилось не чем иным, как «освобождением Монголии из-под диктата Москвы и обретением ею истинной независимости»¹³; в целом внешняя политика Монголии в XX в. стала рассматриваться через антиномичные категории «сателлитизм» и «самостоятельность», которые фактически ограничивали свободу интерпретации.

Между тем данное теоретическое построение не учитывает фактор более тонких и латентных неформальных идеологий внутри МНРП, а также «внутри» советско-монгольских отношений, развивавшихся под воздействием культурной и социальной сфер, динамики политического процесса в странах, оставляет немного места для анализа содержательных проблем сотрудничества между государствами, реально существовавших противоречий.

¹¹ *Баабар Б.* Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь – погибнешь). – Улаанбаатар, 1990. – С. 33, 37.

¹² *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001.

¹³ Подобная мысль довольно ясно присутствуют в текстах монгольских политиков (*Бямбасүрэн Д.* Уурийн жавар (Предрассветные заморозки) / Пер. и излож. Г. С. Яскина; Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 12; *Эрдэнэбат Б.* Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: Сб. ст. – М.: РИСИ, 1998. – С. 79–90) и ученых (*Батсайхан О.* Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1921–1932 (Препятствия на пути развития Монголии. 1921–1932 гг.). – Улаанбаатар, 1997.

Наряду с традицией, в рамках которой в целом негативно описывается советская политика в отношении Монголии, существует иная, основывающаяся на взвешенном подходе к оценке советско-монгольских отношений. Монгольские исследователи Б. Лхамсурэн, Л. Жамсран, развивая в своих работах «теорию трех революций» в Монголии в XX в. (1911, 1921 и 1990 гг.), считают, что в результате революции 1990 г. Монголия обрела *большую* степень независимости, чем просто независимость¹⁴ Также происходит переосмысление роли монгольских руководителей в системе отношений с Советским Союзом. Появился ряд работ, объективно рассматривающих деятельность монгольских руководителей¹⁵

Работ по изучению постсоциалистического периода российско-монгольских отношений как комплексного явления в современном российском монголоведении немного. В центр исследовательского внимания чаще всего попадали сюжеты, связанные с отдельными аспектами проблемы кардинальных изменений в российско-монгольских отношениях: динамикой торгово-экономического сотрудничества, проблемой погашения задолженности Монголии перед Россией, вопросами экономических и политических реформ в России и Монголии, приграничное сотрудничество¹⁶ В первые годы постсоветского

¹⁴ *Лхамсурэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда Монголии и ее государственная независимость). – Улаанбаатар, 1995; *Jamsran L.* Similarities and differences of the 1911 revolutions in Mongolia and China // *The Mongolian Journal of International Affairs.* – 1994. – № 1. – P. 61–63.

¹⁵ *Бат-Очир Л.* Чойбалсан. – Улаанбаатар, 1996; *Gurbadam Ts.* Yumjaa-giin Tsedenbal on Mongolia's Independence: Evolution of a Statesman's Stance // *Олон улсын харилцаа* (Международные отношения). – 2003. – № 2. – P. 141–151.

¹⁶ См., например: *Бойкова Е. В.* Проблема перехода на старомонгольскую письменность в Монголии: политический аспект // *Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции* (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 11–15; *Гербова А. А.* Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. – М., 1991; *Грайворонский В. В.* Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода, 1980–1995. – М., 1997; *Лиштованный Е. И.* Монголия: ситуация выбора // *Восток и Россия: взгляд из Сибири: Материалы и тезисы докладов научно-практической конференции.* – Иркутск, 1996. – С. 67–70; Монголия: ак-

периода статьи российских исследователей во многом являлись оперативной реакцией на текущие события. В дальнейшем, по мере накопления фактического материала, стал наблюдаться более фундаментальный подход к анализу отношений постсоциалистического периода.

Первыми монографиями, посвященными отношениям России и Монголии после 1990 г., стали работы В. Ц. Ганжурова¹⁷. В начале XXI в. вышли в свет работы Г. С. Яскиной¹⁸ и О. А. Джагаевой¹⁹, а также в 2006 г. защищена докторская диссертация О. А. Джагаевой «Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921–2005 гг.)»²⁰. Общее для данных работ – вывод о том, что в постсоциалистический период отношения между двумя странами, лишившись идеологической составляющей, приобрели более прагматичный характер, российские и монгольские лидеры начали руководствоваться принципом верховенства национальных интересов. В них рассмотрены сюжеты, связанные с фактором третьих стран в российско-монгольских отношениях. Позиции авторов сходятся в том, что с «уходом» России из Монголии в начале

туальные вопросы национальной безопасности: Сб. ст. – М.: РИСИ, 1998; Монголия: трудный путь к рынку: Сб. ст. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994; *Окнянский В. В.* Российско-монгольское приграничное и межрегиональное сотрудничество // *Россия и Монголия: Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке*: Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 230–241; *Попов С. П.* Существующее состояние и тенденции развития нефтяной и газовой промышленности стран Восточной Азии. – Иркутск, 2002; *Яскина Г. С.* Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. – М., 1994; *Она же.* Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку. – М., 1998.

¹⁷ *Ганжуров В. Ц.* Россия – Монголия (история, проблемы, современность). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997; *Он же.* Россия – Монголия (на трудном пути реформ). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

¹⁸ *Яскина Г. С.* Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – 370 с.

¹⁹ *Джагаева О. А.* Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX столетия. – М., 2003. – 138 с.

²⁰ *Джагаева О. А.* Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921–2005 гг.): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. – Волгоград, 2006.

1990-х гг., образовавшийся «вакуум силы» стали стремительно заполнять иные великие державы, в первую очередь Китай, рассматриваемый большинством российских авторов как главный конкурент России в регионе, успешно вытесняющий ее из сферы военно-политических, торгово-экономических и даже культурных отношений с Монголией.

В то же время работы В. Ц. Ганжурова и О. А. Джагаевой носят преимущественно исторический характер, и первая из них событийно охватывает период до 1995 г. В книге профессора Г. С. Яскиной внимание сосредоточено на многосторонних связях современной Монголии с внешним миром, где отношениям с Россией посвящена лишь отдельная глава. Кроме того, само название работы подразумевает несколько иной угол зрения, при котором основное внимание уделено собственно Монголии и ее взаимоотношениям с внешним миром.

К числу недостаточно исследованных аспектов российско-монгольских отношений постсоциалистического периода следует отнести: связь между новыми политическими институтами, образовавшимися в России и Монголии в начале 1990-х гг., и эволюцией механизмов взаимодействия двух стран; роль иных негосударственных акторов (частные коммерческие предприятия, административно-территориальные субъекты, национально-культурные объединения и иные общественные организации) в развитии двусторонних отношений; место международно-региональных организаций в процессе трансформации российско-монгольских отношений. Кроме того, мало представлены рассчитанные на перспективу рекомендации по стратегии России в условиях существующего международно-политического контекста.

В современной монгольской науке исследованию постсоциалистических взаимоотношений России и Монголии уделяется одно из основных мест. Возрос интерес к данной тематике в начале XXI в. и, в сравнении с российской историографией, монгольская является более обширной и разработанной. Практически любая работа монгольского автора, рассматривая внешнюю политику страны и международные отношения, так или иначе затрагивает российский аспект. К одной из причин этого можно отнести большую значимость российского направления во внешней политике Монголии в сравнении с монгольским направлением в российской внешней политике. Интерес совре-

менных монгольских ученых к изучению монголо-российских отношений объясняется важными внешнеполитическими задачами Монголии, заинтересованной в восстановлении и развитии политических, военных, экономических, научно-культурных связей с РФ. После демократической революции 1990 г. появился ряд интересных книг и статей по данной проблеме, в том числе и на русском языке²¹. В 2003 г. в Институте международных исследований АН Монголии бы-

²¹ См., например: *Алтанцэцэг Н.* 90-ээд оноос хойшхи үеийн Орос – Монгол, Хятад – Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с 1990-х гг.) // *Олон улсын харилцаа*. – 2003. – № 2; *Батбаяр Ц.* Орос ба Монгол (Россия и Монголия) // 1990-ээд оны олон улсын харилцааны хандлагууд, Монгол Улс – их гүрнүүдийн харилцаа (Тенденции международных отношений в 1990-е годы и отношения Монголии с великими державами). – Улаанбаатар, 1995; *Балдоо Б.* Монгол улсын гадаад харилцаа. XX зууны эхэн ба төгсгөл үе (Внешние связи Монголии. Начало и конец XX века). – Улаанбаатар, 2003; *Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л.* Монголын тусгаар тогтнол ба Орос, Хятадын хүчин зүйл (Независимость Монголии и российско-китайский фактор). – Улаанбаатар: АН Монголии, 1999; *Баярхуу Д.* Монгол улсын гадаад бодлого, олон улсын харилцааны туухийн зарим асуудал (Некоторые вопросы международных отношений и внешней политики Монголии). – Улаанбаатар, 1996; *Дүгэрсүрэн М., Гомбосүрэн Ц.* XX зууны Монголын гадаад бодлогын түүхын тойм (Обзор истории внешней политики Монголии в XX веке). – Улаанбаатар, 2004; *Дэмбэрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. – Иркутск, 2002; *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда Монголии и ее государственная независимость). – Улаанбаатар, 1995; Монгол, ОХУ, БНХАУ-ын хил орчмын эдийн засгийн хамтын ажиллагаа (Приграничное экономическое сотрудничество Монголии, РФ и КНР). – Улаанбаатар, 2000; *Энхбаяр П.* Монгол-Оросын харилцааны зарим асуудлууд (Некоторые вопросы монголо-российских отношений) // 1990-ээд оны олон улсын харилцааны хандлагууд, Монгол Улс – их гүрнүүдийн харилцаа. – Улаанбаатар, 1995; *Энхцэцэг С.* ОХУ-ын евразийн бодлого (Евразийская политика РФ) // Олон улс судлал (Международные исследования). – 2004. – № 2; *Она же.* ОХУ-ын гадаад бодлого дахь олон нийтийн дипломат ажиллагаа (Общественная дипломатия во внешней политике РФ) // Олон улсын харилцаа. – 2004. – № 1; *Hishigt N.* Contemporary Mongolian-Russian Relations // *Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. – Chinese Culture University. – Taiwan, 2004.

ла издана коллективная монография «Геополитика в Центральной Азии и Монголия», где подробно рассмотрена роль России в контексте регионального соперничества Москвы и Пекина²². В 2005 г. вышла в свет коллективная работа «Монгольско-российские отношения. Политика регионального развития и сотрудничества». Сосредоточив свое внимание на торгово-экономических аспектах отношений, авторы подчеркивают особую роль прямых хозяйственных связей между приграничными регионами в деле успешного развития экономик двух стран²³. В качестве одной из основных тенденций в современной монгольской науке можно выделить более взвешенный в сравнении с началом 1990-х гг. подход к анализу современных отношений Монголии с Россией.

Современные западные авторы предметом своего исследования, как правило, избирают комплексные политические и экономические связи Монголии с внешним миром, не уделяя особого внимания их российскому сегменту. К настоящему моменту преобладают работы аналитического и публицистического характера, в которых рассматриваются некоторые моменты этой проблематики²⁴ и, как отмечает

²² Төв Азийн геополитик. Монгол Улс. – Улаанбаатар, 2003.

²³ Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого хамтын ажиллагаа (Монголо-российские отношения. Политика регионального развития и сотрудничества) / Ред. С. Дамдинсүрэн, К. Дэмбэрэл. – Улаанбаатар, 2005.

²⁴ См., например: *Campi A.* Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // *Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries.* – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 268–287; *Fish M. S.* The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // *Communist and Post-Communist Studies.* – 2001. – № 34. – P. 323–338; *Ginsburg T.* Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // *Asian Survey.* 1995. – № 5. – P. 59–71; *Hyer E.* The Great Game. Mongolia between Russia and China // *The Mongolian Journal of International Affairs.* – 1997. – № 4. P. 17–21; *Kaplonski C.* Reconstructing Mongolian Nationalism: The View Ten Years on // *Mongolian Political and Economic Development During the Past Ten Years and Future Prospect / International Conference Hall.* – Taiwan, 2000. – P. 328–365; *Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan /* Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. – N.Y.; London, 1999; *Rupen R.* Mongols of the 21st Century // *Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries.* – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 5–29; *Sabloff P.* Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy //

М. И. Гольман, «пока трудно говорить о наличии у западных авторов какой-то цельной научной концепции начавшейся в 1990 г. эволюции современного состояния и перспектив развития отношений Российской Федерации и Монголии»²⁵

Среди фундаментальных западных работ, в которых так или иначе затрагивается тема современных российско-монгольских отношений, можно выделить известного американского востоковеда М. Россаби «Современная Монголия: от ханов к комиссарам и далее к капиталистам»²⁶, где дается подробный анализ постсоциалистической истории Монголии. В частности, он отмечает, что отношения между странами, пережив в 1990-е гг. определенный упадок, в начале нового столетия вновь активизировались. Причем взаимное сближение двух стран обусловлено как внутренними для России и Монголии причинами, так и рядом внешних по отношению к российско-монгольским связям факторов, в частности, усилением китайских позиций в регионе. Отдельные западные авторы, анализируя перспективы дальнейшего развития Монголии, все чаще рассматривают российскую политику в регионе в качестве важной составляющей монгольской безопасности²⁷. Хотя склонность к негативной оценке любых попыток со стороны России увеличить свое влияние в Монголии по-прежнему присуща ряду западных исследователей²⁸.

Central Asian Survey. – 2002. – № 21. – P. 19–36; Sanders A. Mongolia 1990: a New Dawn // Asian Affairs. – 1991. – № 2. – P. 31–42; Severinghaus Sh. R. Mongolia in 1994. Strengthening Democracy // Asian Survey. – 1995. – № 1. – P. 70–75.

²⁵ Гольман М. И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке... – С. 266.

²⁶ Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. – Los Angeles; London: University of California Press, 2005.

²⁷ Campi A. Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 268–287.

²⁸ Bedeski R. E. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – P. 83–94; Pham P. J. Mongolia's Challenge // Washington Times. – 2008. – 21 февраля; Rupen R. Mongols of the 21st Century // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 5–29.

Глава 1. Советско-монгольские отношения в контексте истории социалистического периода

1.1. Взаимоотношения СССР с социалистическими странами Общие черты и региональная специфика

Стремительная и кардинальная смена векторов общественного развития большинства стран бывшего социалистического лагеря в последнее десятилетие XX в. вызвала к жизни множество вопросов и проблем как теоретического, так и практического характера. Основное внимание научного сообщества оказалось сосредоточено на внутренних переменах этих стран. Транзитология как одно из научных направлений стала неотъемлемой частью исследовательского инструментария историков, политологов, социологов, изучающих постсоциалистические общества²⁹

В то же время такая проблема, как связь между внутренними изменениями в бывших социалистических странах и характером их взаимоотношений осталась менее изученной. Как правило, перемены на межстрановом уровне трактовались в качестве логического продолжения изменений внутреннего порядка, в рамках либеральной па-

²⁹ См., например: *Гельман И. А.* Постсоветские политические трансформации // *Полис*. – 2001. – № 1. – С. 17–31; *Капустин Б. Г.* Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // *Полис*. – 2001. – № 4. – С. 6–26; *Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия / *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. – М.: МОНФ, 2000. – С. 336–368; *Моцелков Е. Н.* Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. – М.: МГУ, 1996. – 152 с.; *Пшевцовский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М., 1999. – 320 с.; *Чешков М. А.* Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1994. – 176 с.; *Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late Twenty Century. – Norman and London, 1992; *McFaul M.* The Perils of a Protected Transition // *Journal of Democracy*. – 1999. – № 2; *O'Donnel G.* Delegative Democracy // *Journal of Democracy*. – 1994. – № 1.

радигмы «линейного транзита», согласно которой степень «демократичности» внешней политики того или иного посттоталитарного/поставторитарного государства напрямую зависит от укорененности внутри него соответствующих демократических институтов и процедур³⁰

При таком подходе, во-первых, не берутся во внимание в качестве значимых географические, социально-экономические, историко-культурные и иные характеристики той или иной страны. В частности, история взаимоотношений рассматриваемых стран между собой в социалистический период (и даже в более ранние периоды истории), от которых могут зависеть траектории общественного развития, и взаимоотношений на современном этапе. Во-вторых, практически игнорируются факторы иного, чем внутриполитического характера. Например, существующий международно-политический (региональный и глобальный) контекст. Между тем, на наш взгляд, при изучении трансформации отношений между бывшими социалистическими странами как системного явления следует в равной степени сосредоточить внимание как на эндогенных, так и экзогенных факторах этого процесса.

В связи с этим мы предполагаем, что причины, основные характеристики и особенности трансформации отношений современной России с той или иной страной бывшего социалистического содружества следует рассматривать с учетом развития этих взаимоотношений в предыдущие периоды истории. По мнению российского специалиста в области транзитологии Е. Н. Мошелкова, к общественным трансформациям можно отнести процесс, для которого свойственно, с одной стороны, отмирание или уменьшение значения прежних факторов общественных отношений, с другой, зарождение и становление элементов новых отношений. Причем нередко становление и зарождение элементов происходит с опорой на потенциал прежних элементов³¹. Поэтому современные отношения России и Монголии, как стран, которые первыми вступили на социалистический путь развития, безусловно, следует рассматривать и в контексте истории их

³⁰ См., например: Кулагин В. Политические режимы и внешняя политика // *Pro et Contra*. – 2003. – № 1. – С. 137–151.

³¹ Мошелков Е. Н. Переходные процессы в России... – С. 5–6.

взаимоотношений в предыдущую социалистическую эпоху. Именно в социалистический период была сформирована модель взаимоотношений, от которой Москва и Улан-Батор отказались в самом начале 1990-х гг., встав на путь кардинального обновления повестки взаимодействия.

Социалистическое содружество (советский блок), окончательно сложившееся в первое десятилетие послевоенного периода и институционально оформившееся путем создания Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД), представляло собой систему союзнических отношений СССР с остальными членами содружества³² При этом Советский Союз был безусловным лидером, государством-ядром содружества, вокруг которого группировались его союзники, в различной степени зависимые от Москвы. Подобное положение вещей было отражением объективно существовавшей асимметрии во внешнеполитических возможностях стран. Орыв СССР от своих союзников по «совокупному потенциалу своего комплексного (экономического, политического, военно-силового и культурно-идеологического) влияния на международные отношения»³³ был очевиден.

Однако само по себе превосходство СССР над союзниками еще не гарантировало незыблемости его лидирующих позиций в рамках советского блока. Внешним основанием, обеспечивавшим долгое время относительное единство социалистического содружества и лидерские позиции в нем Советского Союза, было глобальное идейно-политическое, военное и экономическое противостояние капитали-

³² Советское руководство начиная с 1960-х гг. относило к социалистическому содружеству государства-члены ОВД в Европе, Вьетнам и Монголию в Азии, Кубу в Латинской Америке. КНР, КНДР, Лаос, Бирма, Камбоджа, Албания и Югославия членами социалистического содружества не признавались, хотя вправе называться социалистическими им не отказывалось, и все они первоначально идеологически ориентировались на СССР и рассматривали его в качестве источника экономической помощи.

³³ *Богатуров А. Д.* Смена порядков в международной системе. 1945–2003 / Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. – Т. 3. События 1945–2003 / Под ред. А. Д. Богатурова. – М.: НОФМО, 2003. – С. 9.

стическому миру, вошедшее в историю под названием «холодная война».

После Второй мировой войны, подобно тому, как восточно-европейские страны оказались зависимы от СССР, страны Западной Европы довольно быстро попали в подчиненное положение к США, поскольку последние выступили их реальным покровителем и мотором экономического возрождения. Периодически даже на уровне риторики американская сторона давала понять, что она является старшим партнером в НАТО, военно-политической организации, объединявшей западных союзников. Например, госсекретарь Дж. Ф. Даллес заметил, что «для такой страны, как Соединенные Штаты, имеющей интересы по всему миру, весьма затруднительно консультироваться с союзниками по Альянсу по любому вопросу»³⁴

Во многом разделение международной системы на западную и восточную части мирового экономического организма после отвержения странами «народной демократии» и Советским Союзом американского «плана Маршала» послужило причиной образования обособленных друг от друга политико-хозяйственных и военных миров, для каждого из которых было характерно наличие сверхдержавы-лидера (СССР и США) и находящихся в зависимости от нее союзников.

Одной из ключевых характеристик «холодной войны» явилось то, что при всей остроте напряженности во взаимоотношениях между СССР и США, она не переросла в открытый вооруженный конфликт. Это послужило поводом для ряда политиков и теоретиков-международников говорить о существовании определенной стабильности и «правил игры» в отношениях между Москвой и Вашингтоном, а также их союзниками в период «холодной войны»³⁵ Наличие потенциального противника, вероятность открытого столкновения с которым, чаще всего, оценивалась как маловероятная, играло важную роль в отношениях между членами противоборствовавших блоков.

³⁴ Цит. по: От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. – М.: НОФМО, 2005. – С. 108.

³⁵ См. например: *Kissinger H. The White House Years.* – Boston, 1979; *Waltz K. Theory of International Politics.* – Readings: Addison-Wesley, 1979.

Так, идейно-политическое единство среди своих союзников Москва и Вашингтон поддерживали во многом за счет постоянной актуализации представлений о «внешней угрозе». Например, США, постепенно перенося акцент с событий, связанных с «суэцким кризисом» 1956 г. на советское вмешательство в венгерские дела, успешно смогли сгладить возникшие противоречия между союзниками – Великобританией и Францией, используя «советскую угрозу» в качестве объединяющего фактора³⁶. Общее недовольство многих членов НАТО асимметричным характером отношений с США часто уравнивалось выгодами от военных гарантий со стороны Вашингтона.

Кроме того, в ситуациях обострения двусторонних противоречий более сильная сторона могла в одностороннем порядке навязывать свои условия союзнику. Согласно доктрине «социалистического интернационализма» (на Западе получившей неофициальное название «доктрины Брежнева»), в отношениях между социалистическими странами превалировал принцип «глубокого идеологического единства», на практике означавший ограничение суверенитета менее сильных членов блока, который считался второстепенным по отношению к союзническим отношениям.

Таким образом, само создание ключевых организаций (ОВД и НАТО) обосновывалось необходимостью усилить меры обороноспособности стран-участниц в условиях идейно-политического противостояния. Фактор постоянной «внешней угрозы» зачастую оправдывал и придавал легитимность существовавшей иерархии внутри двух блоков.

В то же время описание взаимодействий сильного и слабого партнера исключительно в терминах «субъект-объектных» отношений, на наш взгляд, не вполне отражает реальный механизм этих взаимодействий. По выражению американского исследователя И. Чин, «у нас существует склонность рассматривать коммунистический блок в качестве одного единого красного образования <...> Неспособность увидеть многие тонкости внутри этого блока сказывалась на адекватности американской политики в отношении социалистиче-

³⁶ От миропорядка империй к имперскому миропорядку... – С. 104.

ских стран»³⁷ Как показывает история, даже в условиях тесных военно-политических и экономических союзов среди их членов имеют место и неизбежные *противоречия* (конфликтные ситуации) по различным вопросам. Для ограничения и уменьшения издержек, связанных с подобными противоречиями, принципиально важным для участников взаимоотношений (в первую очередь, сильного партнера) является удачное, по возможности взаимоприемлемое их разрешение или, по крайней мере, приведение этих противоречий в четкие институциональные рамки. Ибо в противном случае критическая масса недовольства слабого партнера/партнеров от неразрешенности острых противоречий может перевесить выгоды союзнических отношений, а ситуация перерасти в кризисную. Как образно заметил известный политолог Н. А. Косолапов, «попытки задавить конфликты и конфликтность <...> рано или поздно неизменно заканчивались тем, что противоречия развития, выставленные в дверь, врываются назад через окно или иные «проемы», только более мощно и разрушительно»³⁸ Российский исследователь К. А. Ефремова отмечает, что система начинает терять устойчивость лишь в том случае, если существующая модель межгосударственных отношений по каким-то причинам перестает устраивать значительное число государств³⁹

Высокая степень влияния СССР и США на остальной мир позволила известному американскому политологу-международнику, исследователю «холодной войны» Дж. Л. Гэддису сравнить сверхдержавы и сформировавшиеся вокруг них блоки государств с империями. Это сходство он находил не только в «наличии внутренней иерархии, существовании разных способов воздействия доминирующей державы на своих союзников/сателлитов», но и в «существовании обратных связей, позволявших не только сверхдержавам влиять на союзников,

³⁷ GW Makes Mongolia a Hot Topic in World Studies (<http://www.gwu.edu>).

³⁸ Косолапов Н. А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева // Очерки теории и методологии анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. – С. 176.

³⁹ Ефремова К. А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений (на примере Китая, Индии и Мьянмы): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2004.

но и союзникам оказывать существенное воздействие на политику сверхдержав»⁴⁰

В теории международных отношений аксиоматичным является тезис о том, что государства способны пойти на определенное взаимное сближение в том случае, если в их взаимоотношениях сложился благоприятный для этого баланс интересов. То есть большинство жизненно важных интересов одной стороны совпадают с аналогичными интересами другой, а существующие разногласия и противоречия не способны внести серьезные коррективы в процесс эффективного сотрудничества⁴¹. Соответственно наличие и соотношение областей совпадения/несовпадения интересов рассматриваемых государств есть важное условие для сотрудничества между этими государствами.

Хотя государства-лидеры, как правило, доминировали в отношениях со своими союзниками, часто навязывая им свои «правила игры», данная модель взаимоотношений необязательно была исключительно выгодна только для первых и абсолютно не выгодна для вторых. Как указывает В. Е. Петровский, «в рамках отношений подобного типа одни участники добиваются безопасности, другие – автономии. Более сильная держава обеспечивает безопасность для менее сильных, увеличивая тем самым автономию принятия решений; слабая региональная держава получает гарантии безопасности в обмен на обещание следовать политическому курсу более сильной державы»⁴².

Кроме того, степень свободы маневра для менее сильных государств внутри таких союзов всегда была большей, чем это могло показаться со стороны. В своих мемуарах советский генерал А. Майоров отмечает, что «какими бы лояльными ни были союзники, их военно-политической установкой всегда является обеспечение собственных интересов. Для Чехословакии, в случае вторжения противника, главное – как можно скорее втянуть в войну своего союзника СССР с его могучими вооруженными силами, а свою армию –сберечь. оборо-

⁴⁰ Gaddis J. L. We now how. Rethinking Cold War History. – Oxford, 1997. – P. 26–28.

⁴¹ См., например: Удалов В. В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. – 1990. – № 5. – С. 19–20.

⁴² Петровский В. Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. – М., 1998. – С. 18.

няться и не рисковать – вот кредо Чехословацких вооруженных сил»⁴³

Для многих членов социалистического блока участие в СЭВ было выгодно, долгое время отвечало их экономическим интересам. По словам Р. С. Гринберга, «в 1950–60-е годы – в условиях экстенсивного экономического роста и бурного увеличения взаимного товарооборота стран-членов СЭВ – логика межгосударственного натурально-компенсационного обмена не выглядела порочной <...> Согласно известным экспертным оценкам, в период 1970–1984 гг. общая сумма выигрыша, полученного восточно-европейскими странами-членами СЭВ от торговли с СССР достигла 196 млрд. долларов США»⁴⁴ В целом страны Восточной Европы восстановили свои экономики и смогли существенно повысить свой международный статус, опираясь на авторитет Советского Союза (особенно это касалось созданной в 1949 г. ГДР, а также бывших союзников нацистской Германии – Болгарии, Венгрии, Румынии).

В конечном итоге в отношениях СССР (как государства-лидера) со своими менее мощным союзниками по социалистическому содружеству имело место *не столько одностороннее воздействие, сколько взаимовлияние* (пусть и неравнозначное). Характер и степень этого взаимовлияния обуславливались базовыми характеристиками сторон. К примеру, ГДР, будучи страной, по своему военному, экономическому, демографическому и научно-техническому потенциалу стоящей выше таких социалистических стран, как Болгария, Венгрия или Чехословакия, занимала более активную позицию в отношениях с Советским Союзом, играла значительную роль в структурах СЭВ и ОВД.

Однако, как показала практика, наличие общей внешней угрозы (мнимой или реальной), а также выгоды от торгово-экономических отношений не всегда являлись эффективными в деле поддержания единства внутри блоков. В условиях ограниченных экономических возможностей СССР был вынужден управлять своими союзниками с

⁴³ Майоров А. Вторжение. Чехословакия, 1968 год: свидетельства командарма. – М., 1998. – С. 75.

⁴⁴ Гринберг Р. С. Почему нет СЭВа и чему учит его опыт // Российский экономический журнал. – 1999. – № 4. – С. 79–81.

помощью идеологических и силовых рычагов. Характерен пример событий в Венгрии 1956 г. и Чехословакии 1968 г., когда Москва, будучи не в силах обеспечить единство в рядах своих союзников преимущественно дипломатическими и/или экономическими методами, прибегла к методам военно-силового порядка. Применение подобных методов, при всей кажущейся их эффективности, наносило серьезный урон международному имиджу Советского Союза, подрывало доверие к нему со стороны союзников. Наблюдался рост антисоветских настроений в странах, подвергшихся военному вторжению. Москва постепенно утрачивала симпатии части благожелательно настроенных к ней сил в странах «третьего мира», европейских «левых». Румыния, член ОВД, не поддержала советскую акцию в Чехословакии, а Албания 12 сентября 1968 г. вообще вышла из этой организации. Слабости подобного подхода к разрешению противоречий стали очевидны, и для укрепления отношений со своими союзниками требовались нетрадиционные для середины XX в. принципы и методы взаимодействия.

По мере усложнения международно-политического и экономического процессов, система отношений США и их военно-политических союзников в качестве реакции на потенциальную возможность возникновения кризисных ситуаций в этих отношениях сумела эффективно перестроиться и эволюционировать к новому типу, способному разрешать назревшие противоречия путем минимизации потерь. Стараясь не допустить нового «кризиса доверия»⁴⁵, Вашингтон пересмотрел свою политику в отношении европейских партнеров по альянсу, формально предоставив им большую самостоятельность. Было предложено развивать межсоюзнические отношения в направлении перехода от главенства США к более равноправному партнерству, то есть к наращиванию ответственности европейцев, особенно в военном отношении.

Помимо этого, чтобы не допускать серьезных разногласий в стане союзников, США пустили в ход весьма простой и в то же время

⁴⁵ Так называемый «кризис доверия» в отношениях между участниками НАТО случился в период с середины 1950-х – до середины 1960-х гг. и означал комплекс взаимных противоречий по значительному кругу международных вопросов. В частности, по вопросу о принципах и порядке контроля над ядерным оружием.

эффективный политический механизм: все спорные вопросы подлежали обсуждению, в ходе которого происходило согласование позиций между всеми участниками блока и выработка консенсусного решения. Госсекретарь Д. Раск в телеграмме в Госдеп от 14 декабря 1967 г. отмечал, что «ценность процесса обсуждений намного выше, чем ценность непосредственно самого конечного результата»⁴⁶

В стремлении создать видимость равного партнерства и исключить подозрения в одностороннем диктате, а также как можно тесно связать между собой союзников по НАТО особый акцент США делали на необходимости рассмотрения в рамках Альянса не только военных, но экономических и политических вопросов. Подобная стратегия преследовала цель создания экономически единой, сильной Европы. В результате был заложен фундамент для развития особой формы международно-политического союза, в котором лидер был согласен идти на диалог с младшими партнерами.

Таким образом, в отличие от советской стороны, которая вплоть до середины 1980-х гг. продолжала проводить достаточно жесткую политику в отношении своих союзников по ОВД, США использовали более гибкие методы с особым акцентом на тесных политических консультациях и использовании политических структур НАТО в качестве своеобразного форума для обсуждения всех спорных вопросов.

Безусловно, даже при таком подходе США оставались лидером, стремящимся придерживаться отношений типа «ведущий – ведомый» со своими союзниками. Но вместе с тем в американской политике присутствовало и желание реализовать внутренний потенциал развития партнеров по НАТО. Вашингтон допускал формирование взаимозависимости со своими союзниками и возможность принятия ими самостоятельных решений по отдельным вопросам международной политики. В частности, США не только не оказывали препятствий процессу европейской экономической интеграции, начавшейся в 1950-х гг., но во многом способствовали его продвижению⁴⁷

⁴⁶ Цит. по: От миропорядка империй к имперскому миропорядку... – С. 130.

⁴⁷ Об этом см., например: История европейской интеграции (1945–1994) / Под ред. А. С. Намазовой, Б. Эмерсона. – М.: ИВИ РАН, 1995; США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков / Отв. ред. А. И. Уткин. – М.: Наука, 2000.

В современной политологической литературе уже классическим стало различие между «жесткой силой (hard power)» и «мягкой силой (soft power)». Под «мягкой силой» профессор Гарвардского университета Джозеф Най-младший понимает «способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для «жесткой силы»⁴⁸. В связи с этим модель отношений между США и их союзниками, основанная в том числе на методах убеждения и диалога («мягкая сила»), может быть обозначена как «мягкое» лидерство в противоположность модели «жесткого» лидерства, опирающейся на такие традиционные для международной политики средства, как силовое давление, экономические санкции и т. п. К модели «жесткого» лидерства тяготели отношения СССР с государствами-участниками ОВД. Это не означает, что советская сторона опиралась исключительно на силовые методы, но в случаях кризисных ситуаций в отношениях с союзниками силовые методы нередко были последним «доводом».

«Мягкое» лидерство качественно отличается от «жесткого» принципом отношения к межгосударственным противоречиям. Если в модели «жесткого» лидерства превалируют либо односторонние решения лидера, либо изоляция потенциально конфликтных устремлений между союзниками, то в модели «мягкого» лидерства акцент делается на открытом обсуждении и разрешении существующих проблем и противоречий. Кроме того, между взаимоисключающими и совпадающими кооперационными интересами постепенно возникает оптимальный баланс, при котором первые уравниваются вторыми. Например, общая заинтересованность США и Франции в области политического и экономического сотрудничества во второй половине XX в. компенсировала периодически возникавшие между ними противоречия по различным вопросам международной политики⁴⁹.

⁴⁸ Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N. Y. Public Affairs, 2004. – P. 61.

⁴⁹ В результате одного из таких противоречий Франция 21 февраля 1966 г. даже вышла из военной организации НАТО, что однако не помешало обеим сторонам в дальнейшем продолжить плодотворное сотрудничество.

Даже с окончанием почти полувекового противостояния с СССР и его союзниками по ОВД, когда все более распространенными стали разговоры о кризисе целей НАТО, Альянс тем не менее нашел новые пути и дополнительные ресурсы для внутреннего реформирования при сохранении основ оборонного союза⁵⁰ Вашингтон, по мнению ряда исследователей, выработал и сохранил после «холодной войны» способность управлять конфликтным потенциалом в среде союзников, вытекающую из центрального положения США в ряде военно-политических Альянсов и экономических организаций⁵¹ Таким образом, при помощи механизмов «мягкого» лидерства происходили процессы адаптации Альянса к новым международным условиям и регулирования противоречий между союзниками.

К основным причинам формирования подобной модели взаимодействия государства-лидера со своими союзниками можно отнести тенденцию к взаимозависимости как общемировое явление. Постепенное сближение развитых стран Запада на основе общности взглядов на пути решения экономических, политических, социальных, экологических и других проблем способствовало повороту их взаимоотношений от жесткого варианта разрешения противоречий к более гибкому, на основе компромиссов и взаимной выгоды. При этом скачок в производительных силах за счет НТР, повышение эффективности в экономическом регулировании стали основанием для подобного поворота. Данная интерпретация, при всех ее различиях в концептуальных основаниях, очень близка к распространенной в науке о международных отношениях теории «взаимозависимости мира», опи-

⁵⁰ Основанная на историческом опыте последних веков логика реалистического подхода к военным союзам заставляла предполагать, что практически ни один из оборонных Альянсов не мог пережить собственной победы над противником. Об этом см., например: *Walt S. The Origins of Alliances.* – Ithaca: Cornell University Press, 1984. – P. 214.

⁵¹ См., например: *Богатуров А. Д.* Плюралистическая однополярность (1997–2003)... – Т. 3. – С. 626–627; *Троицкий М. А.* Трансатлантический союз. 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. – М.: НОФМО, 2004. – С. 21.

рающей на тезис о глобальной взаимосвязанности всех стран мира⁵²

Кроме того, рассуждая о моделях взаимодействия двух государств-лидеров со своими союзниками и сателлитами по военно-политическим блокам, необходимо учитывать и *фактор идеологической составляющей* политики Москвы и Вашингтона в отношении менее сильных партнеров. Политические институты, ценности, социально-экономические модели развития советского и американского обществ, а также специфика внешнеполитического поведения двух государств в той или иной мере переносились на местную почву, были своеобразным ориентиром для стран, зависимых от СССР и США.

Первоначальным источником перехода к модели «мягкого» лидерства для США и в целом для буржуазных западных стран выступила плюралистическая природа их внутреннего устройства. В течение нескольких столетий созданы и усовершенствованы общественно-политические механизмы, призванные смягчить или нейтрализовать негативные проявления существующих противоречий. При достаточно гибком использовании этих механизмов государственные и общественно-политические структуры стали относительно успешно предотвращать возможные социальные взрывы, ставить определенные пределы обостряющимся проблемам. На смену абсолютизации традиционных устоев и консервативных начал в сфере управления обществом пришел механизм их непрерывных модификаций, общественного диалога.

Зародившись на национальном уровне, этот механизм постепенно стал переноситься и на международную арену, в отношения между союзниками по евро-атлантическому блоку. Американская политическая элита стала отдавать предпочтение неформальным «мягким» методам доминирования во внутрисоюзных отношениях, то есть косвенного управления политическими сообществами, входящими в сферу их влияния, используя структуры таких институтов, как НАТО, МВФ, Мировой банк. Управление, осуществляемое посредством этих институтов и процедур, схожих с американскими, легко поддавалось

⁵² См., например: *Най Дж. Кохейн Р* Транснациональные отношения и мировая политика / Теория международных отношений: хрестоматия / Сост., ред. П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2002.

регулированию и контролю со стороны Вашингтона, так как сами Соединенные Штаты уже давно и успешно освоили соответствующие политические технологии на собственном внутривнутриполитическом поле. Кроме того, для большинства американских союзников по НАТО, имевших значительный опыт демократического развития, данные процедуры также были знакомы и понятны.

В этом отношении менее приспособленная к вызовам современности социалистическая модель общественно-экономического и политического развития со временем стала проигрывать заочное соревнование капиталистической модели. В том числе и в деле обеспечения условий для эффективного преодоления кризисных ситуаций и разрешения накопившихся взаимных противоречий между членами советского блока. Кризисные явления особенно интенсивно стали выходить на поверхность по мере снижения актуальности «внешней угрозы». Москве становилось все труднее обосновывать свои претензии на лидерство среди своих союзников из-за нормализации отношений с Вашингтоном во второй половине 1980-х гг. Неизбежным оказалось ослабление центростремительных тенденций внутри социалистического содружества.

Собственно задачу опередить назревший и готовый прорваться кризис как на внутривнутриполитическом, так и международном уровне была призвана политика «перестройки» и «новое мышление». К существовавшим противоречиям внутри социалистического содружества планировалось подойти с позиций равноправного диалога, предполагавшего плюрализм позиций в противовес прежнему принципу идеологического единства. В частности, из концепции «нового мышления» для отношений Москвы с социалистическими странами Европы следовали установки, связанные с содействием реформированию политических режимов этих стран по образцу преобразования СССР, отказ советского руководства от вмешательства в дела восточно-европейских стран. Стремясь обновить систему взаимодействия со своими восточно-европейскими союзниками, М. С. Горбачев фактически согласился с их правом на собственный выбор внешнеполитической ориентации.

Однако в силу различного рода причин – отсутствия опыта в подобного рода подходе, теоретического инструментария и сложившихся исторически институтов и процедур – такая попытка сохранить

политическое и экономическое единство социалистического пространства в конечном счете потерпела неудачу. В течение 1991 г. прекратили свое существование две структурообразующие международные социалистические организации – ОВД и СЭВ, а вскоре после этого ушел с исторической арены и сам Советский Союз.

Бесспорно, основными причинами, послужившими толчком к выходу на поверхность внутриблоковых противоречий в Европе и, в конечном итоге, приведшими к кризису и распаду мировой социалистической системы, стали социально-экономическое ослабление социалистического содружества и последовавшие за ним кризисные явления в модели общественно-политического развития, связанные с издержками и слабостями авторитарного способа управления. Однако, на наш взгляд, не менее важен и тот факт, что советское руководство не обладало необходимыми инструментами и технологиями, при помощи которых можно было компенсировать негативные моменты в отношениях с союзниками. Именно процедурный механизм союзнических отношений стал одним из самых уязвимых мест во взаимодействии СССР со своими «собратьями» по социалистическому содружеству. Модель «жесткого» лидерства оказалась менее приспособленной к адекватным ответам на вызовы современности.

Хотя после исчезновения социалистического содружества и самоликвидации Советского Союза система взаимоотношений Российской Федерации как правопреемницы СССР на международной арене и ее вчерашних союзников, окончательно лишившись идеологической составляющей, стала более избирательной и, казалось, лишенной идеологической доминанты, история отношений прежних лет продолжала оказывать определенное влияние на состояние отношений текущих.

Сразу же после распада СССР у российского руководства отпала необходимость поддержания единства в рядах бывших социалистических стран, и приоритетом во взаимоотношениях с ними были провозглашены национальные интересы России⁵³. Отдельные страны на какое-то время практически выпали из сферы внимания Москвы (Ал-

⁵³ См., например: Концепция внешней политики РФ, принятая в декабре 1992 года // Внешняя политика и безопасность современной России / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – Т. 4. – С. 21–50.

бания), с другими резко сократилось количество внешнеполитических контактов (Венгрия, Чехия, Румыния), за третьими сохранилась высокая степень приоритетности (Польша). По сути, новая Россия не желала и одновременно не могла больше играть роль доминирующей стороны в отношении стран Восточной Европы по аналогии с социалистическим периодом. Отчасти российское влияние в этой части мира упало из-за того, что Россия после распада СССР утратила границу с большинством из этих стран – за исключением небольшого участка российско-польской границы в Калининградской области. В итоге возникли условия для более прагматичных взаимоотношений между вчерашними союзниками по социалистическому содружеству. Однако по ряду причин этого не удалось достичь (по крайней мере, в отношениях с некоторыми восточно-европейскими странами).

С исчезновением идеологического противостояния между социалистическим и капиталистическим блоками начался процесс выхода на первый план традиционных, привнесенных историей и исторической памятью мотиваций во внешнеполитическом поведении постсоциалистических стран, остававшихся скрытыми в период «холодной войны». Так, для ряда государств Восточной Европы вновь актуализировался образ России как постоянной военной и даже цивилизационной угрозы их существованию. Особенно сильными антироссийские настроения оказались в странах, имеющих негативный исторический опыт отношений с Россией, – Польша, Чехия, Венгрия. В свою очередь в таких бывших соцстранах, как Югославия, Болгария, Словакия уровень антироссийских настроений оказался на порядок ниже, что объяснимо отчасти более благоприятным историческим образом России в указанных странах.

Значительная часть политических элит и общества стран Восточной Европы считала возможным обеспечение собственной экономической и военно-политической безопасности посредством членства в таких организациях Запада, как ЕС и НАТО. В принятой на встрече в Кракове 6 октября 1991 г. декларации основными целями Вишеградской группы⁵⁴ были провозглашены: подключение к европейской

⁵⁴ Название международного объединения, созданного Польшей, Чехословакией и Венгрией в результате подписания 12–15 февраля 1991 г. в городе Вишеграде (Венгрия) декларации о сотрудничестве.

правовой и политической системам и системе безопасности, развитие отношений с НАТО и последующая интеграция в Североатлантический союз⁵⁵

Данная позиция, помимо указанных моментов, была призвана разрешить кризис социокультурной идентичности этих стран, образовавшийся после дезинтеграции социалистического блока. По мнению российского исследователя истории стран этого региона А. Миллера, «в современном “издании” концепции Центральной Европы Запад играет двойственную роль как “иной” и одновременно “свой”, тогда как Россия однозначно выступает в роли “чужого” <...> Подавляющее большинство собственно центрально-европейских участников дискуссии восприняли крах советской системы как освобождение из неволи социалистического лагеря и новое рождение Центральной Европы, а ориентацию на объединение с Западом – как “возвращение домой”»⁵⁶

В результате во внешнеполитическом мышлении большинства лидеров этих стран сохранилось представление об отношениях с государством-лидером в их «жестком» формате как об адекватном варианте международно-политической стратегии. Разница проявилась лишь в изменении внешнеполитической ориентации данных государств – на смену односторонней ориентации на Москву пришло практически полное согласие с большинством международных инициатив Вашингтона. Как пишет отечественный специалист по центрально-европейскому региону И. В. Тарасов, «значительная часть политической элиты этих государств (то есть государства Восточной Европы. – В. Р.) воспринимает идею евроатлантизма в духе “холодной войны” <...> Сегодня “новая Европа” ведет себя на мировой арене так, как это делала “старая Европа” в 1950–1960-х годах»⁵⁷

Декларируемая руководством этих стран политика многовекторности на практике не осуществляется, и во внешней политике, как правило, господствует направление на один центр силы – США. Бо-

⁵⁵ Системная история международных отношений... – Т. 3. – С. 569.

⁵⁶ Миллер А. Центральная Европа: история концепта // Полис. – 1996. – № 4. – С. 122.

⁵⁷ Тарасов И. В. Европейское единство: испытание Востоком // Международные процессы. – 2007. – № 1. – С. 73.

лее того, в своей политике безопасности страны Восточной Европы ориентируются на Вашингтон гораздо сильнее, чем на Париж и Берлин, стремятся подчеркнуть особый характер своих отношений с США. Так, многие лидеры восточно-европейских стран проявляют готовность поддерживать действия НАТО «вне ее границ» в моменты острых противоречий Соединенных Штатов с государствами «старой Европы». Страны «первой волны» расширения Альянса (Польша, Чехия, Венгрия) прошли «проверку войной в Косове» 1999 г., государства «второй» (Болгария, Румыния, Словакия, Словения, три прибалтийские республики) – поддержали Вашингтон в иракском вопросе в 2003-м⁵⁸

Таким образом, негативный образ России, с одной стороны, и наличие альтернативного идейно-политического и экономического полюса в лице США и Евросоюза, с другой, были главными причинами подобного варианта трансформации отношений. Итогом стала «реальная опасность создания очередного «железного занавеса» к западу от российских границ»⁵⁹ Односторонняя ориентация стран Восточной Европы стала накладывать определенные ограничения на их внешнеполитические стратегии, представления о рациональности. Политические и военно-стратегические планы восточно-европейских государств стали нередко вступать в противоречие с их реальными потребностями в области безопасности, политики, экономики, в частности, в области взаимовыгодных добрососедских отношений с Российской Федерацией⁶⁰

⁵⁸ Кучик А., Гогоша О. Мотивации государств Центрально-Восточной Европы в иракском кризисе // Международные процессы. – 2007. – № 3. – С. 121.

⁵⁹ Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. – 2000. – № 3. – С. 50.

⁶⁰ Ярким примером противоречивости стратегии следования в фарватере американской внешней политики является согласие правительств Польши и Чехии разместить на территории своих стран элементы системы противоракетной обороны (ПРО) США, способной нанести ущерб военной безопасности России. При этом игнорируются не только интересы российской стороны, но и общественное мнение внутри Польши и Чехии. Согласно данным социологических опросов, 55 % польских и 65 % чешских респондентов высказались против размещения в своих странах базы ПРО США (РИА «Новости». 17.07.2007).

их безопасности (пожалуй, за исключением отдельных периодов истории Китая). Следовательно, не существовало исторически негативного образа России и психологических предпосылок для отчуждения, аналогичного восточно-европейскому региону. Иными словами, к концу 1980-х гг. в отношениях СССР со значительной частью социалистических стран Азии (Вьетнамом, Лаосом, КНДР, Бирмой (Мьянмой)) наряду с минимальным числом жизненно важных совпадающих интересов, имело место и незначительное количество взаимоисключающих интересов, конфликтных начал. Преобладали непересекающиеся, нейтральные по отношению друг к другу интересы. Данное обстоятельство послужило предпосылкой к становлению прагматичных отношений с Россией.

Таким образом, в отношениях России со странами бывшей социалистической системы в начале 1990-х гг. выделялось *два основных варианта* трансформации взаимоотношений после распада СССР. Первый условно можно обозначить как «европейский» с характерным для него резким взаимным отчуждением, акцентированием внимания на негативных моментах прошлого и настоящего. Второй – «восточно-азиатский», более плавный переход, идеологически нейтральный, без резких и кардинальных поворотов.

На этом фоне единственной азиатской страной, не вписавшейся в общую магистраль политического развития остальных социалистических стран Восточной Азии конца 1980-х – начала 1990-х гг. и провозгласившей курс на радикальную демократизацию своей политической системы по аналогии с Россией и Восточной Европой оказалась Монголия. Логика настоящей работы диктует необходимость предположить исследованию современного состояния и тенденций в российско-монгольских отношениях обзор основных моментов их истории до начала 1990-х гг., определивших специфику трансформации российско-монгольских отношений в постсоциалистический период.

1.2. Особенности отношений России/СССР и Монголии/МНР до начала 1990-х гг.

История становления и развития российско-монгольских отношений имеет глубокие корни. Не претендуя на подробное и всестороннее освещение этих отношений до начала 1990-х гг., мы попыта-

емя осветить и проанализировать их ключевые моменты, принципиально важные для понимания современной ситуации.

Первые контакты между Российским государством и Монголией появляются в начале XVII в. (если, конечно, не считать контакты древнерусских княжеств и империи Чингисхана XIII в.), когда в процессе присоединения сибирских земель границы российских владений вошли в соприкосновение с районами расселения монголо-язычных племен. Изначально эти контакты носили характер дипломатических и торговых связей с раздробленными на тот момент монгольскими ханствами и княжествами. В целом главный российский интерес в отношении Монголии вплоть до середины XVII в. был сосредоточен на выгодном товарообмене с кочевыми народами Центральной Азии⁶⁸

Обстановка в регионе резко изменилась по причине прямого столкновения интересов России с интересами маньчжурской династии Цин, пришедшей к власти в Китае и к концу XVII в. окончательно подчинившей себе Южную и Северную (Халха) Монголию. В этой ситуации царское правительство с самого начала избирает политику поддержания мирных отношений с маньчжурской стороной, тем самым стремится обеспечить безопасность своих сибирских и дальневосточных территорий. Заключение Нерчинского договора 1689 г. между Российской и Маньчжурской империями, определившего часть их государственных границ на Дальнем Востоке и в Сибири⁶⁹, ознаменовало собой определенный рубеж в развитии российско-монгольских отношений – вплоть до 1911 г. они в основном регулировались русско-маньчжурскими правовыми актами.

С этого периода Монголия для России становится геостратегически значимой страной (территорией) в контексте российско-китайского соперничества в регионе, соединяя в себе две основные функции: «моста» и «преграды». С одной стороны, царское правительство было заинтересовано в развитии торговли с Цинской империей и рассматривало территорию Монголии в качестве «моста» для торго-

⁶⁸ Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия... – С. 6.

⁶⁹ Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). – Хабаровск, 1997. – С. 165–168.

экономического проникновения в Китай. Данное стремление нашло свое отражение в ряде российско-китайских договоров XIX в., согласно которым Россия получила право на свободную торговлю в Монголии и других приграничных областях Цинской империи. Так, Айгунский и Тяньцзинский договоры 1858 г., Пекинский договор 1860 г. и Петербургский договор 1881 г. содержали в себе пункты о расширении прав русских подданных на торговлю в приграничных районах Цинской империи, включая Северную и Южную Монголию, устраняли ограничения свободной коммерческой деятельности русских подданных в приграничных районах⁷⁰

С другой стороны, у России отсутствовали необходимые военные и административные ресурсы для поддержания должного уровня безопасности собственных границ в этой части страны. В связи с этим обширная территория Монголии, практически не заселенная китайцами и управлявшаяся преимущественно местными князьями, являлась для России своеобразной «преградой», отделявшей Сибирь и часть российского Дальнего Востока от непосредственного соприкосновения с Китаем.

Стоит отметить, что на стратегическое мышление российских политических элит того периода заметное влияние оказали теория и практика британской политики на Востоке. В XVIII–XIX вв. в Британской империи была популярна концепция «закрытой границы», автором которой был вице-король Индии Дж. Лоуренс. Она предусматривала отказ от применения военной силы на границах Индии и использование политических барьеров и естественных препятствий, затрудняющих вторжение в Индию какой-либо державы⁷¹

Российское правительство было заинтересовано в сохранении подобного статус-кво в регионе и не стремилось активно вмешиваться во внутривосточные проблемы Цинской империи, в том числе связанные с монгольским освободительным движением. Со своей стороны определенные силы монгольского общества, желавшие отделиться

⁷⁰ *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М., 1927. – С. 55, 56, 72, 86.

⁷¹ *Жигалина О. И.* Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. – М., 1990. – С. 29–30.

от Цинской империи, в той или иной степени связывали свои основные надежды с российской поддержкой. В большинстве случаев монголы, потерпевшие поражение в борьбе с китайскими войсками, находили пристанище на территории России⁷² Именно Российское государство в конце XVII–XIX вв. начинает играть роль главной и по существу единственной внешней опоры и надежды монголов в их борьбе за независимость.

Ситуация кардинально изменилась в начале XX в., когда Пекин стал проводить политику, нацеленную на колонизацию Внутренней и Внешней Монголии ханьским населением и введение там прямого военно-административного правления, что грозило нарушением исторически сложившегося баланса сил в регионе. Модернизационные процессы внутри Цинской империи, ослабление российских позиций на Дальнем Востоке после поражения в Русско-японской войне явились главными причинами активизации маньчжурской политики в отношении Монголии. В связи с этим возросла роль Монголии в качестве «преграды», отделяющей значительную часть азиатской России от Китая. В частности, исполняющий обязанности военного министра А. А. Поливанов указывал в письме от 14 марта 1911 г. председателю совета министров П. А. Столыпину, что если Монголия превратится в китайскую провинцию, то Китай станет «непосредственным соседом на всем протяжении обширной границы с Центральной Сибирью»⁷³

Опасаясь китайского усиления на своих границах, Петербург предпринял ряд мер по поддержке антикитайских восстаний халха-монголов, провозгласивших в 1911 г. свою независимость от распадавшейся Цинской империи и учредивших собственное государственное образование во главе с теократическим правителем Богдо-гэгэном Джебцзундамба-хутухтой VIII. Оказывая поддержку монголам в их борьбе за освобождение от Цинской империи и позже Китая, Россия имела ввиду собственные стратегические и экономические интересы в Северной и Западной Монголии. Так, например, в июле

⁷² Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. – Улан-Удэ, 2002. – С. 51–52.

⁷³ Цит. по: Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). – М., 1999. – С. 37.

1912 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов предлагал включить в границы фактически отделившейся к тому моменту Внешней Монголии – Кобдосский и Алтайский округа (западные регионы современной Монголии), так как это «соответствовало бы нашим интересам», ибо «в географическом, экономическом, этнографическом отношении они являются естественным продолжением Халхи и примыкают к нашей границе, представляя удобный заслон от Китая»⁷⁴ Одновременно с этим Сазонов выступал против включения в состав отделившейся Внешней Монголии Внутренней Монголии и Барги (населенной монголами области в Маньчжурии). Подобную позицию можно объяснить следующими причинами. Во-первых, включение Внутренней Монголии в состав отделившейся Внешней Монголии противоречило условиям секретных российско-японских соглашений 1907 и 1910 гг. о разделе между Петербургом и Токио сфер влияния в Монголии и Маньчжурии⁷⁵ Во-вторых, Россия была заинтересована в укреплении антикитайских сил лишь в тех районах Монголии, которые территориально отделяли российские границы от Китая. В подобном подходе преобладали соображения геостратегического характера.

Поддерживая монголов, Петербург выступал за предоставление Внешней Монголии статуса автономии в составе Китая и отрицательно относился к идее ее полной независимости⁷⁶ И в российско-монгольском соглашении 1912 г., и российско-китайской декларации 1913 г., и, наконец, в Кяхтинском тройственном (России, Монголии и Китая) соглашении 1915 г. царское правительство последовательно отстаивало эту позицию⁷⁷ Тем самым оно стремилось сохранить исторически сложившийся баланс сил, существовавший в регионе на

⁷⁴ Цит. по: Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.)... – С. 67.

⁷⁵ Гримм Э. Д. Сборник договоров... – С. 169.

⁷⁶ Хотя по вопросу о желаемой тактике России в «монгольском вопросе» в российском обществе существовало множество различных позиций – от агрессивного экспансионистского до умеренно-сдержанного. Подробнее об этом см.: Кузьмин Ю. В. «Монгольский и урянхайский вопросы» в общественной мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Иркутск, 1996.

⁷⁷ Белов Е. А., Лузянин С. Г. О концепции «монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики» // Восток. – 2000. – № 1. – С. 40–42.

протяжении двух столетий. Не случайно, в основу Кяхтинского соглашения легли три основных требования России Китаю: не содержать во Внешней Монголии китайских войск, не колонизировать ее земель, не вводить в ней китайской военной и гражданской администрации⁷⁸. Фактически подобные условия означали сохранение традиционной системы отношений между Внешней Монголией, Россией и Китаем, в которой монгольская территория являлась естественной преградой между обширной частью российской территории и китайским государством.

Кроме сохранения регионального статус-кво, в политике Петербурга присутствовало определенное опасение за целостность собственной территории. Образование независимого Монгольского государства, по мнению представителей российского руководства, могло послужить стимулом к национальному движению родственных монголам российских бурят. О том, что российские власти рассматривали возможность существования подобной связи, свидетельствует телеграмма управляющего МИД посланнику в Пекине от 9 сентября 1911 г., в которой говорилось следующее: «...мы не намерены поощрять среди наших буддистских подданных волнений, которые могли бы передаться в Монголию; но и китайское правительство хорошо сделает, если со своей стороны откажется от мер, вызывающих в Халхе брожения, которые могут передаться в наши пределы»⁷⁹.

Несмотря на протесты и недовольство монгольской стороны (стремившейся к официальному признанию ее независимости) условиями Кяхтинского соглашения, автономный статус Халхи не повлиял на внутреннюю жизнь фактически независимой от Китая теократической монархии. Основные институты, созданные в период 1911–1915 гг. при помощи российской стороны (монгольская армия, банк, административные органы), остались неизменными. Именно благодаря значительной помощи со стороны России Монголия сумела добиться широкой внутренней автономии в составе Китая и оградить собственную территорию от прямой китайской колонизации. Без под-

⁷⁸ Тройственное соглашение об Автономной Монголии // Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1958. – С. 103.

⁷⁹ Цит. по: *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия... – С. 135.

держки российской стороны монголы вряд ли смогли бы достигнуть такого результата, так как военно-политический потенциал Внешней Монголии не позволял ей на равных бороться с Китаем. Россия выступала военным и политическим гарантом соблюдения условий Кяхтинского договора.

Таким образом, после заключения Кяхтинского договора в регионе институционально оформилась классическая «буферная система», основными признаками которой, по мнению ведущих специалистов в этой области, являются:

- расположение буферного государства/территории между более крупными державами;
- примерно равное соотношение сил между крупными державами и одновременно существенное силовое превосходство каждой из сопредельных держав над буферным государством/территорией;
- соперничество между крупными державами за контроль в той или иной форме над буферным государством/территорией, стремящимся сохранить независимость.

При этом устойчивость этой «буферной системы» сохранялась до тех пор, пока ни одна из сильных держав не имела существенного преимущества над своим соперником. Нарушение стратегического паритета между державами автоматически приводило к распаду «буферной системы» и попаданию буферного государства/территории в сферу монопольного влияния более сильной стороны⁸⁰

Дальнейший ход исторических событий лишь подтвердил зависимость данной «буферной системы» и монгольской автономии от позиции России, ее военно-политического и дипломатического потенциала. В разгар гражданской войны в России и с началом соответствующего ослабления российского влияния в регионе Китай, введя войска на территорию Халхи в 1919 г., упразднил монгольскую автономию и тем самым нарушил условия Кяхтинского договора. По существу Внешняя Монголия превращалась в китайскую провинцию.

⁸⁰ Knudsen O. Eastern Europe: the Buffer Effect of a Cordon Sanitary // *Buffer States in World Politics*. – Boulder, CO: Westview Press, 1986. – P. 94; Partem M. G. The Buffer System in International Relations // *Journal of Conflict Resolution*. – 1983. – Vol. 27. – № 1. – P. 4–5, 10.

В этот момент в части политических кругов монгольского общества становится популярной идея обращения за помощью к Советской России. Руководители двух тайных кружков Урги (столицы Внешней Монголии), стремясь отвести угрозу массового переселения китайцев в Халху, дальнейшую китаизацию монголов и фактическое поглощение страны Китаем, летом 1920 г. объединились в Монгольскую народную партию (МНП) и направили «семерку» своих делегатов в Россию с целью получить поддержку в национально-освободительной борьбе. Большевистское правительство, аннулировавшее в феврале 1918 г. все монгольские задолженности по займам царской России и признававшее право Внешней Монголии на независимость, представлялось для данной группы монголов наиболее приемлемой и дружелюбно расположенной к Монголии внешней силой.

Обращение ряда монгольских политических деятелей к Советской России и оказанная ею в дальнейшем военная помощь стали ключевыми событиями, положившими начало принципиально новой эпохе в российско-монгольских отношениях – *социалистическому периоду*. Формально этот период в истории советско-монгольских отношений берет свое начало с 1940 г., когда, согласно принятой Конституции, в МНР был провозглашен курс на строительство социализма при опоре на Советский Союз⁸¹. Однако его фактическим началом все же следует признать 5 ноября 1921 г. – дата подписания соглашения между РСФСР и Народным правительством Монголии о взаимном признании. С одной стороны, именно в это время к власти в Монголии пришли лидеры национально-освободительного движения, поставившие своей задачей не только создание независимого государства, но и *проведение политических, социальных и экономических реформ в монгольском обществе*, что принципиально отличало их от лидеров освободительного движения 1911 г., выступавших за *сохранение традиционного уклада кочевого мира* при теократическом правлении Богдо-гэгэна. Его окружение в принципе отвергало идеи, связанные с республиканской формой правления, ликвидацией феодально-теократической системы⁸². С другой, Советская Россия, в от-

⁸¹ История Монгольской Народной Республики.-Изд. 3-е. – М.: Наука, 1983.

⁸² Об этом см., например: Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ, 1998. – С. 235.

личие от царского и Временного правительств, делавших ставку на сотрудничество с традиционными феодально-кочевыми властными структурами Монголии и не стремившихся активно воздействовать на ее внутреннее устройство, выступила в качестве *силы, стимулирующей кардинальные перемены* в стране.

Одной из главных причин появления носителей революционно-модернистских идей в монгольском традиционном кочевом обществе стало влияние российской (советской) стороны. Несмотря на то что изначально лидеры МНП были весьма далеки от вопросов классовой борьбы в ее марксистско-ленинской интерпретации, они так или иначе были политически связаны с Советской Россией. Заметную роль в деятельности партии играли российские буряты – Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Э. Батухан (Н. Ф. Батуханов), С. А. Нацов (Шойжелов) и др.⁸³ В частности, программа МНП, принятая 1 марта 1921 г. (так называемая «кяхтинская платформа»), была разработана Ц. Жамцарано. Как пишет известный отечественный монголовед А. С. Железняков, «монгольский национальный коммунизм появился не на базе классовых связей, а в результате тяготения к Советской России ключевых фигур монгольского революционного движения и последующей их подготовки, всесторонней поддержки Коминтерном»⁸⁴

Следует отметить, что советское правительство изначально не являлось активным сторонником сближения с Монголией и в начале 1920-х гг. оказалось перед непростой дилеммой – оказывать поддержку монгольскому национально-освободительному движению и тем самым стимулировать продвижение «мировой революции» в Китай⁸⁵, либо не обострять отношений с официальными китайскими властями,

⁸³ Об этом подробнее см.: *Жабаева Л. Б.* Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001; *Цибиков Б. Д., Чимитдоржиев Ш. Б.* Цыбен Жамцарано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

⁸⁴ *Железняков А. С.* Монгольский коммунизм. Внутренние мотивы // VII Международный конгресс монголоведов: Докл. российской делегации. – Улан-Батор, 1997. – С. 26.

⁸⁵ Осуществление «мировой пролетарской революции» являлось одной из целей советского правительства в начале 1920-х гг. Соответственно поощрение антиколониального движения на Востоке рассматривалось им в качестве важного элемента стратегии достижения данной цели.

рассматривавшими Монголию в качестве составной части Китайской республики. В этой дилемме нашла свое отражение общая проблема большевистского правительства и Коминтерна, а именно противоречия между социально-классовыми установками в отношении с внешним миром и прагматикой национально-государственных интересов. И в том, что возобладала идея оказать поддержку монгольскому национально-освободительному движению, есть большая заслуга бурятской части МНП, а также самих монголов – членов партии, активно использовавших в своих интересах стремление СССР и Коминтерна поддержать революционное движение в Китае.

Идеологема «революционный панмонголизм» стала результатом соединения доктрины экспорта «мировой революции» на Восток и стремления многих идеологов МНП создать «панмонгольское» государство, то есть государство, которое должно было включить в себя Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Туву, Баргу, Бурятию. В частности, одним из пунктов «кяхтинской платформы» МНП значилось создание «единого монгольского государства»⁸⁶ По словам А. С. Железнякова, «...эти фигуры (монгольские руководители. – В. Р.) не были пассивными проводниками политики своих покровителей, а активно внедряли в революционную стратегию Советской России и Коминтерна на Востоке комплекс проблем национального обустройства Монголии»⁸⁷ Другой известный отечественный монголовед С. Г. Лузянин выделяет этнорегиональный уровень международной политики в пределах российско-монголо-китайской границы, на котором Монголия «могла быть активным субъектом, проводившим в рамках той или иной идеологической доктрины собственную линию относительно Внутренней Монголии, Тувы, Бурятии, Тибета и других сопредельных этнорегионов»⁸⁸

Со своей стороны советское правительство и Коминтерн также стремились встраивать свои внешнеполитические задачи в систему интересов монгольской политической элиты. Как пишет С. Г. Лузянин, «при анализе монгольского фактора советское руководство учи-

⁸⁶ Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. – Улан-Батор, 1987. – С. 71.

⁸⁷ Железняков А. С. Монгольский коммунизм... – С. 62.

⁸⁸ Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай... – С. 28.

тивало и обстоятельства «“революционной целесообразности” <...> в частности, использовалась тактика единого фронта “всех слоев монгольского населения на почве активной революционной борьбы с китайским империализмом”»⁸⁹

Таким образом, в начале 1920-х гг. Монголия в рамках стратегии продвижения «мировой революции» в Китай и в целом в Азию должна была предстать в качестве революционного «моста», образца «освободившейся от колониального гнета азиатской страны».

Хорошим предлогом для военного вмешательства в монгольские дела стала попытка барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга, участника гражданской войны в России, освободившего зимой 1921 г. значительную часть монгольской территории от китайских войск и вернувшего на трон Богдо-гэгэна, вторгнуться на советскую территорию. В результате боевых действий территория Монголии была очищена от войск Унгерна и к власти пришла поддержанная Москвой МНП, в 1925 г. переименованная в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП). Было создано Временное правительство во главе с Д. Бодо. Монголия вновь стала фактически независимой страной. Подписанное между РСФСР и Народным правительством Монголии Соглашение об установлении дружественных отношений от 5 ноября 1921 г. явилось первым международным актом, признававшим независимость⁹⁰ Данное Соглашение не только возрождало традиционные российско-монгольские связи, прерванные гражданской войной в России, но и становилось первым шагом в *процессе формирования советско-монгольского межгосударственного союза*.

Для Монголии официальное признание со стороны Советской России давало весомые политические, экономические и военные гарантии сохранения независимости от Китая. По просьбе монгольского правительства части Красной армии оставались на территории Монголии вплоть до 1925 г. Советский Союз оказывал экономическую и техническую поддержку стране, подготавливал монгольских специа-

⁸⁹ Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай... – С. 89.

⁹⁰ Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов. – Т. 1. – М.: Международные отношения, 1966. – С. 13.

листов на своей территории. Согласно советско-монгольскому протоколу от 24 ноября 1921 г., правительство РСФСР предоставляло монгольскому правительству ссуды в размере 1 млн. рублей. На торговлю с Монголией был распространен принцип наибольшего благоприятствования⁹¹ В результате уже с самого начала 1920-х гг. стала проследиваться явная ориентация Монголии на своего северного соседа, в последствии оформившаяся в качестве классического союза двух неравновесных по своему внешнеполитическому потенциалу государств.

По вопросу о причинах внешнеполитической ориентации Монголии на Советский Союз в историографии существуют различные позиции. Согласно одной из них, советское руководство, Коминтерн в одностороннем порядке изолировали Монголию от остального внешнего мира, навязав ей «некапиталистический путь» развития. Будучи не в силах противостоять своему могущественному соседу, монголы в этом процессе выступали лишь в роли статистов, «беспомощных марионеток»⁹² При подобном взгляде полностью исключается какая-либо субъектность, самостоятельность Монголии и ее политического руководства как во внешней, так и внутренней политике, а роль стороны действующей принадлежит только Советскому Союзу, в том числе на СССР перекладывается вся ответственность и за негативные стороны этого процесса.

Сторонники иной позиции (к которой близка авторская позиция) рассматривают советско-монгольские отношения не столько как процесс одностороннего воздействия СССР на Монголию, якобы волюнтаристски включившего МНР в сферу своего влияния, сколько как

⁹¹ Жабаяева Л. Б. Из истории советско-монгольских экономических отношений в 1920-е годы // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение / Материалы научных круглых столов в Москве и Улан-Удэ в 2004 году. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2005. – С. 86.

⁹² См., например: Баабар Б. Бүү март! Мартвал сөнөнө...; Батсайхан О. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1921–1932...; Murphy G. Soviet Mongolia...; Rupen R. How Mongolia is Really Ruled...

процесс взаимодействия и взаимовлияния (хотя и непропорционального) двух стран⁹³

Прежде всего подлежат рассмотрению международно-политические обстоятельства формирования советско-монгольского союза. В частности, к ним относятся: международно-правовая изоляция МНР (кроме советской стороны, а также Тувинской Народной Республики (ТНР) и Тибета, независимый статус Монголии на тот период времени не был признан ни одним государством мира); отсутствие возможности, а, главное, заинтересованности третьих стран в оказании военно-политической и экономической помощи Монголии⁹⁴; постоянная угроза политического поглощения со стороны Китая, а затем и Японии.

Также необходимо принимать во внимание такое важное обстоятельство, как общий исторический контекст, в условиях которого Монголией была избрана ориентация на Советский Союз и его опыт. В первой половине XX в. многие страны Востока, бывшие в колониальной или полуколониальной зависимости и не имевшие опыта капиталистического развития, не рассматривали западную модель общественно-политического и экономического развития в качестве примера для подражания. Капиталистический путь ассоциировался с империализмом и колониальной эксплуатацией со стороны более могущественных западных стран. Советский пример был на тот момент более привлекателен для многих лидеров национально-освободительного движения на Востоке. Как указывает А. С. Железняков, «руководители СССР и МНР не являлись идеологическими противниками, преследовали общие цели, поставленные в программах Коминтерна <...> попытки историков определить МНРП как партию “национально-демократической” ориентации есть не что иное, как стремление вырвать всю руководящую верхушку монгольского общества из коммунистического контекста»⁹⁵

⁹³ См., например: Железняков А. С. Размышления о внешней политике Монголии в XX веке // Вестник Евразии. – 2002. – № 2; Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай...; Яскина Г. С. Монголия и внешний мир...; Lattimore O. Nomads and Commissars...

⁹⁴ Об этом см., например: Хашбат Л. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. – Улаанбаатар: МонГУ, 2001. – С. 34.

⁹⁵ Железняков А. С. Размышления о внешней политике Монголии... – С. 168, 174.

Одним из наиболее ярких свидетельств того, что для монгольского руководства идеи серьезных общественных преобразований не были чужды, является Конституция страны 1924 г., принятая практически сразу после смерти Джебцзундамба-хутухты VIII. В работе над текстом основного закона приняли активное участие такие выдающиеся политические деятели Монголии, как премьер-министр Б. Цэрэндорж и председатель ЦК МНП Ц. Дамбадорж⁹⁶ Многие статьи Конституции явственно свидетельствовали о просоциалистических настроениях ее авторов: «Вся земля, ее недра, леса, воды и их богатства <...> являются общенародным достоянием <...> Частная собственность на них не допускается»; «...сосредоточить в руках государства руководство народным хозяйством и экономической политикой <...> ввести государственную монополию внешней торговли»; «ввиду того, что трудящиеся всего мира стремятся к уничтожению в корне капитализации и достижению социализма и коммунизма, Народная Республика трудящихся должна проводить внешнюю политику в соответствии с интересами и основными задачами угнетенных малых народов и революционных трудящихся всего мира». Избирательных прав согласно Конституции лишались бывшие ваны, гуны, хутухты, хубилганы и ламы, а также «лица, проживающие за счет чужого труда»⁹⁷

В силу указанных причин вариант ориентации на СССР явился наиболее предпочтительным, стал неотъемлемой частью политики руководства МНР по обеспечению национальной безопасности страны и ее социально-экономического развития. Стремясь наиболее эффективно обеспечить условия для национального развития в рамках существовавшего международно-политического и исторического контекста, МНР избрала стратегию следования во внешнеполитическом и идеологическом фарватере СССР.

Несмотря на большую степень зависимости от СССР, монголы нередко сами выступали в качестве активной стороны в советско-монгольских отношениях, способной к независимым от решений Мо-

⁹⁶ Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. – М., 1960. – С. 84.

⁹⁷ Там же. – С. 191–200.

сквы действиям. Это особенно ярко проявилось в вопросе по поводу официального международного статуса Монголии.

Желая ускорить революцию в Китае, советское руководство пошло на юридическое признание Монголии в качестве неотъемлемой части Китая в статье 5 советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г.⁹⁸ О подоплеке этой дипломатической комбинации свидетельствуют слова известного советского дипломата и члена Коминтерна А. Иоффе: «...отказ от Монголии пойдет на пользу революционному движению в Китае, а в конечном счете и мировой революции»⁹⁹ По всем внешним признакам данный шаг был направлен против независимости Монголии, делавшей ее, по сути, разменной монетой в большой политике Москвы и Коминтерна на Востоке. Однако, провозгласив в 1924 г. Монгольскую Народную Республику (МНР) и приняв Конституцию страны, монгольское руководство продемонстрировало свое неприятие данного советско-китайского соглашения, подтвердив намерение развиваться как независимое государство. На практике принцип китайского суверенитета над Монголией никак не реализовывался, никакой зависимости от Китая фактически не существовало. Это объяснялось, в первую очередь, продолжавшейся поддержкой МНР со стороны Советского Союза, который по просьбе монгольской стороны сдерживал свое военное присутствие в стране, а также слабостью и неспособностью разрозненных китайских режимов контролировать большинство национальных окраин бывшей Цинской империи.

Еще одним ярким свидетельством способности Монголии играть роль активной стороны в отношениях со своим северным соседом были острые споры по вопросу о включении в состав монгольского государства ряда территорий, населенных родственными монголам в историко-культурном плане народами¹⁰⁰ В частности, монгольское

⁹⁸ Системная история международных отношений. Документы. – Т. 2. – М., 2000. – С. 72.

⁹⁹ Цит. по: *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай... – С. 133.

¹⁰⁰ Движение за политическое объединение в рамках единого монгольского государства ряда монголоязычных народов получило название «панмонголизм». Об этом подробнее см., например: *Базаров Б. В.* Известное из истории панмонголизма...; *Железняков А. С.* К вопросу об отношении Ко-

руководство настойчиво выступало за включение в состав Монголии Тувы, по вопросу о статусе которой велись острые споры. Председатель ЦК МНП С. Данзан в официальном письме главе НКВД Г. В. Чичерину писал, что «народно-революционная партия Монголии считает Урянхайский край (традиционное наименование Тувы. – В. Р.) неотъемлемой частью монгольского государства...»¹⁰¹

Лишь в результате напряженных трехсторонних переговоров между СССР, МНР и ТНР, образованной при поддержке большевиков в 1921 г., Москва сумела убедить Улан-Батор (название столицы МНР начиная с 1924 г.) отказаться от претензий на Туву и установить с ТНР официальные отношения в 1926 г. Однако «тувинская проблема» еще долгое время оставалась источником противоречий между Москвой и Улан-Батором, неоднократно всплывая в ходе определения государственной границы между МНР и ТНР при посредничестве СССР в 1930–1940-х гг., а также в 1958 г., когда граница определялась уже непосредственно между СССР (после вхождения Тувы в состав Советского Союза в 1944 г.) и МНР¹⁰².

Поражение китайских коммунистов в революции 1925–1927 гг. и приход к власти в Китае Чан Кайши способствовали тому, что идея «мировой революции» на Востоке стала постепенно уступать свои позиции идее приоритета национально-государственных интересов Советского Союза в его внешней политике. Актуализировавшаяся в конце 1920-х гг. угроза советским границам на Дальней Востоке и национальной независимости МНР со стороны гоминдановского Китая, а затем и Японии кардинально изменили внешнеполитическую стратегию СССР в этом регионе. Это выразилось и в постепенном изменении роли и места МНР во внешней политике Москвы.

минтерна к панмонголизму...; Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке...

¹⁰¹ Цит. по: Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. – М.: Наука, 2004. – С. 90.

¹⁰² Подробнее об этом см.: Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке... – С. 119, 164; Лувсанбалдан Э. Х. Чойбалсан приложил немало усилий для укрепления границы // Монголия сегодня. – 2005. – 19 марта.

Во-первых, Монголия окончательно становится военно-политическим союзником СССР, играя для него важную стратегическую роль. С усилением военной угрозы с японской стороны и участвовавшими пограничными конфликтами между МНР и созданным Японией в 1932 г. марионеточным государством Маньчжоу-Го, Москвой и Улан-Батором в 1936 г. был подписан Протокол о взаимной помощи, согласно которому на территорию Монголии были введены советские военные части¹⁰³. Сталин в своем известном интервью американскому журналисту Р. Говарду 1 марта 1936 г. заявил, что «...если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику <...> нам придется помочь Монгольской Народной Республике <...> Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году»¹⁰⁴.

На основании условий Протокола 1936 г. советская сторона выступила на стороне Монголии в ее приграничном конфликте 1939 г. в районе р. Халхин-Гол с Маньчжоу-Го и стоявшей за ним Японией. В результате успеха в боях с японо-маньчжурскими войсками СССР сумел продемонстрировать состоятельность своих вооруженных сил на Дальнем Востоке и тем самым, возможно, предотвратить нападение со стороны Японии в годы Второй мировой войны, а МНР при помощи СССР отстояла свою независимость.

Таким образом, обе страны посредством военно-политического союза *защитили свои национально-государственные интересы*. Коренные интересы Москвы, связанные с обеспечением безопасности советских территорий, и Улан-Батора, заинтересованного в сохранении монгольского национального суверенитета, оказались на тот момент совпадающими. Одним из результатов сформировавшегося советско-монгольского военного союза стало окончательное разрушение «буферной системы» отношений между СССР, МНР и Китаем и образование двустороннего советско-монгольского блока, в рамках которого свобода маневра для монгольского руководства существенно уменьшилась.

Во-вторых, изменилась степень влияния Москвы на внутривнутриполитические и социально-экономические процессы в Монголии. МНР для советского руководства постепенно превращалась в показательное

¹⁰³ Системная история международных отношений... – Т. 2. – С. 150.

¹⁰⁴ Там же. – С. 148.

государство для отсталых стран Азии при переходе «от феодализма к социализму». В 1930-е гг. в МНР, по аналогии с СССР, формируется однотипная политическая система, основанная на властной монополии правящей МНРП во главе с маршалом Х. Чойбалсаном. За образец новой монгольской Конституции 1940 г. была взята советская (так называемая «сталинская») Конституция 1936 г.¹⁰⁵

В области социально-экономического развития Улан-Батор с начала 1930-х гг. стал полностью ориентироваться на советский опыт. Была монополизирована внешняя торговля. К началу 1930-х гг. из экономики страны был вытеснен частный иностранный (в основном китайский) капитал¹⁰⁶. Началась форсированная модернизация монгольского общества посредством его секуляризации, становления системы массового начального и среднего образования, здравоохранения и др. На фоне этих в целом позитивных изменений имели место трагические события, нанесшие серьезные потери Монголии и монгольскому обществу, – попытки осуществить коллективизацию кочевников-аратов и связанные с этим восстания, практически полное уничтожение буддийского духовенства, массовые репрессии среди политического руководства и рядовых граждан МНР¹⁰⁷. Можно сказать, что мобилизационный путь общественного развития со всеми его позитивными и негативными сторонами, характерный для Советского Союза 1930-х гг., имел место и в МНР.

Кардинальное изменение роли СССР в мировой политике в конце Второй мировой войны способствовало более решительной позиции Москвы в отношениях с Китаем по «монгольскому вопросу». Совет-

¹⁰⁵ Улымжиев А. Д. Основные черты государственного строя МНР по Конституции 1940 г. // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение / Материалы научных круглых столов в Москве и Улан-Удэ в 2004 году. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2005. – С. 107.

¹⁰⁶ Бойкова Е. В. Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 120–121.

¹⁰⁷ В репрессиях конца 1930-х гг., по разным оценкам, погибло от 22 до 30 тыс. граждан МНР из 800-тысячного населения страны (*Kaplonski K. Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia // Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and Northern Europe: Ghosts at the Table of Democracy. – London: Routledge Curzon, 2002. – P. 156*).

ское правительство и лично Сталин выступили за полное международно-правовое признание МНР в качестве суверенного государства. В результате ялтинских договоренностей первым пунктом Соглашения глав СССР, США, Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией стало «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)»¹⁰⁸ Принципиальная позиция Советского Союза, поддержка его позиции со стороны стран-победительниц стали главными факторами, заставившими правительство Китайской республики 5 января 1946 г. признать независимость МНР¹⁰⁹ В дальнейшем, по мере создания и укрепления международного социалистического содружества, расширялись политические, экономические и научно-культурные связи МНР. Вступление страны в ООН в 1961 г. стало возможным при активной поддержке СССР и стран социалистического содружества, способствовало дальнейшей институционализации международно-правового статуса Монголии как суверенного государства.

Очередной виток серьезных изменений в советско-монгольских отношениях стал возможным после утверждения в 1949 г. в Китае дружественного (на тот момент) СССР коммунистического режима, что создало новый международно-политический фон вокруг МНР. Статус фактически союзного Москве китайского государства (согласно условиям советско-китайского договора о Дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г.¹¹⁰) способствовал установлению довольно тесных монголо-китайских контактов. Китайское коммунистическое руководство, несмотря на периодические высказывания своих представителей по вопросу о восстановлении в дальнейшем своего суверенитета над Внешней Монголией¹¹¹, в 1950 г. подтвердило независимый ста-

¹⁰⁸ Системная история международных отношений... – Т. 2. – С. 225.

¹⁰⁹ История советско-монгольских отношений. – М., 1981. – С. 143.

¹¹⁰ Системная история международных отношений... – Т. 4. – С. 138.

¹¹¹ Попытки «вернуть» Монголию в состав Китая предпринимались неоднократно. Весной 1949 г. Мао обратился к советскому руководству с просьбой изложить свое мнение о возможности присоединения МНР к Китаю, на что получил отрицательный ответ Сталина (Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 2). Позднее, в 1954 г. во время празднования в Пекине 5-летия КНР, данный вопрос был вновь поднят китайской стороной в разго-

тус Монголии, во многом улучшив климат двусторонних отношений¹¹² Хотя, как указывает специалист по китайской внешней политике Е. Д. Степанов, это «признание было подтверждено *опосредованно* (курсив наш. – В. Р.) – фактом установления с ней дипломатических отношений»¹¹³

На смену фактической изоляции Монголии от своего южного соседа пришла политика сотрудничества в различных областях – политической, социально-экономической, общественно-культурной. В мае 1960 г. был подписан монголо-китайский Договор о дружбе и взаимной помощи¹¹⁴, в декабре 1962 г. – Договор о монголо-китайской границе, согласно которому МНР отходил ряд спорных территорий¹¹⁵ В июне 1956 г. китайское правительство предоставило МНР безвозмездную помощь в размере 160 млн. рублей¹¹⁶ По данным отечественного исследователя С. Радченко, МНР была третьей страной после КНДР и Северного Вьетнама по объемам экономической помощи, полученной от КНР¹¹⁷

В результате в этот период (1949 – начало 1960-х гг.) МНР – объект скрытого соперничества Москвы и Пекина за политическое и экономическое влияние, внешнеполитическую лояльность монголов. Тем самым было достигнуто определенное восстановление «буферной системы» отношений, когда в условиях неконфронтационных отношений между двумя соседними державами МНР могла придерживаться принципа «дружественной равноудаленности», получая выгоды от политического и экономического взаимодействия как с

воре с представителями СССР и МНР (Проблемы Дальнего Востока. – 1974. – № 1).

¹¹² Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 161.

¹¹³ Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. – М.: МГИМО, 2001. – С. 151.

¹¹⁴ Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата. – М., 1996. – С. 107.

¹¹⁵ Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР – С. 153.

¹¹⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. – Т. 2 (1958–1976 годы). – М.: Международные отношения, 1976. – С. 34.

¹¹⁷ Radchenko S. S. The Soviets' best friends in Asia: the Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split... – P. 3.

СССР, так и КНР. Вокруг Монголии вновь после периода первых двух десятилетий XX в. возникла *конкурентная среда* в рамках трехсторонних отношений Москвы, Улан-Батора и Пекина.

Однако по мере роста серьезных разногласий и противоречий в советско-китайских отношениях в начале 1960-х гг. ситуация в очередной раз кардинальным образом изменилась. В связи с заявлениями руководства КНР в 1963 г. о том, что договоры Китая с царской Россией являются неравноправными (в том числе и Кяхтинский 1915 г. – В. Р.), ставилась под сомнение легитимность современных российско-китайских границ, а также суверенный статус монгольского государства¹¹⁸. В целом в качестве идеологического оружия в территориальных спорах со своими соседями Пекин стал активно использовать концепцию «неравноправных договоров» Китая, определивших его текущие границы. На основе этих договоров «колониальные державы (в том числе и Россия. – В. Р.) захватили территории на востоке и западе, на юге и севере...»¹¹⁹

Хотя, по мнению отдельных российских и монгольских авторов¹²⁰, в истинные планы китайской стороны не входило намерение захватить советские и монгольские территории, в условиях повышенной напряженности и взаимного недоверия в двусторонних отношениях даже неофициальные высказывания представителей высшего руководства КНР могли вызвать опасения. В Москве позиция Пекина была воспринята как угроза территориальной целостности Советского Союза, а в Улан-Баторе – как угроза самому существованию МНР. Хотя, как указывает индийский исследователь Р. Рахул, «негативное отношение монгольского руководства к Китаю объяснялось даже не столько текущими китайскими территориальными претензиями, сколько националистическими чувствами монголов, испытывавших

¹¹⁸ *Катица М. С.* КНР: два десятилетия – две политики. – М.: Международные отношения, 1969. – С. 238.

¹¹⁹ Цит. по: *Степанов Е. Д.* Пограничная политика КНР... – С. 158–159.

¹²⁰ См., например: *Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. – М.: МОНФ, 1999. – С. 241; *Пурэвдорж Ч.* Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: Сб. ст. – М.: РИСИ, 1998. – С. 52.

постоянный страх быть поглощенными китайским государством»¹²¹
В силу данных обстоятельств монгольское руководство не нуждалось в дополнительных уговорах для того, чтобы поддержать СССР.

Более того, монгольское руководство само являлось наиболее радикальным сторонником активного противодействия КНР по всем вопросам международной политики, опережая в этом стремлении своих советских партнеров. По словам С. Радченко, «было бы не правильно рассматривать политику монгольских лидеров в качестве простого следования в русле советской внешней политики в отношении КНР. Улан-Батор зачастую был на шаг впереди Москвы, требуя от нее более жесткого курса в отношении КНР. Разочарование в слабом внимании СССР к китайскому вызову стало очевидным в заявлении монгольского посла в Пекине Цэвэгмид в феврале 1963 года своему советскому коллеге, когда Хрущев все еще раздумывал над тем, как договориться с китайскими товарищами. Цэвэгмид говорил советскому послу в Китае Степану Червоненко о том, что политика КПК в отношении КПСС особо не изменится даже после ухода Хрущева, что «советско-китайская конфронтация есть проявление китайского национализма». В результате монгольский посол заключал, что «советская сторона должна предпринять идеологическое наступление на КНР»¹²²

Помимо традиционных опасений по поводу «китайской угрозы» существенным мотивом для монгольской стороны была возможность получения значительно большей, чем прежде экономической помощи от Советского Союза в условиях советско-китайского противостояния. На фоне обострившихся советско-китайских противоречий Улан-Батор недвусмысленно намекал Москве о том, что экономическая поддержка со стороны СССР крайне необходима в условиях идеологического противостояния с КНР и сокращения монголо-китайских торгово-экономических связей. В условиях этого противостояния «...Монголия должна служить примером процветания для других стран Азии», заявлял Цэвэгмид в разговоре с Червоненко¹²³ По сло-

¹²¹ *Rahul R. Mongolia between China and Russia // Asian Survey. – 1978. – № 7. – P. 663.*

¹²² *Radchenko S. S. The Soviets' best friends in Asia... – P. 12.*

¹²³ *Ibid. – P. 16.*

вам монгольского исследователя Ж. Энхсайхана, Монголия «в период зарождения советско-китайской конфронтации активно разыгрывала “китайскую карту” для того, чтобы увеличить помощь со стороны СССР»¹²⁴

Как следствие, в 1960 г. советское правительство принимает решение выделить МНР долгосрочный кредит на общую сумму 615 млн. рублей, намного превзошедший китайский кредит на сумму 200 млн. рублей. Кроме того, советская сторона обязалась оказать экономическое и техническое содействие МНР в строительстве ряда крупных промышленных объектов, в частности топливно-энергетического комплекса в Дархане, возведении жилого комплекса в Улан-Баторе общей площадью 40 тыс. кв. м¹²⁵

Фактор китайской угрозы оказал ключевое влияние на принципы и формы взаимоотношений Москвы и Улан-Батора в последующие два десятилетия. С одной стороны, боясь допустить даже мысль о том, что руководство МНР может проявить лояльное отношение к Пекину, Москва сделала ставку, как ей казалось, на наиболее лояльную себе часть политической элиты Монголии во главе с генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом. Все оппозиционные ему группы внутри МНРП стали рассматриваться в качестве нежелательных и фактически к началу 1960-х гг. были устранены им при молчаливом согласии Москвы.

С другой, фактор советско-китайского противостояния стал активно использоваться самими монгольскими лидерами во внутриполитической борьбе. Так, Ю. Цеденбал выставлял все внутрипартийные разногласия в качестве инспирированных китайской стороной акций по расколу советско-монгольской дружбы. На партийном Пленуме в декабре 1964 г. он открыто обвинил часть пленума – так называемую «антипартийную группу» во главе с Лоохуузом, Нямбуу и Сурмаажавом, критиковавших его за слишком просоветский курс – в симпатиях к КНР. Этого было достаточно для того, чтобы объявить их «китайскими шпионами»¹²⁶

¹²⁴ *Enkhsaikhan J. Mongolia's Non-nuclear Status – an Important Element of Foreign Policy // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – P. 16.*

¹²⁵ Советско-монгольские отношения... – Т. 1. – С. 271–275.

¹²⁶ *Radchenko S. S. The Soviets' best friends in Asia... – P. 18.*

По мнению С. Радченко, критики Ю. Цеденбала не были китайскими шпионами, в конечном итоге, являлись «лишь монгольскими националистами <...> Они не хотели видеть свою страну китайским сателлитом»¹²⁷ Однако вопрос о том, насколько оппоненты Цеденбала были менее просоветски настроенными силами (и были ли таковыми в принципе), остается открытым. Возможно, что критика политики Ю. Цеденбала по сближению с Москвой была простым политическим маневром его соперников, чем их стремлением проводить менее лояльную Москве внешнеполитическую линию.

В результате политическая власть оказалась полностью сосредоточена в руках Ю. Цеденбала и его окружения, имевших нарабатанные за многие годы тесные связи с руководством КПСС, личные доверительные отношения с лидерами Советского Союза. С одной стороны, это в значительной степени упрощало и ускоряло процесс межгосударственного сотрудничества в решении многих вопросов и проблем двусторонних отношений. С другой, это упрощение таило в себе опасность снижения эффективности принятия важных политических решений. Сделав ставку на один полюс реальной власти в МНР, Москва фактически лишила себя альтернативных вариантов развития отношений с Улан-Батором, поместив «все яйца в одну корзину»; невольно связала себя со всеми достижениями и неудачами политики Ю. Цеденбала.

Таким образом, в борьбе СССР и КНР за лояльность монгольского руководства победителем вышел первый, что объяснимо следующими причинами.

Во-первых, в отличие от Пекина, Москва никогда не вынашивала планов включения МНР в свой состав, а, наоборот, выступала гарантом ее суверенитета. Китай же представлялся монгольскому руководству в качестве постоянного источника угрозы политического и демографического поглощения вне зависимости от идеологической ориентации китайского руководства.

Во-вторых, возможности СССР оказывать экономическую и техническую помощь МНР, модернизировать инфраструктуру страны на тот момент были несравнимы с китайскими возможностями.

¹²⁷ *Radchenko S. S. The Soviets' best friends in Asia... – P 18.*

В-третьих, начиная с 1921 г. между политическим и партийным руководством двух стран сложились устойчивые тесные связи, позволявшие рассчитывать на взаимную поддержку.

Победа Москвы в борьбе за Монголию была закреплена подписанием в 1966 г. Договора о дружбе и взаимопомощи, согласно которому на территории МНР были размещены советские военные части¹²⁸. Сам договор был напрямую направлен против потенциальной агрессии Китая. К ноябрю 1967 г. были созданы ракетные базы в МНР, к 1969 г. число советских дивизий в Монголии было доведено до 8–10¹²⁹.

Особую значимость для Москвы тесного военного сотрудничества с Улан-Батором в этот период подтверждает следующее обстоятельство. За годы «холодной войны» СССР заключал межгосударственные договоры о сотрудничестве с рядом социалистических стран Азии. Однако, в отличие, например, от советско-вьетнамского Договора 1978 г., советско-монгольский Договор 1966 г. обязывал СССР защищать МНР в случае нападения извне. В этом смысле договор 1966 г. ставил советско-монгольское военно-политическое сотрудничество на один уровень с аналогичным сотрудничеством Москвы со странами-участницами Варшавского договора.

Помимо сотрудничества в деле обеспечения безопасности Монголии, в советско-монгольских отношениях периода 1960–1970-х гг. продолжалось интенсивное взаимодействие в области социально-экономического и научно-культурного развития. По справедливому замечанию российского исследователя О. А. Джагаевой, особенно Договора 1966 г. было то, что он носил в сравнении с предыдущими подобными межгосударственными договорами более широкий характер, наряду с военно-политическими аспектами сотрудничества на первый план выдвигалось расширение торгово-экономических и научно-технических связей¹³⁰.

¹²⁸ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Сборник документов. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 317–322.

¹²⁹ Плешаков К. Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии). – М.: РНФ, 1994. – С. 76.

¹³⁰ Джагаева О. А. Развитие российско-монгольских отношений...

При прямом содействии Советского Союза был создан промышленный комплекс МНР, состоящий в основном из крупных предприятий добывающей отрасли, практически полностью ориентированных на поставки своей продукции в СССР. Ключевой формой советско-монгольского взаимодействия в промышленной сфере стала совместная хозяйственная деятельность, выразившаяся в организации монголо-советских совместных предприятий (СП), которые стали основой монгольской экономики – горно-обогатительный комбинат (ГОК) «Эрдэнэт», АО «Монголсовцветмет», АО «Улан-Баторская железная дорога» и ряд других.

Советский Союз в этот период продолжал оставаться ключевым торговым партнером Монголии, поставляя в страну энергоносители, технику, товары массового потребления. Особо стоит подчеркнуть, что более половины государственного бюджета МНР в 1960–1980-е гг. составляло советское кредитование¹³¹. Степень вовлеченности МНР в социалистическую экономическую систему характеризует факт принятия страны в члены СЭВ в 1962 г.

Монгольская система среднего и высшего образования была полностью основана на советской модели, практически вся политическая и интеллектуальная элита страны получила высшее образование в Советском Союзе и других социалистических странах Европы. Русский язык имел неофициальный статус второго государственного после монгольского.

В результате единственной социалистической страной в Азии, являвшейся классическим союзником Москвы, была МНР. Именно для советско-монгольских отношений была характерна модель отношений, основанная на «жестком» лидерстве СССР. Условиями советско-монгольского союза, по аналогии с союзническими отношениями Москвы и социалистических государств Восточной Европы, были военно-политические гарантии СССР перед МНР (по условиям Договора 1966 г.) и экономическая привязка МНР к социалистическому содружеству посредством тесных двусторонних торгово-экономических связей между странами, а также через ее членство в СЭВ. Разница же проявилась в том, что в отличие от европейской ситуации, где «жесткое» лидерство СССР во многом основывалось на воспроиз-

¹³¹ Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития.... – С. 63.

водстве советско-американского противостояния, в регионе советско-монголо-китайской границы *его стержнем были конфронтационные отношения Москвы и Пекина.*

В то же время несмотря на внешнюю благополучность советско-монгольских отношений, в их недрах формировался определенный конфликтный потенциал, связанный с наличием ряда неизбежных противоречий. Так, насущной проблемой, не находившей своего разрешения, был вопрос о ценах на экспортируемую в СССР продукцию ГОК «Эрдэнэт» (в первую очередь, медь). Согласно советско-монгольским договоренностям, монгольская сторона продавала медь по ценам ниже мировых. Эти договорные цены фактически были ниже себестоимости меди Эрдэнэта и убытки покрывались за счет монгольского бюджета, что породило среди ряда монгольских руководителей мысли о том, что СССР необходимо повысить закупочные цены на медь. Кроме того, к довольно острым проблемам в двусторонних отношениях можно отнести издержки (в том числе экологические), связанные с размещением советских войск на монгольской территории, окончательное определение линии границы на отдельных ее участках (тувинский), открытие сведений о политических репрессиях в Монголии 1930-х гг. и ряд других.

Подобный подход к двусторонним проблемам, на наш взгляд, был обусловлен *двумя основными факторами.* Во-первых, схожесть политических режимов двух стран, опирающихся преимущественно на авторитарные методы в управлении и принятии политических решений (в том числе и по международным проблемам) при отсутствии альтернативных точек зрения на ту или иную проблему, не способствовали развитию большей транспарентности советско-монгольских отношений. Во-вторых, отсутствие у Монголии возможности более широкого внешнеполитического маневрирования в отношениях с СССР вследствие узости международно-политического пространства, ограниченного рамками социалистических, дружественных СССР, стран, делали советско-монгольские отношения крайне асимметричными. В силу тесного военно-политического союза на идеологической основе фактор третьих стран в советско-монгольских отношениях если и присутствовал, то имел чрезвычайно ограниченное влияние. Вплоть до конца 1980-х гг. реально воздействовать на советско-монгольские отношения мог только Китай, проецировавший свою

военно-политическую мощь на дальневосточные границы СССР и границы МНР. О том, что политика Китая даже в условиях прочно закрытых от внешнего недружественного мира советско-монгольских отношений была серьезным фактором, свидетельствует включение Пекином в перечень необходимых условий для нормализации отношений с Москвой (так называемые «четыре препятствия») вывод советских войск с территории МНР¹³²

Таким образом, в условиях «холодной войны» и напряженных отношений с КНР многие двусторонние проблемы *загонялись вглубь, оставались нерешенными, признавались вторичными* в сравнении с глобальной задачей «идеологического противостояния враждебному окружению». Признание монгольской стороной угрозы со стороны КНР собственной безопасности легитимировало ее особые отношения с Москвой, уводя на задний план вопросы иного уровня и характера.

Со второй половины 1980-х гг. в советско-монгольских отношениях намечается очередной виток перемен. Он был обусловлен рядом обстоятельств, главным из которых явился курс Кремля на постепенную деидеологизацию советской внешней политики. Исходным рубежом новой внешней политики Советского Союза на монголо-китайском направлении стала речь М. С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г., где говорилось о стремлении СССР наладить добрососедские отношения с Китаем, в том числе за счет вывода частей советской армии с территории МНР¹³³

Сокращение Москвой военных группировок на советской границе с Китаем и полный вывод своих войск из Монголии, завершившийся в 1989–1992 гг. (всего около 100 тыс. советских военнослужащих, включая членов их семей), означали отказ СССР от прежнего курса конфронтации с КНР. Данный шаг во многом способствовал нормализации отношений между Москвой и Улан-Батором, с одной стороны, и Пекином, с другой, разрядке многолетней напряженности между тремя странами, а также ослаблению влияния на советско-монгольские отношения внешнего фактора в виде представлений о прямой военной угрозе со стороны КНР. Для советско-монгольских

¹³² Системная история международных отношений... – Т. 3. – С. 478.

¹³³ Там же. – С. 476.

отношений одним из итогов этих перемен стало значительное *снижение военно-стратегической значимости* МНР для внешней политики СССР на Дальнем Востоке во второй половине 1980-х гг.

Кардинальные изменения во внешнеполитическом курсе Москвы совпали с кризисными явлениями в советской экономике во второй половине 1980-х гг. В свою очередь, данные процессы автоматически распространились и на МНР, чья экономика была практически полностью включена в хозяйственную систему социалистического блока. По оценкам западных специалистов, объем внешнего финансирования страны за период 1989–1991 гг. сократился с 53 (от размера ВВП Монголии) до 7 %¹³⁴. В конце 1980-х гг. советская сторона в существенных объемах стала сокращать поставки нефти и нефтепродуктов в МНР, которые к тому же шли с большими отклонениями от обусловленных сроков (хотя в 1987–1988 гг. советские поставки на 100 % покрывали импортные потребности МНР в нефти и нефтепродуктах¹³⁵); не выполняла своих обязательств по экспорту продовольственных и других потребительских товаров для населения, оборудования, запасных частей и сырья для промышленности. СССР в нарушение двусторонних межправительственных соглашений почти перестал покупать монгольские товары: ковры, трикотаж, изделия из кожи и меха, продукцию животноводства. Учитывая то, что монгольский экспорт был практически полностью ориентирован на СССР, подобные события парализовали работу ряда направлений монгольской экономики¹³⁶.

Резкое сокращение поставок товаров первой необходимости из Советского Союза и стран СЭВ вызвало снижение уровня жизни значительной части населения Монголии. Произошло падение национального дохода, который в 1980 г. составлял 5 млрд. тугриков, в 1990 г. – уже 3,1 млрд. тугриков. Соответственно на душу населения в 1990 г. приходилось всего лишь 42 долл. По этому показателю Мон-

¹³⁴ Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // *Journal of Comparative Economics*. – 1994. – № 18. – P. 41.

¹³⁵ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 93.

¹³⁶ Надилов Ш. Г. Приверженец идеи ненасилия // IX международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 года): Докл. российских ученых. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 120.

голия опустилась ниже отметки, занимаемой таким крайне отсталым государством, как Бангладеш¹³⁷

Все это приводило к сомнению в искренности и дружественности политики СССР в отношении Монголии. В беседе с советскими представителями П. Очирбат (будущий первый президент Монголии) сказал: «Ваш народ спрашивает, до каких пор будем этих монголов задаром кормить?» И наш народ спрашивает: «До каких же пор СССР будет скупать по дешевке наше богатство?» Два народа, два вопроса»¹³⁸ Стала очевидной уязвимость традиционной советско-монгольской модели в новых условиях внутри- и внешнеполитического развития стран. Как точно отмечает отечественный дипломат и монголовед Ш. Г. Надиров, «о многих недостатках заговорили в заостренной форме в значительной степени из-за *недостаточной информированности* (курсив наш. – В. Р.) об истинном содержании советско-монгольских связей и их характере. Порядок, при котором соглашения и договоренности по определенным вопросам сотрудничества держались в строжайшем секрете, – это была ошибка. Их закрытость от общества и порождала различного рода домыслы и кривотолки»¹³⁹ И в этих условиях произошла *актуализация многих нерешенных до этого проблем*, оголились противоречия прежних лет, до этого компенсировавшиеся выгодами союзных отношений.

Во-первых, оппозиционные правящей МНРП политические силы (в частности, Монгольский демократический союз (МДС)), возникшие под влиянием аналогичной советской «перестройки» политики «обновления» в Монголии, вооружились в качестве основных аргументов антисоветскими лозунгами. Основным виновником кризисной ситуации в экономике, а также главным источником негативных моментов прошлого ими признавался СССР¹⁴⁰ Особую критику со стороны монгольской общественности вызвал вопрос о долгах Монголии Советскому Союзу. Как пишет российский монголовед Ш. Г. Надиров, «руководство страны (МНР. – В. Р.) эту тему постоянно держало

¹³⁷ Яскина Г. С. Жизненный уровень населения в период реформы // Монголия: трудный путь к рынку: Сб. ст. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 30.

¹³⁸ Цит по: Надиров Ш. Г. Приверженец идеи ненасилия... – С. 121.

¹³⁹ Там же. – С. 121.

¹⁴⁰ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 56.

в секрете. Официально впервые об этом сообщила газета «Известия» 1 марта 1990 года. Приведенные газетой данные – более 9,5 млн. переводных рублей – были использованы так называемыми демократами для безудержной критики всей экономической политики МНРП и советско-монгольских отношений»¹⁴¹ Также звучали предложения востребовать с советской стороны за ущерб, нанесенный монгольской степи военными учениями, проводимыми советскими воинскими частями во время пребывания их на территории МНР¹⁴²

Во-вторых, модель взаимоотношений между руководством двух стран, образно характеризовавшаяся в социалистический период как отношения «старшего и младшего брата», во второй половине 1980-х гг. стала восприниматься в Монголии в большей степени негативно, как фактор, сдерживающий реальное развитие страны, ограничивающий монгольский национальный суверенитет¹⁴³

Помимо очевидных социально-экономических и международно-политических причин, вызвавших в жизнь кризисные явления в советско-монгольских отношениях второй половины 1980-х гг., были причины и иного порядка. Произошедшая в социалистический период *национально-политическая эмансипация монголов*, прежде всего политической и интеллектуальной элиты страны, сыграла свою роль в процессе переосмысления принципов и приоритетов в отношениях с советской стороной.

Ярким свидетельством эволюции взглядов монгольского руководства на роль и место МНР в системе международных отношений является история развития вопроса о государственной независимости страны. Если в период Второй мировой войны и в первые годы после нее многие представители монгольской политической элиты выступали с инициативами по принятию МНР в состав СССР на правах со-

¹⁴¹ *Надиров Ш. Г* Горбачев и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и ее последствия // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 года. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 124–125.

¹⁴² *Джагаева О. А.* Россия и Монголия... – С. 47.

¹⁴³ *Дамдинсүрэн С.* Монгол-Оросын харилцааны шинэ үе шат (Монголо-российские отношения на новом этапе) // Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа. – Улаанбаатар, 2005. – С. 5–9.

юзной республики¹⁴⁴, то с развитием монгольской государственности, повышением международного авторитета Монголии и увеличением преимуществ от ее суверенного существования большинство в руководстве МНРП становится убежденными сторонниками независимости страны¹⁴⁵

Подобная перемена также проявилась в процессе переоценки истории МНР, в том числе со стороны официальных властей. В условиях краха социалистической идеологии, стремительного падения популярности и привлекательности социализма как общественной модели развития, МНРП стремилась предстать в глазах монгольской общественности не столько в качестве интернациональной социалистической партии, сколько как национальная сила, опирающаяся на монгольское культурно-историческое наследие. Партия, пытаясь дистанцироваться от самых негативных моментов в истории страны, связанных с политическими репрессиями, гонениями на церковь, коллективизацией, прямо или косвенно перекладывала основную ответственность на отдельных ее представителей и/или на СССР¹⁴⁶. Эти сдвиги ярко демонстрировали наметившийся отход политического руководства страны от просоветской ориентации как во внутреннем развитии, так и на международной арене.

Именно в это время под влиянием выше указанных факторов в общественном сознании значительной части населения Монголии социалистический период стал ассоциироваться не столько как период «братских» отношений с СССР, сколько как эпоха «колониальной зависимости» от северного соседа. И в этом смысле демократическая революция 1990 г. в Монголии, основным результатом которой стало

¹⁴⁴ В частности, инициативы государственного прокурора МНР Б. Жамбалдоржа о принятии МНР в состав СССР в июле 1944 г. (*Бат-Очир Л. Чойбалсан... – С. 68*), аналогичные инициативы Ю. Цеденбала, Д. Тумур-Очира и Л. Ценда в августе 1950 г. и весной 1953 г. (*Бат-Очир Л. Чойбалсан... – С. 72*; Д. Дамбын ярилцлага (интервью Д. Дамбы) // *Үнэн (Правда).* – 1991. – 31 марта.

¹⁴⁵ Об этом см., например: Гэрэл сүүдэр: Ю. Цэдэмбалын хувийн тэмдэглэлээс (Свет и тень: из личных заметок Ю. Цеденбала). – Улаанбаатар, 1992. – С. 100; *Надилов Ш. Г* Цеденбал: 1984 год. – М., 1994. – С. 45.

¹⁴⁶ См., например: *Балхаажав Ц.* Перестройка и наш ориентир // *Азия и Африка сегодня.* – 1989. – № 8. – С. 24–26.

лии, в первую очередь, являются соответствующие официальные документы – законы, концепции, официальные речи и выступления представителей руководства стран. Факторы, влияющие на процесс эволюции внешнеполитических доктрин, могут носить как эндогенный характер (хозяйственно-экономический уклад страны, существующая государственная традиция, соответствующие институты, духовно-культурные ценности и другое), так и экзогенный (природно-географические особенности, внешнеполитическое окружение, текущие международно-политические процессы и тенденции). По этой причине содержательное наполнение официальных документов, а также существующая система взглядов по вопросу о наиболее предпочтительной внешнеполитической стратегии государства могут подвергаться корректировкам по мере увеличения/уменьшения влияния того или иного фактора.

Даже самый общий взгляд на состояние и развитие внешнеполитической концепции РФ в постсоциалистический период позволяет сделать вывод о том, что российская внешняя политика после распада СССР и до последнего времени не отличалась целостным подходом к различным актуальным вопросам международной политики и ситуации в мире в целом.

В 1992 г. в результате напряженных дебатов внутри российской политической элиты возникла первая российская официальная концепция внешней политики, отражавшая видение российским руководством места и роли новой России в международной политике¹⁵¹. Она отличалась от советских традиционных внешнеполитических установок тремя основными чертами. Во-первых, была подтверждена приверженность неконфронтационному характеру взаимоотношений с внешним миром, провозглашенная еще в годы политики «нового мышления» М. С. Горбачева, значительное сокращение внимания военной компоненте внешней политики РФ. Во-вторых, в условиях значительного экономического ослабления России пересмотрена традиция доминирования внешнеполитических задач над социально-экономической сферой; основное внимание должно быть сосредоточено на решении проблем внутреннего порядка, в частности, экономического

¹⁵¹ Концепция внешней политики РФ, принятая в декабре 1992 года... – С. 21–50.

развития и стабилизации демократического режима, а *вся внешнеполитическая деятельность призвана способствовать достижению этих целей*. В-третьих, произошел *отказ от мессианского компонента во внешней политике*, выражавшегося в продвижении коммунистической идеологии в мире. На смену задачам распространения социализма во внешнем мире пришла задача построения демократического общества внутри самой России. На практике следование данным положениям выражалось в следующем.

Демократия и рыночная экономика, а также формы и методы их построения оказались восприняты исключительно через призму рецептов западных советников и консультантов по политическим и экономическим вопросам, без должного внимания к специфическим проблемам российского общества. По словам известного философа-политолога Б. Г. Капустина, «все происходившее в стране либо втискивалось в эту матрицу (транзитологической парадигмы. – В. Р.) <...> либо выводилось за кадр в качестве второстепенного и случайного»¹⁵². При анализе обстоятельств перехода к радикальным демократическим реформам в России в начале 1990-х гг. специалисты, как правило, выделяют следующие постоянные факторы (субъективные и объективные), оказавшие свое воздействие на отношение политических элит и основной массы населения к демократизации:

- нормативное отношение к демократии как к декларируемому идеалу и цели предполагаемых общественных преобразований;
- связанная с этим растущая массовая притягательность демократических моделей и образцов как результат широких культурных влияний, прежде всего под воздействием западной массовой культуры;
- расширение демократических прав и свобод и экспериментирование с демократическими институтами и процедурами;
- четко проявившаяся на рубеже 1980–1990-х гг. экономическая неэффективность авторитаризма, особенно в качестве инструмента общественной модернизации;
- утрата привлекательности и вытекающая из этого делегитимизация авторитаризма как модели политического развития страны;

¹⁵² Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»?... – С. 7.

– наличие такого международного контекста (в том числе и институционального), который оказывается специфически благоприятным для стимулирования перехода от авторитаризма к более демократическим формам правления¹⁵³

В связи с этим становится очевидным то, почему, избрав путь радикальной демократизации основных политических институтов и провозгласив курс на построение рыночной экономики, руководство Российской Федерации в идейном плане оказалось полностью сориентированным на Запад, казавшийся образцом демократии и свободного рынка.

Отказ РФ от социалистического мессианства во внешней политике происходил параллельно с развитием курса на построение «особых отношений» со странами Запада, в первую очередь с США. В начале 1990-х гг. Москва искренне надеялась на возможность достижения равноправного партнерства с Соединенными Штатами на основе общности демократических ценностей, со своей стороны готовая поддержать все международные инициативы Вашингтона и добровольно отказаться от сфер традиционного влияния СССР. Именно в этот период Россия активно свертывала отношения со многими союзниками и партнерами Советского Союза в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, в том числе и со странами, находящимися в непосредственной близости от российской границы и обычно входившими в сферу государственных интересов России/СССР. В результате степень внимания России к незападным направлениям стала непропорционально меньшей в сравнении со степенью внимания к отношениям с США и странами Западной Европы.

Отчасти это было следствием объективного сокращения внешнеполитического потенциала РФ, ее экономических, демографических, территориальных, военно-политических и идеологических ресурсов. Наряду с указанными причинами значительная роль в этом процессе принадлежит идейно-политическим установкам российской элиты, считавшей общность демократических ценностей между разными государствами гарантией отсутствия каких-либо противоречий. Так, по наблюдениям иностранных (американских) дипломатов, руководи-

¹⁵³ Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия... – С. 340.

тель МИД РФ А. В. Козырев (с 1992 по 1996 г.) зачастую проектировал внешнюю политику государства с учетом той реакции, которая последует со стороны той или иной западной державы, чем с учетом реальных интересов России. Данный подход получил неофициальное название «козыревский» внешнеполитический стиль¹⁵⁴ Таким образом, степень проникновения новой идеологии во внешнюю политику России выделялась даже на фоне идеологизированной политики СССР, всегда содержавшей в себе элементы прагматики.

Однако по мере нарастания кризисных явлений в социально-экономической сфере, во многом вызванных неудачными действиями отечественных реформаторов-западников, разочарованием большей части политической элиты страны в возможности равноправного партнерства с Западом, в середине 1990-х гг. стали намечаться серьезные изменения во внешнеполитической доктрине РФ. Новую мирополитическую ситуацию, доминирование США и одновременно нараставшее и все более публично демонстрируемое бессилие РФ уже невозможно было игнорировать. Ощутимый сдвиг во внешнеполитической деятельности страны произошел между 1995 и 1996 гг., когда в начале января А. В. Козырев был заменен на посту министра иностранных дел Е. М. Примаковым.

Новый глава МИД РФ, не стремясь торпедировать общий курс на открытость внешнему миру и сотрудничество с Западом, попытался усилить позиции России в диалоге и торге с основными западными партнерами. Как отмечает известный российский политолог-международник А. Д. Богатуров, «он (Примаков. – В. Р.) осуждал не линию на сотрудничество с США и ЕС, а политику «безоговорочного согласия» с исходящими от Запада инициативами»¹⁵⁵ Произведенная корректировка имела своей целью отладку внешнеполитического механизма РФ, перевод отношений с Западом в русло политического и экономического прагматизма; начало отстаивания собственных российских

¹⁵⁴ Об этом см., например: *Саймс Д.* 1997 год прошел без драматических потрясений // *Международная жизнь*. – 1997. – № 11–12. – С. 16–17; *Talbott S.* The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. – N. Y. Random House, 2002.

¹⁵⁵ *Богатуров А. Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // *Международные процессы*. – 2007. – № 1. – С. 59.

интересов, сложившихся уже под влиянием постсоветского миропорядка; активизацию других – незападных – направлений российской внешней политики для укрепления политико-экономических позиций РФ в мире¹⁵⁶

Линия, привнесенная во внешнюю политику РФ с начала 1996 г., в основных чертах продержалась всю вторую половину 1990-х, даже после назначения на пост министра иностранных дел И. С. Иванова. Однако в условиях предельно обострившейся внутривнутриполитической ситуации данная линия не могла привести к ощутимым результатам. Внешнеполитические ресурсы страны оставались крайне ограниченными. Развитие отношений с большинством стран мира сильнее всего тормозила экономическая неустойчивость в самой России, одним из наиболее ярких проявлений которой стал финансово-экономический кризис 1998 г. Кроме того, кризис системы государственного управления внешнеполитической деятельностью, когда каждое ведомство проводило чуть ли не самостоятельную внешнюю политику, нередко противоречащую официальной позиции МИД РФ, наносил существенный ущерб национальным интересам и имиджу России, сдерживал процесс реализации ее международно-политических задач.

В целом первое постсоветское десятилетие оказалось противоречивым по своему содержательному наполнению. Либерализация общественной и экономической жизни, построение основ рыночной экономики, появление многопартийности и других базовых институтов демократии шло параллельно с разрушением иерархии власти, резким ослаблением государства, чрезвычайной экономической, политической и военной слабостью России. Подобная противоречивость не могла не сказаться на эффективности внешнеполитической деятельности РФ.

Избрание В. В. Путина Президентом РФ внесло ряд серьезных изменений как в общую стратегию развития России, так и во внешнеполитический курс государства, что во многих смыслах явилось реакцией на результаты развития страны в первом десятилетии после рас-

¹⁵⁶ *Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2-х т. – Т. 1 / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: МОНФ, 1999. – С. 179–195.*

пада СССР. Основные усилия в это время направлены на восстановление государственных сил России, что в конечном итоге привело к экономической стабилизации, усилению позиций федерального центра в отношениях с регионами, финансовой независимости РФ от внешних займов (в том числе за счет резкого ужесточения внутреннего налогового режима), существенному увеличению доли государства в экономике.

Официально концептуальные сдвиги во внешней политике были отражены в принятой 28 июня 2000 г. новой Концепции внешней политики РФ¹⁵⁷. В качестве цели было названо «обеспечение надежной безопасности страны <...> прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как *великой державы* (курсив наш. – В. Р.)»¹⁵⁸. Гораздо большее внимание, в сравнении с концепцией 1992 г., было уделено региональному уровню внешнеполитической деятельности России; условиями обеспечения национальной безопасности страны названы ее стабильное и безопасное международное окружение, а также продвижение и закрепление политических и экономических позиций РФ на мировой арене на основе регионального сотрудничества; важнейшие национальные интересы России, согласно Концепции, локализуются по всему периметру российских границ¹⁵⁹.

В практическом плане эти изменения выразились в более активной деятельности России практически на всех внешнеполитических направлениях, активизации ее политических и экономических связей с соседними государствами. Именно в этот период произошел окончательный отход Москвы от ориентированной исключительно на отношения с западными партнерами внешней политики. Так, по оценке отечественного исследователя Д. А. Жирнова, в первые годы XXI в. степень интенсивности дипломатических контактов российской стороны с такими региональными группами партнеров, как государства СНГ, страны Северо-Восточной Азии (без Японии) не уступала степени интенсивности аналогичных контактов с государствами «Большой

¹⁵⁷ Концепция внешней политики РФ. 28 июня 2000 г. – С. 109–121.

¹⁵⁸ Там же. – С. 109.

¹⁵⁹ Там же. – С. 110.

шой семерки»¹⁶⁰ В целом курс на построение более прагматичной, сбалансированной внешней политики, наметившийся еще во второй половине 1990-х гг., при Путине был не только сохранен, но и развит.

Кроме того, в начале 2000-х гг. начат процесс приведения в порядок механизма согласования и координации действий государственных ведомств, участвующих во внешнеполитическом процессе. Принимаемые внешнеполитические решения стали соотноситься с имеющимися у страны ресурсами. Элементы прагматизма и большей предсказуемости стали отчетливее просматриваться во внешней политике РФ, а экономический подъем середины 2000-х гг. значительно увеличил внешнеполитический потенциал России.

Во многом знаковым событием, наметившим новые горизонты российской внешнеполитической стратегии, стало выступление главы государства 27 июня 2006 г. на встрече с послами и постоянными представителями Российской Федерации. В частности, В. Путин заявил, что «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие»¹⁶¹ Фактически была сделана заявка на «приведение в соответствие политического влияния России в мире с приобретенными ею за последние годы экономическими возможностями»¹⁶² Москва начинает принимать активное участие в формировании повестки дня в отношениях со своими партнерами, выступать в качестве активной стороны в международном сотрудничестве. В частности, во многом под влиянием международно-политических и миро-экономических сдвигов Россия начала уделять больше внимания экономическим методам во взаимодействии с внешним миром, тем самым проецируя свое влияние на международной арене.

Подобно российской, монгольская внешнеполитическая доктрина по своему содержанию не являлась чем-то неизменным на протяже-

¹⁶⁰ *Жирнов Д. А.* Россия и Китай в современных международных отношениях. – М.: МГИМО, 2002. – С. 136.

¹⁶¹ Президент России. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 27 июня 2006 г. Москва (<http://www.kremlin.ru>).

¹⁶² *Богатуров А. Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России... – С. 65.

нии последних полутора десятков лет, она также подвергалась определенным корректировкам под влиянием внутренних и внешних факторов.

Если для нового руководства Российской Федерации взаимообусловленность экономической и политической реформы на основе либеральных ценностей в начале 1990-х гг., по сути, являлась единственным вариантом дальнейшего развития, то для монгольских правящих элит существовала (по крайней мере, на уровне политического дискурса) альтернатива. В соседнем с Монголией социалистическом Китае, а также Вьетнаме и Лаосе получил распространение и имел определенный успех вариант реформ экономического сектора без принципиального изменения политических институтов власти. Этот вариант стал казаться вполне вероятным, когда в Монголии, на фоне роспуска КПСС в России и утери всех властных постов коммунистическими партиями в Восточной Европе фактически сохранила свои правящие позиции МНРП (правда, серьезно изменившая программные установки в сторону социал-демократических ценностей), победив на выборах 1992 г. в Великий государственный хурал (ВГХ) – национальный парламент страны, с 56,9 % голосов. Среди части политической и интеллектуальной элиты страны идеи о возможном повторении китайского варианта реформирования и выхода из экономического кризиса в тот период времени были довольно популярны.¹⁶³

Однако, как показали дальнейшие события, монгольское руководство избрало российский вариант реформирования, взяв курс на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию общественно-политической жизни страны. Выборы в ВГХ в 1992 г. на многопартийной основе и принятие Конституции, провозгласившей построение «нового гуманного демократического гражданского общества»¹⁶⁴, стали важными шагами в этом направлении. Регулярные свободные выборы, демократический принцип разделения трех ветвей власти, запрет на притеснение оппозиции, возможность граждан

¹⁶³ Об этом см., например: *Гербова А.* Процесс становления нового общества в Монголии // Монголия: трудный путь к рынку. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 9; *Яскина Г. С.* Политические реформы в современной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 5. – С. 48.

¹⁶⁴ Монгол Улсын үндсэн Хууль (Конституция Монголии). – Улаанбаатар, 1992. – С. 1.

иметь доступ к альтернативным источникам информации и прочие атрибуты процедурной демократии были положены в основу политической системы Монголии. В этом проявилась уникальность Монголии, единственной из социалистических азиатских стран, пошедшей по пути радикального политического и экономического реформирования.

Для Монголии, так же, как для России и стран Восточной Европы, был характерен тот же набор факторов, сыгравших решающую роль во взаимообусловленности ее радикальных политических и экономических преобразований. Практически вся элита Монголии, получившая образование в СССР и странах Восточной Европы, находилась под влиянием идей о необходимости параллельного социально-экономического и политического реформирования страны. Соответственно все без исключения политические партии и силы Монголии в основу своих программ ставили приверженность демократическим ценностям, подчеркивали необходимость их верховенства в общественно-политической жизни страны¹⁶⁵ Структурно монгольская экономика рубежа 1980–1990-х гг. имела гораздо больше сходств с экономикой советской, чем с китайской или вьетнамской¹⁶⁶ При всей внешней привлекательности результатов экономических реформ в КНР и Вьетнаме, выбор российского и восточно-европейского пути реформ казался для Монголии оптимальным. Таким образом, дали о себе знать долгие годы следования МНР в политическом фарватере СССР и внутренние трансформации, имевшие место в России.

В то же время можно выделить некоторые особенности в процессе реформирования политической и экономической сфер в Монголии, в конечном итоге повлиявших на состояние и развитие внешнеполитической стратегии Монголии.

Во-первых, в условиях резкого прекращения внешнего финансирования из бывших стран-членов СЭВ и сложившегося в связи с этим

¹⁶⁵ Даже МНРП, отказавшись после 1990 г. от марксистско-ленинской идеологии, в основу программы партии положила тезис о приверженности демократическим ценностям.

¹⁶⁶ Об этом подробнее см.: *Гербова А. А.* Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. – М.: Наука, 1991; *Кубышина Г. А.* Власть и преобразования государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия). – М., 2000.

критического социально-экономического положения в стране провозглашение Монголией курса на построение демократического общества гораздо в большей мере, чем в России, выполняло *функцию некоего «рекламного проекта»*, а именно привлечения финансовых средств в форме льготных кредитов и помощи со стороны западных демократий. В этом смысле процесс демократических преобразований в постсоциалистической Монголии, ставший главной тенденцией ее политического развития в начале 1990-х гг., реализовывался *не только (а иногда и не столько) за счет эндогенных факторов* (уровень социально-экономического развития, политические процессы в обществе и т. п.), но и благодаря *экзогенным* по отношению к ней факторам, то есть международной среды, побуждавшей к этим демократическим преобразованиям.

Во-вторых, особенностью постсоциалистического транзита Монголии, отличавшей ее от стран Восточной Европы и РФ, было то, что даже после отказа от социалистической модели развития *основные правящие позиции сохранила за собой МНРП*, что можно объяснить следующими причинами. Для российского и восточно-европейских обществ, в истории которых были периоды (пусть и непродолжительные) многопартийности, правящие компартии в условиях системного кризиса конца 1980-х гг. стали символами политической силы, «волюнтаристски свернувшей их страны с истинного пути развития». Монголия же вплоть до начала политических реформ не знала никаких партийных образований, кроме МНРП. Также в ряде стран Восточной Европы негативное восприятие местных компартий было вызвано тем, что в послевоенный период они пришли к власти во многом за счет советской поддержки. МНРП, напротив, в общественном сознании большей части монгольского населения имела стойкий образ организации, под чьим руководством была успешно осуществлена национально-освободительная борьба против Китая.

В начале 1990-х гг., как и для новой России, важнейшей задачей для постсоциалистической Монголии стал выбор новой внешнеполитической стратегии, которая позволила бы наиболее эффективно отстаивать свои национальные интересы в отношениях с внешним миром. По данному вопросу в Монголии начала 1990-х гг. имели место определенные дискуссии. По общему мнению российских и монголь-

ских авторов¹⁶⁷, можно выделить три основных варианта стратегии, существовавших на тот момент:

1. Односторонняя ориентация на какую-либо великую державу.
2. Строгий нейтралитет.
3. Сбалансированные отношения с соседними державами при опоре на «третью силу».

Первый вариант был отвергнут во многом из-за имевшегося у Монголии в недавнем прошлом опыта подобной ориентации на Советский Союз со всеми ее позитивными и негативными моментами. Стратегия односторонней ориентации шла вразрез со стремлением монгольской общественности того периода к расширению международных связей и контактов, ранее ограниченных рамками социалистического содружества и союзнических отношений с СССР.

Второй был неприемлем для Монголии по причине ее политической и экономической слабости, уязвимого геополитического положения между двумя историческими соперниками – Россией и Китаем.

В результате, с одной стороны, не желая более быть связанной особыми отношениями с кем бы то ни было, с другой, стремясь максимально эффективно обеспечить внешние условия национальной безопасности, Монголия избрала стратегию многовекторности, в основу которой положен принцип сбалансированных отношений с Москвой и Пекином при сохранении добрососедских отношений с обоими. Отдельное место в рамках данной стратегии отведено сотрудничеству с внерегиональными партнерами, которые должны были уравновесить российское и китайское влияние на Монголию.

По мнению отечественного монголоведа Д. В. Ганжурова, данные настроения явились отражением лишь одной из «трех тенденций развития внешнеполитической стратегии страны. Первая связана с Россией <...> вторая – с прокитайскими тенденциями <...> определенная часть монгольского общества – сторонники третьего альтернативного варианта внешнего гаранта безопасности Монголии» (то есть опоры на такие державы, как США, Япония, Республика Корея, стра-

¹⁶⁷ Батбаяр Ц. Наследие Чингисхана и геополитика современной Монголии // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 3–5 октября 2002 года). – Улан-Удэ, 2003. – С. 172; Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 68–69.

ны Евросоюза при сохранении добрососедских отношений с Россией и Китаем)¹⁶⁸ Не отрицая наличие подобной палитры настроений среди монгольских политиков и интеллектуалов, следует отметить, что полемика основных монгольских партий по вопросу о внешнеполитических приоритетах является в значительной степени конъюнктурной и объясняется главным образом закономерностями партийно-политической борьбы.

В ходе избирательной кампании критика оппонента является органической частью политического процесса. Например, за МНРП традиционно закреплён образ партии, более тяготеющей к сотрудничеству с Россией. Демократическая партия и ряд ее союзников чаще характеризуются как сторонники прозападной политики. Если же коснуться существа вопроса, то на деле разногласия не затрагивают основ внешней политики. Программные установки ведущих политических партий страны по вопросам внешней политики в своих основных пунктах практически не отличаются друг от друга¹⁶⁹ Большинство государственных деятелей, независимо от их партийно-политических предпочтений, признают необходимость проведения многовекторной политики при опоре и на Россию, и на Китай, и на Запад. Можно говорить о том, что к середине 1990-х гг. *по вопросам внешнеполитической стратегии в монгольском политическом сообществе в целом сложился консенсус.*

Корректировка коренных приоритетов во внешней политике Монголии была зафиксирована прежде всего в двух основных официальных документах – Концепции национальной безопасности (КНБ) и Концепции внешней политики (КВП), принятых в 1994 г. В основу КНБ был положен принцип защиты национальных интересов, включающих в себя стандартный набор ценностей национального государства – независимость, суверенитет, территориальная це-

¹⁶⁸ Ганжуров Д. В. Китайский фактор в российско-монгольских отношениях // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 21–22.

¹⁶⁹ Об этом подробнее см.: Тумурчулуун Г. Процесс принятия внешнеполитических решений в малых государствах: на примере Монголии: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. – М., 2000.

лостность, устойчивое экономическое развитие и др.¹⁷⁰ Согласно КВП, одной из главных задач Монголии обозначалось проведение широко диверсифицированной внешней политики¹⁷¹ В качестве приоритетов в сотрудничестве на международной арене были обозначены, помимо Российской Федерации и Китайской Народной Республики, такие высокоразвитые государства, как США, Германия, Япония, Южная Корея и ряд других¹⁷² Так же, как и российская сторона, монгольская исключила из перечня своих внешнеполитических приоритетов задачу «защиты и укрепления основ мировой социалистической системы», служившей стречнем внешнеполитической доктрины МНР. В качестве главных принципов своей внешней политики Улан-Батор обозначил *прагматизм* и *деидеологизированность*.

Таким образом, многовекторность легла в основу монгольской внешнеполитической стратегии в силу ряда объективных причин – континентального характера страны, геополитической замкнутости между Россией и Китаем, незначительного военного и демографического потенциала для отражения гипотетических внешних угроз, психологического отторжения монголами любой формы односторонней ориентации. Можно сказать, что выбор Монголией политики многовекторности стал наиболее естественной реакцией страны, расположенной между двумя многократно превосходящими ее по широкому набору внешнеполитических ресурсов державами, на сложившуюся после распада СССР международно-региональную ситуацию. По мнению американского исследователя А. Ванденбоша, «для того чтобы защитить свой суверенитет, малым странам приходится полагаться на поддержку близлежащих государств или маневрировать между соперничающими “центрами силы”»¹⁷³

Необходимо отметить, что, провозглашая принцип сбалансированности своих отношений с Россией и Китаем, монгольская сторона

¹⁷⁰ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримжлал (Концепция национальной безопасности Монголии) // Дорно – Өрнө (Восток – Запад). – Улаанбаатар, 1995. – № 1–2. – С. 2.

¹⁷¹ Concept of Mongolia's Foreign Policy // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – № 2.

¹⁷² Ibid.

¹⁷³ Vandenbosch A. The Small States in International Politics and Organizations // The Journal of Politics. – 1964. – № 2. – P. 301.

указала на его нетождественность принципу равноудаленности (в частности, в разделе 3 КНБ). Хотя стремление быть равноудаленной от своих соседей довольно отчетливо прослеживалось в монгольской внешней политике в первой половине 1990-х гг. Монгольская сторона, испытывая определенные надежды на то, что тесные политические и экономические контакты с некогда враждебными странами капиталистического мира смогут компенсировать многие потери после распада СССР, так или иначе дистанцировалась от северного соседа. Определенная эйфория от провозглашенного перехода на путь демократии основывалась на убежденности значительной части политической элиты страны в том, что государства Запада, в первую очередь США и Япония, способны обеспечить политическую и экономическую безопасность Монголии.

И все же при всех имеющихся надеждах в монгольском обществе на поддержку со стороны западных стран общий настрой Улан-Батора изначально был более сдержанным и прагматичным, идея «международной демократической солидарности», характерная для российской внешнеполитической практики первой половины 1990-х гг., не стала довлеть над монгольской внешней политикой, не оказала столь существенного влияния на поведение Монголии на международной арене. Определенные корректировки во внешнеполитической стратегии Монголии, безусловно, имели место быть и, в первую очередь, выразились в возросшем со второй половины 1990-х гг. удельном весе политических связей с Россией. Однако общий курс на многовекторность во внешней политике сохранялся в течение всего постсоциалистического периода.

Таким образом, анализ становления и развития внешнеполитических стратегий России и Монголии и соответствующих векторов развития взаимоотношений Москвы и Улан-Батора с внешним миром позволяет выделить общие и специфические моменты. К общим, закрепившимся в политической практике российского и монгольского руководства, следует отнести:

– отказ от увязывания внешней политики с господствующей политической идеологией и признание верховенства собственных национальных интересов. Если для Монголии данный принцип стал основополагающим с самого начала ее постсоциалистической истории, то Россия пришла к нему несколько позже;

– отказ от конфронтации как неотъемлемой части ведения внешней политики;

– признание многовекторности в качестве ключевого принципа внешнеполитической стратегии.

Главное отличие проявилось в траектории развития представлений о наиболее оптимальной внешнеполитической стратегии. Эволюция монгольской внешнеполитической стратегии, в сравнении с российской, оказалась более плавной, лишенной резких поворотов и изменений, что можно объяснить особенностями постсоциалистического транзита обеих стран.

Во-первых, более внимательный и взвешенный подход к процессу выбора той или иной стратегии отношений с внешним миром явился для Улан-Батора важным *организационно-процедурным ресурсом*, создающим условия для *сокращения его ограниченности в ресурсах материальных* – военных, экономических, демографических. В свою очередь роль и место России в мировой политике, сложностной характер ее внутреннего устройства (природно-климатическая, социально-экономическая, этнокультурная неоднородность) объективно обусловили большую степень и интенсивность влияния факторов, корректирующих ее внешнеполитическую стратегию.

Во-вторых, для Монголии, в отличие от России, по прошествии почти двух десятилетий реформ характер взаимоотношений с западными странами не изменился столь кардинально. Высокая степень зависимости страны от финансовой, политической, морально-идеологической поддержки со стороны развитых демократий Запада остается и на современном этапе¹⁷⁴ Позиционируя себя в качестве одной из «самых демократических стран Азии», Монголия извлекает из этого немало положительных дивидендов. Напротив, любое проявление тенденций к закреплению недемократических элементов (нередко в западной интерпретации) в политической системе страны может негативно сказаться на отношениях с западными партнерами Улан-Батора.

В-третьих, не последнюю роль в деле изначально более прагматичного выбора Улан-Батора сыграло и сохранение преемственности

¹⁷⁴ Подробнее об этом смотрите в 3.2.

в государственно-дипломатической традиции. Нахождение МНРП у власти в начальный период политических реформ, во многом ставшее залогом этой преемственности, позволило монгольскому государству с меньшими для своих национальных интересов издержками, в сравнении с РФ, встроиться в новый международно-политический контекст, избрав в относительно сжатые сроки основную магистраль своей внешнеполитической стратегии.

Состояние и эволюция общих внешнеполитических концепций и стратегий постсоциалистических России и Монголии так или иначе отражались на развитии взаимоотношений между странами. В связи с этим такие показатели, как динамика взаимных официальных визитов на высшем и высоком уровнях представителей двух стран, иные внешнеполитические акции сторон и высказывания представителей политического руководства, способны стать индикаторами состояния российско-монгольских отношений на том или ином временном отрезке, могут помочь определить то, насколько реальное межгосударственное взаимодействие совпадало/расходилось с провозглашаемыми внешнеполитическими целями и задачами.

Одним из первых международных нормативно-правовых актов, зафиксировавшим значительные изменения в двусторонних отношениях, стала подписанная 12 февраля 1991 г. Декларация о дружбе и добрососедском сотрудничестве между РСФСР и МНР. В ней, в частности, провозглашен взаимный отказ от идеологического подхода к вопросам двусторонних отношений. На смену этому, по замыслу авторов Декларации, должны были прийти прагматизм и взаимная выгода¹⁷⁵

Подписанный 20 января 1993 г. Президентами стран Б. Н. Ельциным и П. Очирбатом Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией стал наглядным свидетельством изменившегося кардинальным образом характера отношений между Москвой и Улан-Батором. Данный договор пришел на смену советско-монгольскому Договору о дружбе и взаимопомощи 1966 г., который вплоть до 1993 г. являлся базовым международно-правовым документом, регулировавшим двусторонние отношения между двумя странами (далее – Договор 1966 г. и Договор 1993 г.).

¹⁷⁵ По изложению: Джагаева О. А. Развитие российско-монгольских отношений... – С. 32.

Ключевым пунктом Договора 1966 г. являлось обязательство одной из договаривающихся сторон прийти на помощь другой в случае военного нападения третьей стороны¹⁷⁶. По этой причине он может быть отнесен к такому типу международной безопасности, как «коллективная оборона». Для системы коллективной обороны, объединяющей государства региона и направленной против внешнего по отношению к участникам этой системы противника, по мнению специалистов¹⁷⁷, характерны:

- наличие противника или, по крайней мере, представление о том, кто есть противник;
- система гибкого реагирования и передовой обороны;
- концепция военной реакции на ту или иную ситуацию.

В соответствии с указанными признаками коллективной обороны можно сказать, что:

- в качестве потенциального врага обеих сторон договора имела в первую очередь КНР;
- система гибкого реагирования и передовая оборона включали в себя рассматриваемые советской стороной варианты нанесения упреждающих ударов по объектам на территории КНР;
- наличие внушительной советской военной группировки на советско-китайской и монголо-китайской границах служило условием военной реакции на агрессивные действия предполагаемого противника. Сам факт наличия мощной обороны служил элементом постоянного сдерживания его потенциальных устремлений.

Таким образом, Договор 1966 г., основанный на принципах коллективной обороны, был сосредоточен на *военно-политических* аспектах сотрудничества между странами, и в целом соответствовал советским и монгольским представлениям о методах обеспечения собственной безопасности и безопасности союзных государств.

¹⁷⁶ Советско-монгольские отношения... – С. 14.

¹⁷⁷ См., например: *Мальгин А. В.* К обеспечению региональной стабильности в СНГ // Россия и международные режимы безопасности. – М., 1998; *Минасян С.* Процессы формирования системы коллективной безопасности СНГ: история и перспективы. – Ереван, 2002; *Петровский В. Е.* Тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. – М., 1998.

Сама формулировка Договора 1993 г. свидетельствует о его принципиальном отличии от предшествующего. В Договоре 1993 г. отсутствует статья о *прямой военной поддержке* в случае агрессии против одной из сторон¹⁷⁸. В качестве мер сотрудничества при возникновении угрозы безопасности одной из сторон обозначены «*незамедлительные консультации*» (статья 5)¹⁷⁹. Также Россия заявила о своем «уважении к политике Монголии, направленной на недопущение размещения на ее территории и транзита иностранных войск, ядерного и других видов оружия массового уничтожения» (статья 4)¹⁸⁰. Иными словами, российская сторона впервые за многие десятилетия переставала быть гарантом военно-политической безопасности Монголии. В качестве новых сфер для взаимодействия в Договоре 1993 г. обозначены – охрана окружающей среды, борьба с организованной преступностью, терроризмом и др.¹⁸¹

Концептуальные изменения в представлениях обеих сторон Договора 1993 г. о подходах к региональной безопасности и взаимным интересам своими корнями имели как внутренние, так и внешние по отношению к странам причины.

К внутренним следует отнести общую устремленность Москвы и Улан-Батора к демократизации своих внешнеполитических отношений и связанное с этим снижение роли военного фактора. В частности, Российская Федерация значительно сократила боевой состав Тихоокеанского флота, снизила уровень военного контингента вдоль китайской границы. Монголия начиная с 1992 г. объявила свою территорию «зоной, свободной от ядерного оружия»¹⁸².

Внешними причинами изменившегося характера отношений стали окончание «холодной войны» и снятие напряженности в советско-российско-китайских отношениях. В результате степень озабоченно-

¹⁷⁸ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. Москва, 20 января 1993 г. // Дипломатический вестник. – 1993. – № 3–4.

¹⁷⁹ Там же. – С. 4.

¹⁸⁰ Там же. – С. 3.

¹⁸¹ Там же. – С. 5–6.

¹⁸² *Enkhsaikhan J. Mongolia's Non-nuclear Status – An Important Element of Foreign Policy // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – P. 14.*

сти России и, в первую очередь Монголии, проблемой военной безопасности («жесткого» аспекта) значительно снизилась, уступив заинтересованности в экономическом, социальном, культурном и ином развитии. Возникли предпосылки для увеличения внимания к комплексу невоенных аспектов обеспечения безопасности, то есть «мягким», включающих в круг основных вопросов усилия по предупреждению загрязнения окружающей среды (шире – проблемы экологии), шаги по ограничению наркотрафика и производства наркотиков, меры борьбы с международной преступностью и усилением контроля над миграционными потоками и мн. др.

Таким образом, Договор 1993 г. по своему содержанию явился констатацией изменившегося характера взаимоотношений – от союзнических к добрососедским. С одной стороны, это объективно снижало уровень взаимодействия между странами. Так, по мнению Г. С. Яскиной, Договор 1993 г. приобрел «нейтралистский характер, фактически уравнивал Россию в восприятии Монголии со всеми остальными ее внешнеполитическими партнерами»¹⁸³. Кроме того, как заметила О. А. Джагаева, «в отличие от монголо-китайского договора 1994 г. о дружественных отношениях и сотрудничестве, являющегося бессрочным, российско-монгольский договор подписан на 20 лет с возможностью дальнейшего его продления»¹⁸⁴.

С другой, по всем формальным признакам Договор 1993 г. на фоне нескольких предыдущих лет «затишья» в советско-российско-монгольских отношениях был шагом вперед. На тот момент Россия далеко не со всеми своими соседями имела подобные договоренности. Основные условия и общий характер Договора 1993 г. отвечали заявленным Москвой и Улан-Батором внутри- и внешнеполитическим целям и задачам после дезинтеграции социалистического блока. Он способствовал расширению правовых основ сотрудничества между РФ и Монголией.

Однако практическая сторона российско-монгольских отношений оставляла желать лучшего. Объявленное Москвой и Улан-Батором стремление к сотрудничеству в различных областях на практике

¹⁸³ Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития... – С. 34.

¹⁸⁴ Джагаева О. А. Россия и Монголия... – С. 61.

практически не осуществлялось. Степень активности Москвы на монгольском направлении оказалась крайне низкой. Наглядным подтверждением этого является интенсивность дипломатических контактов между сторонами. Так, в период с 1991 по 1995 г. только один советский/российский чиновник в ранге не ниже министра совершил официальный визит в Монголию¹⁸⁵. Возможно, один из мотивов прохладного отношения Москвы к связям с Улан-Батором заключался в том, что российское руководство, в первые постсоветские годы стремившееся оттолкнуться от всего, что связывало страну с коммунистическим прошлым, весьма неохотно шло на развитие взаимоотношений с Монголией, так как у власти по-прежнему находилась МНРП, пусть и значительно изменившая свою идеологическую платформу. Более того, в 1990-е гг. встречались недружественные высказывания по отношению к Монголии со стороны отдельных российских политиков. В частности, среди выступлений председателя Комитета по вопросам геополитики Государственной думы второго созыва (1995–2000 гг.), члена ЛДПР А. Митрофанова имелись следующие слова: «В Азии отказ от послевоенных договоров будет означать восстановление прав Китая на Внешнюю Монголию. Думаю, что приобретение Монголии смягчит позицию Пекина по Тайваню, и будет значительно способствовать смягчению напряженности в регионе»¹⁸⁶.

Улан-Батор, в свою очередь, рассматривал политику дистанцирования от Москвы в первые годы реформ в качестве неотъемлемой составляющей стратегии расширения своих международных связей и диверсификации собственной внешней политики. Например, введение по инициативе монгольской стороны визового режима с Россией фактически шло вразрез со статьей 11 Договора 1993 г., согласно которой стороны обязались «всемерно способствовать расширению контактов между гражданами обеих Сторон»¹⁸⁷; визовый режим поставил Россию на один уровень с другими иностранными партнерами Монголии. Политика «самостоятельности», инициированная первым постсоциалистическим правительством Д. Бямбасурэна в начале 1990-х гг.,

¹⁸⁵ Монгол-Оросын харилцаа... – С. 183–190.

¹⁸⁶ Митрофанов А. В. Шаги новой геополитики. – М., 1997. – С. 203.

¹⁸⁷ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве... – С. 5.

привела к вытеснению из страны всех советских/российских специалистов, строителей, консультантов. Отдельные монгольские руководители стали обвинять Россию в игнорировании национальных интересов Монголии. Критика социалистического периода монгольской истории, ставшая обязательным атрибутом демонстрации приверженности демократическим ценностям, нередко означала критику советско-монгольских отношений с заострением внимания на их негативных моментах.

Очевидно, что все это не способствовало развитию конструктивного сотрудничества между странами. Подобные шаги Москвы и Улан-Батора наводили на мысль о том, что обе стороны стремились к отношениям «с чистого листа», игнорируя опыт и багаж сотрудничества предыдущих десятилетий, что в корне противоречило зафиксированному в преамбуле Договора 1993 г. указанию на «традиции дружественных отношений, взаимного доверия и многогранного сотрудничества между народами двух стран». Поэтому внешнеполитические векторы России и Монголии в первой половине 1990-х гг. являлись *разнонаправленными*, что не помогало налаживанию эффективного сотрудничества между странами.

Монгольская сторона первой сделала ряд шагов в сторону активизации двусторонних контактов, что во многом объяснялось несоизмеримо большей ролью российского фактора во внешней политике Монголии, чем монгольского во внешней политике России. В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы, Монголия в силу объективных причин (территориально-географической расположенности страны между Россией и Китаем и ее удаленности от иных альтернативных центров силы, относительной периферийности интересов западных стран в этом регионе в сравнении с Восточной Европой) не имела возможности, опираясь на иные великие державы, долгое время придерживаться политики дистанцирования от своего северного соседа. Как отмечает А. С. Железняков, «если восточноевропейские государства – бывшие члены Варшавского договора могли пойти на риск ухудшения отношений с СССР/Россией, чтобы начать сближение с Западной Европой, то Монголия не могла себе этого позволить из опасений подрыва национальной безопасности»¹⁸⁸

¹⁸⁸ Железняков А. С. Монголия социалистическая и постсоциалистическая // Восток. – 1996. – № 6. – С. 109.

Постепенно было преодолено негативное отношение значительной части монгольской общественности к России, «синдром социализма» в отношении с бывшим союзником по социалистическому содружеству перестал быть частью внешнеполитической стратегии страны и *«европейский» вариант трансформации отношений между постсоциалистическими странами не получил своего дальнейшего развития.*

В 1994 г. состоялся визит монгольской парламентской делегации в Москву, в ходе которого был принят Меморандум, нацеленный на расширение сотрудничества между двумя странами, достигнута договоренность о сотрудничестве на уровне парламентов – подписаны протоколы о переговорах, касающихся контактов между парламентскими группами «Россия – Монголия» в Госдуме РФ и «Монголия – Россия» в Великом государственном хурале Монголии¹⁸⁹ В 1995 г. совершил официальный визит в Москву монгольский премьер-министр П. Жасрай, был подписан Протокол «Об экономическом сотрудничестве между РФ и Монголией»¹⁹⁰ В целом до 1996 г. инициатива по развитию двустороннего сотрудничества исходила в основном от Улан-Батора; превалировали визиты представителей монгольского руководства в Москву, что не могло стать достаточным основанием для плодотворного сотрудничества, требовавшего взаимных усилий сторон.

В рамках новой внешнеполитической линии второй половины 1990-х гг. Москвы было положено начало активизации политических контактов с Улан-Батором. В середине 1990-х гг. к политическому руководству России постепенно пришло понимание важности более интенсивного взаимодействия с бывшим союзником по социалистическому блоку. Этому способствовали как усиливавшееся с каждым годом внимание к Монголии со стороны ведущих региональных держав, так и возросшее значение пригранично-регионального уровня российско-монгольских отношений.

Не случайно, что одной из трех стран Азии, которые первыми посетил с официальным визитом глава российского МИДа Е. М. Примаков осенью 1996 г., стала Монголия. В подписанном во время его пребывания в Улан-Баторе монголо-российском коммюнике обе стороны

¹⁸⁹ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 103.

¹⁹⁰ Монгол-Оросын харилцаа... – С. 188.

подтвердили свою заинтересованность в дальнейшем обновлении и укреплении договорно-правовых основ двусторонних отношений¹⁹¹ Именно в 1996 г. началось возобновление практики российских визитов на высоком уровне в Монголию. В это же время Монголию посетили с официальным визитом делегации Государственной думы – Федерального собрания России во главе с председателем Г. Н. Селезневым, Министерства по чрезвычайным ситуациям под руководством С. К. Шойгу¹⁹², в феврале 1999 г. нанес официальный визит в Монголию новый министр иностранных дел И. С. Иванов¹⁹³ В результате чего были подняты такие важные вопросы в отношениях стран, как неопределенность дальнейшего статуса совместных российско-монгольских промышленных предприятий, высокие российские тарифы и пошлины на монгольские товары, судьба советского имущества на территории Монголии и ряд других.

Хотя следует признать, что многие важные проблемы и вопросы, накопившиеся между Москвой и Улан-Батором за долгие годы, оставались нерешенными, ряд договоренностей и соглашений существовали только на бумаге, не переходя в практическую плоскость. Наиболее уязвимой сферой российско-монгольских отношений продолжала быть торгово-экономическая. Объем товарооборота между двумя странами являлся крайне низким, российская доля в экспорте/импорте Монголии стремительно уменьшалась. Для выхода политических отношений России и Монголии на более высокий уровень сотрудничества была необходима активизация, прежде всего российской стороны, подкрепленная соответствующими политико-дипломатическими, экономическими, организационными возможностями РФ.

Знаковым событием, положившим начало качественно новому этапу в развитии российско-монгольских отношений, стал визит В. В. Путина в Монголию в ноябре 2000 г. Приезд российского главы был первым событием такого уровня за последние 26 лет, когда в 1974 г. в Улан-Батор приезжал лидер Советского Союза Л. И. Брежнев. По этой причине визит В. В. Путина становился для монгольской

¹⁹¹ Монгол-Оросын харилцаа... – С. 191.

¹⁹² Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 103.

¹⁹³ Визит И. С. Иванова в Монголию // Дипломатический вестник. – 1999. – № 3.

стороны долгожданным событием. Справедливости ради стоит отметить, что визит состоялся не на пустом месте и его проведению предшествовали несколько лет кропотливой дипломатической работы двух стран по налаживанию совместного сотрудничества. К началу 2000 г. отношения опирались на солидную договорно-правовую базу, которую составили более 100 межправительственных и межведомственных соглашений¹⁹⁴

В ходе встречи В. Путина с Президентом Монголии Н. Багабанди была подписана Улан-Баторская декларация, включившая в себя стремление сторон к либерализации торговли, транспортных перевозок, установлению льготных тарифов, пошлин и других сборов, облегчению визового режима между Россией, Монголией и Китаем, координации деятельности Советов Безопасности стран, правоохранительных, пограничных и таможенных органов и т. д. Стороны подтвердили свои совпадающие позиции по ключевым вопросам международных отношений и безопасности¹⁹⁵ Но самым главным итогом явился сам факт подобного визита, *значительно улучшившего психологический фон российско-монгольских отношений* и придавшего новый импульс для их дальнейшего развития.

Следующим шагом в направлении активизации взаимоотношений стал визит главы российского правительства М. М. Касьянова в марте 2002 г., первый на уровне главы правительства после 1971 г. Основными результатами визита, отраженными в итоговом коммюнике и на состоявшейся после переговоров пресс-конференции, явились конкретные договоренности: о либерализации и расширении торговли, доведении товарооборота в короткие сроки до 250 млн. долл., а затем и до 500 млн. долл. в год, производственном кооперировании в горнорудной, энергетической и других областях, об участии российских компаний в газификации Монголии, российских железнодорожников в прокладке «Дороги тысячелетия»¹⁹⁶ Следует от-

¹⁹⁴ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 104.

¹⁹⁵ Улан-Баторская декларация. Улан-Батор, 14 ноября 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия в 4-х т. – Т. 4 / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: РОСПЭН, 2002. – С. 514–518.

¹⁹⁶ Монгольское центральное телеграфное агентство (МОНЦАМЭ). 28.03.2002.

метить, что визиты В. В. Путина и М. М. Касьянова напрямую способствовали разрешению такой острой проблемы в двусторонних отношениях, как монгольская задолженность России, доставшаяся еще с социалистических времен¹⁹⁷

В дальнейшем взаимные визиты на высшем и высоком уровнях стали носить регулярный характер. За последние несколько лет напесли официальные визиты в Монголию Председатель Правительства РФ М. Е. Фрадков (10–12 июля 2006 г.), Председатель Совета Федерации РФ С. М. Миронов (13–17 мая 2007 г.), ряд федеральных министров и глав ведомств. Визиты монгольской стороны в Россию на высшем и высоком уровнях перестали быть редкостью. Представители высшего руководства Монголии начали совершать визиты в Россию после своего назначения на эти должности. Так, в феврале 2002 г. Россия стала первой страной, куда во главе делегации ВГХ нанес официальный визит новый Председатель монгольского парламента С. Тумур-Очир¹⁹⁸ В течение весны 2008 г. с официальным и рабочим визитами в Москву прибыли Премьер-министр С. Баяр (10–12 апреля) и Президент Н. Энхбаяр (15–18 мая).

В ходе визита в Россию в первой половине декабря 2006 г. Президентом Монголии Н. Энхбаяром и Президентом РФ В. В. Путиным подписана Московская декларация (8 декабря 2006 г.). Кроме того, были подписаны такие важные документы, как Договор о режиме российско-монгольской государственной границы; Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг., главной целью которой было обозначено доведение к 2010 г. объема взаимной торговли до уровня 1 млрд. долл.; Протокол об активизации сотрудничества между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Государственным управлением по чрезвычайным ситуациям Монголии; Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта; Программа сотрудничества между Российским Федеральным агентством по культуре и кинематографии (Российская Федерация) и

¹⁹⁷ Подробнее об этом сказано в 2.2.

¹⁹⁸ Известия. – 2002. – 11 февраля.

Министерством образования, науки и культуры Монголии на 2006–2008 гг. и ряд других¹⁹⁹. Главная особенность Московской декларации – упомянутая фраза о стремлении сторон к повышению эффективности двустороннего взаимодействия в «духе отношений *стратегического партнерства* (курсив наш. – В. Р.), предполагающего вывод многогранных связей между странами на еще более высокий и качественно новый уровень»²⁰⁰

Таким образом, в первой половине 2000-х гг. РФ совершила своеобразный дипломатический прорыв на монгольском направлении, активизировав и интенсифицировав политические контакты на высшем уровне. Стремительное восстановление высокого уровня политических взаимоотношений между Россией и Монголией в какой-то мере стало проявлением эффекта «обратной отдачи». Рано или поздно, но ситуация, близкая к «застою» в отношениях, должна была завершиться. Темпы и кажущаяся легкость, с которыми произошло политическое сближение между странами, во многом компенсировали крайне неудовлетворительный уровень развития российско-монгольских отношений в 1990-е гг. Такие факторы, как принципиальная готовность Улан-Батора к сближению с Москвой, наличие у российской стороны значительной материальной (в частности, совместные российско-монгольские предприятия) и историко-психологической базы для восстановления высокого уровня отношений объективно играли на руку Москве и облегчали процесс сближения.

Визиты в 2006 г. Председателя российского правительства М. Е. Фрадкова в Монголию и Президента Монголии Н. Энхбаяра в Россию закрепили высокий политический уровень российско-монгольских отношений и одновременно обозначили новые перспективы отношений и связанные с этим цели и задачи сторон. Со второй половины 2000-х гг. российско-монгольские отношения вступили в новый этап, когда достигнутые успехи в политической сфере потребовали своего закрепления в сфере экономического взаимодействия, претворения в жизнь планов по торгово-экономическому сотрудничеству,

¹⁹⁹ Московская декларация, подписанная Президентом России В. В. Путиным и Президентом Монголии Н. Энхбаяром 8 декабря 2006 года в Москве (<http://www.kremlin.ru>).

²⁰⁰ Там же.

объявленных в предыдущие годы. Хотя на этом направлении стороны столкнулись с рядом проблем²⁰¹, продемонстрировавших то, что за годы после распада СССР отечественные экономические позиции в Монголии не просто ослабли, но во многом были утрачены. В торгово-экономических отношениях с монгольским соседом Россия практически потеряла доступ к управлению экономической повесткой дня, оказавшейся в руках китайского, японского, американского бизнеса. Данные проблемы поставили перед российской и монгольской сторонами новую важную задачу, в целом соответствующую общей стратегической цели двух стран – приведение уровня торгово-экономических отношений в соответствии с достигнутым высоким уровнем политического взаимодействия.

2.2. Основные сферы российско-монгольского двустороннего взаимодействия

Наряду с определенной зависимостью между внешнеполитическими приоритетами руководителей РФ и Монголии, активностью их дипломатических контактов, не менее важным фактором (а, скорее всего, более важным), влияющим на динамику взаимоотношений, является состояние внешнеполитических ресурсов России и Монголии. Тем более, как показывает практика, высокая дипломатическая активность не всегда отображает реальное состояние дел в отношениях разных стран. Любые цели и задачи, связанные с развитием взаимного сотрудничества, не могут быть рассмотрены в отрыве от реальных возможностей для их осуществления. Как справедливо заметил российский монголовед М. И. Гольман, помимо личностных пристрастий глав государств и господствующих настроений в правящих элитах обеих стран, «причинами обвала наших отношений в начале 1990-х гг. стал глубокий политический и экономический кризис, который охватил тогда наши государства и был объективно связан с началом коренных преобразований наших обществ»²⁰²

²⁰¹ Подробнее об этом см. 2.2.

²⁰² Гольман М. И. Россия и Монголия после визита В. В. Путина // VIII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 года): Докл. российских ученых. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 22.

Для начала оговоримся, что под **внешнеполитическими ресурсами** мы будем понимать, следуя за А. Мальгиным, «совокупный потенциал страны, который, в конечном счете, может быть задействован во внешней политике в виде целенаправленных акций. Внешнеполитические ресурсы могут быть как материальными (территориальные, экономические, военные), так и нематериальными (морально-психологические, идеологические, информационные), а также включать в себя те элементы государственного устройства, политического режима, территориальной организации власти, которые оказывают непосредственное влияние на формирование и осуществление внешней политики страны»²⁰³ Исходя из такого понимания, можно утверждать, что ресурсная база российской внешней политики в отношении окружающего мира в целом и в отношении Монголии, в частности, в начале 1990-х гг. претерпела и продолжает претерпевать существенные изменения, которые выступают важными факторами динамики двусторонних отношений.

Российская Федерация, ставшая государством-правопреемником СССР, уже в силу значительного сокращения своего внешнеполитического потенциала объективно не могла играть той глобальной роли, которая принадлежала Советскому Союзу на международной арене. Сфера влияния Москвы в Европе и Азии значительно сократилась и фактически стала ограничиваться отдельными международно-политическими регионами «ближнего и среднего зарубежья». Географическое распределение зарубежных визитов отечественных политических лидеров в 1990-х гг. еще раз подтвердило, что Россия – теперь, скорее, евразийская держава, чем мировая²⁰⁴

Далее более детально рассмотрим последствия и основные результаты этих изменений, явившихся как следствием исчезновения социалистического содружества, так и итогом развития двух стран в 1990 – первой половине 2000-х гг. для различных сфер российско-монгольских двусторонних отношений.

²⁰³ Мальгин А. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. – 2001. – № 4. – С. 52.

²⁰⁴ Подробнее об этом: Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. – 2000. – № 3. – С. 42.

Политическая сфера представляет собой широкий спектр взаимоотношений между государственными и иными общественно-политическими структурами двух стран по основным вопросам и проблемам, существующим в отношениях между Россией и Монголией. Многие исследователи, в основном сторонники институционального подхода, изучая политические взаимоотношения между государствами, отводят важное место в этом процессе внутривнутриполитическим институтам и процедурам, способным оказать позитивное влияние на развитие этих взаимоотношений, либо, наоборот, привести к определенным осложнениям. Например, такие атрибуты современной демократической системы, как общественное мнение, конкуренция между политическими партиями и группами интересов, публичная состязательность и открытость процесса принятия политических решений, по их мнению, должны способствовать более взвешенным и лишенным крайностей внешнеполитическим шагам²⁰⁵

Принимая во внимание известные ограничения данных теоретических построений, учет роли политических систем стран в процессе взаимоотношений представляется актуальным и необходимым. Кардинальная трансформация политических институтов в России и Монголии в начале 1990-х гг. не могла не коснуться основ российско-монгольского межгосударственного взаимодействия. Общая демократизация (по крайней мере, на формальном уровне) так или иначе должна была повлечь за собой изменения в механизме распределения внешнеполитических функций между государственными ведомствами, корректировку процесса принятия внешнеполитических решений, повышение роли негосударственных политических акторов и общественного мнения и, в конечном итоге, отразиться на организационных ресурсах государств.

Одним из принципиально новых явлений в российско-монгольских межгосударственных отношениях стало исчезновение такого важного для эпохи социализма канала связи, как тесные *межпартийные контакты*, являвшиеся важной частью организационного ресур-

²⁰⁵ См., например: Кулагин В. Политические режимы и внешняя политика... – С. 137–151; Economic Interdependence and International Conflict: New Perspective on and Enduring Debate / E. D. Mansfield and B. M. Pollins (eds.). – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. – P. 6.

са внешней политики СССР и МНР. Организационный ресурс характеризует способность государства оказывать прямое влияние на принятие международных решений посредством участия в их выработке, а также через выдвижение идей, способных служить основой будущих решений. Этот ресурс определяется наличием разветвленной системы дипломатических связей и неформальных контактов, позволяющих получать и передавать инсайдерскую информацию, осуществлять лоббирование, вести переговоры по широкому кругу вопросов с разнообразными партнерами.

В начале 1990-х гг. во многом была утрачена налаженная в социалистический период система неформальных контактов между политическими элитами стран. Во-первых, роспуск КПСС в 1991 г., на которой была фактически целиком и полностью замкнута политическая система СССР, привел к разрушению прежнего реального механизма принятия внешнеполитических решений, взаимодействия Москвы на международной арене, прежде всего с идеологически близкими партиями различных государств. Во-вторых, межпартийные контакты, фактически совпадавшие с советско-монгольскими межгосударственными отношениями, были важным фактором внутривнутриполитической жизни МНР. Это влияние проявлялось в существовавшей связи между уровнем и характером личных доверительных отношений членов монгольской политической элиты с советскими лидерами и исходом внутривнутриполитической борьбы в Монголии. Так, во многом благосклонное отношение И. Сталина стало одной из причин возвышения Х. Чойбалсана в 1930-е гг., умение найти нужный подход к представителям партийной советской элиты способствовало успехам Ю. Цеденбала в его борьбе с соперниками по МНРП.

Ярким примером того, как советско-монгольские отношения становились фактором внутривнутриполитической борьбы в МНР, может служить эпизод, связанный с противостоянием Ю. Цеденбала и секретаря ЦК МНРП Д. Тумур-Очира. В 1962 г. в МНР состоялись празднования 800-летия со дня рождения Чингисхана, совпавшие по времени с аналогичными торжествами в КНР. 8 января 1963 г. в ходе внеочередной сессии МНРП, в работе которой приняла участие советская делегация во главе с секретарем ЦК КПСС Л. Ф. Ильичевым, Ю. Цеденбал подверг жестокой критике «китайских авантюристов и их пособников» (в их числе оказался Д. Тумур-Очир, один из главных ини-

циаторов празднований. — В. Р.), неверно превозносящих заслуги Чингисхана в истории». Сам Л. Ф. Ильичев в своей речи обвинил китайскую сторону в попытке исторического обоснования своих претензий на Монголию и территории советского Дальнего Востока путем возвеличивания фигуры Чингисхана как продолжателя китайских имперских традиций²⁰⁶ В целом в Советском Союзе в условиях обострившихся отношений с КНР чествования Чингисхана расценивались в качестве скрытой угрозы собственной территориальной целостности. В результате Д. Тумур-Очир, один из реальных претендентов на политическое первенство внутри МНРП и соперник Ю. Цеденбала, был объявлен «автором провокационной антисоветской пропаганды» (что в тех условиях означало его полную дискредитацию как политика и партийца) и вскоре снят со всех партийных и государственных должностей.

Кроме того, в социалистический период рядовые монгольские граждане, монгольское общество в целом практически не могли влиять на ход реальной политической борьбы в Монголии, протекавшей в форме противостояния кланов и различных групп внутри МНРП. Политическая связь между властью и обществом была односторонней — сверху вниз.

В изменившейся после 1991 г. ситуации новое руководство России и Монголии в процессе межгосударственного взаимодействия более не имело возможности использовать ресурс партийного канала связи. После конституционных реформ в Монголии, связанных с введением принципа разделения трех ветвей власти и выборности главы государства и парламента на альтернативной основе, процесс смены руководства страны стал носить демократический характер, исчезла зависимость результатов борьбы за власть от политических предпочтений Москвы. С началом демократических преобразований процесс борьбы за власть, включенный в конституционно-правовые рамки, во многом стал достоянием общественности, *более открытым и гласным*, обретая форму межпартийной конкуренции. В условиях освещения в СМИ многих аспектов переговорных процессов по различным проблемам, правительства стран были поставлены в ситуацию, при

²⁰⁶ Подробнее об этом см.: *Rahul R. Mongolia between China and Russia...* — Р. 659–665.

которой от них требовался более взвешенный и многосоставной подход к решению этих проблем.

Однако по ряду причин, связанных с известными трудностями начального этапа становления новых политических систем России и Монголии, эффективность двустороннего сотрудничества оказалась на низком уровне.

В результате конституционных реформ начала 1990-х гг. между Россией и Монголией возникли существенные различия в системе распределения внешнеполитических функций среди основных институтов государственной власти. Так, в Монголии, в отличие от РФ, формирование правительства страны (в том числе и входящих в него ведомств, отвечающих за внешнюю политику), утверждение программных документов в области внешней политики, согласно принятой в 1992 г. Конституции страны, является прерогативой национального парламента, а не президента²⁰⁷. Соответственно и внешнеполитическая роль ВГХ в формулировании и определении основных внешнеполитических положений оказалась значительно выше, чем Государственной думы РФ. По утверждению монгольского исследователя Г. Цацрал, «конституционный дизайн» Монголии, в целом отражающий парламентскую форму правления, обеспечивает большую значимость политических партий в политической системе страны²⁰⁸.

Вследствие стремительности и радикальности данных изменений и Москве, и Улан-Батору объективно было необходимо какое-то время для адаптации отношений друг с другом к новым условиям внутриполитического процесса.

Одним из основных источников, негативно отражавшимся на процессе становления и развития механизма политического взаимодействия между Россией и Монголией в 1990-е гг., была нестабильная внутриполитическая ситуация в обеих странах. Так, отсутствие необходимого опыта межпартийного взаимодействия, непримиримое отношение основных конкурирующих партий друг к другу привели к неустойчивости и внутреннему кризису партийной коалиции «Родина

²⁰⁷ Монгол Улсын Үндсэн Хууль (Конституция Монголии)... – С. 15.

²⁰⁸ Цацрал Г. Особенности формирования партий и партийных систем России и Монголии в условиях политической трансформации: Автореф. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. – М., 2006.

– Демократия», победившей на выборах в ВГХ в 1996 г. Это прямым образом отразилось на работе сформированного ею правительства, сменившего за период с 1996 по 2000 г. 5 премьер-министров (М. Энхсайхан, Ц. Элбегдорж, Ж. Наранцацралт, Н. Туяа (и. о. премьер-министра), Р. Амаржаргал). Аппарат правительства был занят в основном адаптацией к очередной смене премьер-министра и связанным с этим перестановкой глав министерств и ведомств. А это, в свою очередь, негативно сказывалось на процессе межгосударственного взаимодействия, тормозило принятие важных решений, в том числе по ключевым вопросам российско-монгольских отношений. Аналогичная внутривластная нестабильность была характерна и для России 1990-х гг. Практически перманентное острое противостояние между президентом и парламентом, вытекавшие из этого правительственные кризисы с частой сменой председателей правительства также являлись источником препятствий на пути развития устойчивых механизмов межгосударственного взаимодействия.

По мере стабилизации политических систем РФ и Монголии в начале 2000-х гг., а также в силу постепенной наработки за годы постсоциалистического развития новых дипломатических связей, в том числе на уровне личных взаимоотношений между главами государств и министерств, сотрудничество сторон в политической сфере в первую очередь в работе над разрешениями острых проблем, стало более плодотворным и эффективным.

Яркий пример зависимости процесса разрешения ключевых межгосударственных проблем от уровня наработки связей между руководством двух стран – это история развития вопроса о так называемом «большом долге». На рубеже 1980–1990-х гг. с изменением советской практики льготного кредитования монгольской экономики сумма задолженности Монголии перед СССР составила около 10 млрд. переводных рублей (условная денежная единица, действовавшая в рамках бывшего СЭВ), или около 11,6 млрд. долл. По размерам на душу населения страны данная задолженность выводила Монголию на одно из первых мест в мире.

Ряд обстоятельств, при которых образовался долг (в частности, большие проценты по советским кредитам, значительно увеличившие размер долга, особый характер политических отношений между странами), стали источником сомнений в корректности подобных его раз-

меров. Более того, не только размер долга, но и сама постановка вопроса о его возврате изначально вызвали в монгольском обществе крайнее неприятие. Отдельными монгольскими политиками и журналистами делались высказывания в том духе, что не Монголия должна Советскому Союзу, а, наоборот, Советский Союз Монголии. Именно неконструктивный подход монгольской стороны в самом начале 1990-х гг., враждебный настрой общественности Монголии, по мнению монгольского исследователя Д. Ганзорига, стал одной из главных причин неудачи переговорного процесса, в ходе которого было возможно списание советской стороной значительной части задолженности.²⁰⁹ Все это с самого начала придало данной проблеме *политический характер*.

Образование РФ, кадровые и организационные изменения привели к фактическому возвращению переговорного процесса на исходные позиции. Позиция Москвы в 1990-х гг., хотя и не настаивавшей на погашении всей суммы долга, не отличалась постоянством и должным вниманием к различным аспектам проблемы – неясностям в сроках выплаты и пересчетах переводных рублей в доллары США, масштабам самой задолженности. В целом дипломатическая пассивность России на монгольском направлении в этот период, разрушение прежнего механизма межгосударственного взаимодействия, основанного на межпартийных и личных связях глав государств, организационно-правовые проблемы привели к тому, что вопрос о возможных путях разрешения проблемы «большого долга» вплоть до начала 2000-х гг. оставался открытым. При этом главной проблемой было то обстоятельство, что полное погашение долга или же большей его части для монгольской экономики не представлялось возможным.²¹⁰

²⁰⁹ Об этом подробнее см.: Ганзориг Д. К вопросу об урегулировании задолженности Монголии перед Российской Федерацией // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 224.

²¹⁰ По мнению экспертов Международного валютного фонда, решение проблемы было затруднено в силу того, что его размер слишком велик, так как в 10 раз превышает стоимость годового валового продукта страны. (International Monetary Fund. Mongolia. – Staff Report for the 2002 Article IV Consultation. October 11, 2002. – Washington D. C.: International Monetary Fund, 2002. – P. 43).

Проблема была успешно разрешена в 2003 г., когда в результате интенсивных дипломатических контактов и переговоров между руководством стран (в частности, в ходе визита М. М. Касьянова в Монголию в 2002 г., визита премьер-министра Н. Энхбаяра в Россию в 2003 г.), а также работы соответствующих комиссий, основная часть задолженности была реструктурирована российской стороной (98 % долга было списано, а остаток – 250 млн. долл. выплачен монгольской стороной)²¹¹

Основными итогами разрешения столь серьезной проблемы в российско-монгольских отношениях стало улучшение их общего климата, увеличившаяся инвестиционная привлекательность Монголии, открывшиеся перспективы для сотрудничества сторон в сфере экономического взаимодействия, в частности, по вопросам совместного хозяйствования такими крупными промышленными предприятиями Монголии, как КОО «Эрдэнэт», КОО «Монголросцветмет», АО «Улан-Баторская железная дорога».

Таким образом, разрешение проблемы «большого долга» продемонстрировало, что и в новых политических условиях двусторонние отношения, связанные с ними текущие проблемы, продолжили быть важным фактором внутривнутриполитического процесса Монголии. Разница проявилась в изменившихся масштабах, характере и механизме его воздействия. Так, благоприятный исход решения проблемы «большого долга» для Монголии во многом стал причиной возросшей популярности среди населения одного из главных участников переговорного процесса, премьер-министра Н. Энхбаяра, не скрывавшего свои президентские амбиции. В ходе уточнения основных условий по реструктуризации М. Энхсайхан, один из лидеров оппозиционной правящей МНРП Демократической партии и главный соперник Н. Энхбаяра на президентских выборах 2005 г., инициировал создание парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с условиями списания долга и формами произведенных расчетов²¹² В результате парламентских проверок обвинения в кулуарном

²¹¹ Сообщение пресс-службы Президента России. 3 марта 2004 г. (<http://www.kremlin.ru>).

²¹² Эдрийн Сонин (Ежедневная газета). – 2005. – 7 марта.

сговоре политических руководств двух стран оказались беспочвенными. Во многом благодаря подобному разрешению ситуации, Н. Энхбаяр одержал убедительную победу на выборах в 2005 г. За него отдали голоса 53,5 % избирателей, за М. Энхсайхана – 20 %, за Д. Эрдэнэбата – 14 %, за Б. Жаргалсайхана – 11,5 % избирателей²¹³ В целом в условиях более демократических в сравнении с социалистическим периодом политических систем двух стран переговорный процесс между Москвой и Улан-Батором стал носить *более транспарентный для общества характер*.

Также в постсоциалистический период стало распространенным явлением открытое обсуждение многих существующих проблем, ранее подвергавшихся умолчанию. Например, начиная с 1960-х гг. монгольская сторона неоднократно обращалась в соответствующие советские, а затем в российские управления с просьбой получить материалы, связанные с монгольскими гражданами, репрессированными в СССР в 1930–1940-е гг. Однако только с началом периода демократических преобразований 1990-х гг. российская сторона пошла на полное открытие государственных архивов с целью выяснения судеб репрессированных монгольских граждан. Состоялось подписание главами двух государств совместного заявления об имевших место в бывших СССР и МНР политических репрессиях. Фактически признавалось, что ответственность за данные события лежала как на советской, так и на монгольской стороне. В марте 2001 г. в Москве на кладбище в Бутово был открыт обелиск в память 33 монгольских государственных и партийных деятелей – жертв репрессий 1930–1940-х гг.²¹⁴

Реакция России на эпидемии и массовый падеж скота, причинившие ущерб монгольскому животноводству в период с 1999 по 2002 г., способствовала улучшению двусторонних отношений. Российское правительство направило корма, вакцину для борьбы с эпидемией, деньги и оказало ветеринарную поддержку бедствующим скотоводам. К тому же, посланы семена для монгольских фермеров, бедствующим от отсутствия поддержки со стороны монгольского

²¹³ Новости Монголии. – 2005. – 27 июня.

²¹⁴ Гольман М. И. Россия и Монголия после визита В. В. Путина... – С. 25.

правительства²¹⁵ В 2007 г. российская сторона по просьбе монгольского правительства поставила в страну 40 тыс. т продовольственной пшеницы по внутрироссийским ценам²¹⁶

Все это объективно способствовало улучшению психологического фона отношений, лишило очередного повода для критики антироссийски настроенной части монгольских политиков и общественности в адрес Москвы. Проблемы, накопленные за долгие годы советско-монгольских отношений и во многом ставшие причинами охлаждения взаимных отношений и подъема русофобии в Монголии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., начали постепенно находить свои взаимоприемлемые решения. Сам *факт открытого признания обеими сторонами наличия нерешенных вопросов и проблем* стал залогом продуктивной работы над их решением.

Сфера военных отношений традиционно являлась важной составляющей советско-монгольских связей. Заключавшиеся между Москвой и Улан-Батором межгосударственные договоры (например, 1936, 1966 гг.) неизменно содержали в себе прямые военные гарантии со стороны Советского Союза. Само независимое существование Монголии в XX в. было возможно во многом благодаря советской военной поддержке. Так, в условиях конфронтации с КНР в 1960–1980-х гг. военный фактор играл ключевую роль в советско-монгольском сотрудничестве. Основными формами военного сотрудничества между странами были непосредственное присутствие военных частей СССР на территории Монголии, организация вооруженных сил МНР по советскому образцу, поставки вооружения, техническое содействие в модернизации вооружений и военной техники, подготовка военных специалистов. В частности, за период с начала 1960-х – до середины 1980-х гг. советская сторона на безвозмездной основе поставила в Монголию боевой техники и вооружений на сумму 343 млн. рублей, обеспечив полное оснащение монгольской армии самолетами МиГ-17 и МиГ-21, боевыми вертолетами, зенитно-ракетными и радиотехническими комплексами, средними танками и прочей техникой. В 14 военных академиях и 34 высших и средних учебных заведе-

²¹⁵ The Mongol Messenger. – 2001. – 21 мая.

²¹⁶ Официальный сайт Президента России (<http://www.kremlin.ru>).

ниях СССР было подготовлено около 3000 монгольских военных специалистов²¹⁷

С окончательной нормализацией отношений между Москвой и Пекином в 1989 г. (в этот год в ходе поездки М. С. Горбачева в Китай были подписаны документы о нормализации советско-китайских межгосударственных отношений) советско-монгольское военное сотрудничество в своем прежнем формате и объеме перестало быть актуальным. В 1992 г. после завершения вывода частей советских/российских вооруженных сил с территории Монголии, находившихся там по условиям Договора 1966 г., широкомасштабное военное сотрудничество между двумя странами было завершено. Ядром новой военной стратегии Улан-Батора стал пункт КНБ Монголии о «недопустимости размещения или перемещения по ее территории иностранных военных частей»²¹⁸ В ситуации отсутствия прямой военной угрозы Улан-Батор резко сократил расходы бюджета на оборонные нужды – с 5 % от ВВП и 10–15 % государственного бюджета в период советско-китайского противостояния до 2,9 и 7–9 % соответственно²¹⁹

Основными темами для обсуждения между Москвой и Улан-Батором в первой половине 1990-х гг. стали вопросы, связанные с юридическим и техническим оформлением завершившегося вывода российских войск и началом сотрудничества на новой основе. Например, по условиям Соглашения 1993 г. «Об урегулировании имущественных и финансовых вопросов, связанных с завершением пребывания и выводом войск Российской Федерации с территории Монголии» была предусмотрена продажа российских военных объектов, находящихся на территории Монголии, как российским, так и монгольским юридическим и физическим лицам. Часть объектов Россия обязалась передать монгольской стороне безвозмездно²²⁰ В 1993 г. перестали действовать 12 договоров и соглашений, с помощью которых решались

²¹⁷ Пурэвдорж Ч. Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: Сб. ст. – М.: РИСИ, 1998. – С. 53.

²¹⁸ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал // Дорно-Өрнө. – 1995. – № 1–2. – С. 8.

²¹⁹ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 110.

²²⁰ ИА «REGNUM». 18.01.2006.

вопросы размещения в Монголии советских войск. Главным документом, посвященным военной сфере новых российско-монгольских отношений, стало подписанное 27 апреля 1993 г. между правительствами РФ и Монголии Соглашение «О военно-техническом сотрудничестве»²²¹. В нем были отражены практически все формы военно-технического сотрудничества, характерные для социалистического периода, кроме присутствия российских военных частей на территории Монголии. Однако такой важный пункт, как поставка вооружений в начальный период отношений практически не осуществлялся, по данным Г. С. Яскиной, в 1991–1994 гг. из России в Монголию не поступило ни одной единицы боевой техники²²².

На протяжении последнего десятилетия снижалось количество обучающихся в российских вузах монгольских военных специалистов. По словам министра обороны Монголии Ж. Гуррагчаа, несмотря на большое желание монгольских офицеров учиться в России, у монгольской стороны не хватает финансовых средств для оплаты их обучения. В качестве главной причины сложившейся ситуации монгольский министр отметил преобладание рыночного характера отношений между странами, тормозящего более плодотворное сотрудничество в военной сфере²²³. В результате в 1990-е гг. произошло фактически полное свертывание большинства форм военного сотрудничества между странами.

Несмотря на серьезные изменения в международно-политической ситуации в регионе, отсутствие непосредственных военных угроз России и Монголии, военно-техническое взаимодействие по-прежнему остается очень важным направлением в сотрудничестве двух стран, которое следует рассматривать не только с позиций емкости монгольского рынка, но и государственной стратегии России. Так, одним из дополнительных импульсов развитию отношений в этой области стала наметившаяся во второй половине 1990-х гг. переори-

²²¹ Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о военно-техническом сотрудничестве (заключено в г. Улан-Баторе, 27.04.1993 г.) (<http://www.lawmix.ru>).

²²² Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 109.

²²³ Интервью министра обороны Монголии Ж. Гуррагчаа газете «Учительское образование». 01.07.2003 г.

ентация Монголии на военное сотрудничество с США²²⁴, а также усиление военного потенциала соседнего Китая.

Выводом военных отношений из ситуации застоя стала начавшаяся с 1997 г. практика подписания годовых планов сотрудничества военных ведомств²²⁵. В Улан-Баторской декларации 2000 г. была подчеркнута «важность восстановления военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров»²²⁶. Из-за отсутствия у Монголии финансовых возможностей закупать современное российское вооружение Москва стала постепенно возобновлять характерную для социалистического периода отношений практику безвозмездной передачи военной техники монгольской стороне. Первым практическим шагом в этом направлении стало заключенное в марте 2004 г. межправительственное Соглашение между двумя странами о военно-технической помощи со стороны России на безвозмездной основе. Хотя конкретная сумма помощи в документе не оговорена, но, по словам начальника управления Комитета РФ по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами В. Дзиркална, она «будет определена в соответствии с запросами монгольской стороны, которая подходит к этому вопросу очень разумно»²²⁷.

По данным РИА «Новости», в 2004–2006 гг. Россия передала монгольской стороне вооружений на общую сумму 5 млн. долл.²²⁸, хотя общий военный бюджет Монголии в этот период не превышал 20–25 млн. долл. в год. В начале 2008 г. достигнута договоренность о поставке из России двух военных вертолетов МИ-8МТ и М-24В²²⁹. Кроме того, во время визита главы российского правительства М. Е. Фрадкова в Улан-Батор летом 2006 г. российская сторона выразила намерение увеличить количество монгольских офицеров,

²²⁴ Об этом подробнее смотрите в 3.2.

²²⁵ Новая газета. – 1997. – 19 апреля.

²²⁶ Улан-Баторская декларация... – С. 516.

²²⁷ ИТАР-ТАСС. 03.03.2004.

²²⁸ РИА «Новости». 14.12.2006.

²²⁹ МОНЦАМЭ. 06.02.2008.

обучающихся в военных вузах России на безвозмездной основе²³⁰ В ноябре 2008 г. впервые за постсоциалистическую историю отношений между двумя странами на территории Монголии по инициативе монгольской стороны были проведены совместные армейские полевые учения под кодовым названием «Дархан-1»²³¹

В свою очередь, важным обстоятельством, поддерживающим заинтересованность Улан-Батора в военном сотрудничестве с Москвой, является сохраняющаяся военно-техническая зависимость Монголии от РФ – большая часть военной техники страны до сих пор советская и для ее эксплуатации и обслуживания нужны специалисты и соответствующее техническое оснащение. К 2004 г. на вооружении Монголии находилось 650 танков советского производства, 770 бронемашин различного назначения, около 800 артиллерийских систем, свыше 20 боевых самолетов и вертолетов, порядка 400 стационарных и переносных комплексов ПВО²³² Перед своим визитом в Россию премьер-министр Монголии С. Баяр сказал в интервью ИТАР-ТАСС, что «между нашими странами возобновляется военное и военно-техническое сотрудничество. В модернизации и обновлении Вооруженных сил главным партнером для Монголии является Россия, и мы крайне заинтересованы в дальнейшем развитии этого сотрудничества и в продолжении подготовки военных кадров в РФ»²³³

Экономическая сфера. На протяжении практически всего социалистического периода СССР – это ключевой экономический партнер МНР. На северного соседа приходилась львиная доля всей внешней торговли МНР – около 78 % в 1990 г.²³⁴ В 1960–1970-е гг. советский импорт составлял свыше 95 % всего импорта МНР²³⁵ Советская сторона была главным инвестором в промышленный, транспортный, строительный секторы монгольской экономики, в том числе за счет

²³⁰ РИА «Новости». 10.07.2006.

²³¹ Зууны Мэдээ. – 2008. – 26 ноября.

²³² ИТАР-ТАСС. 03.03.2004.

²³³ МОНЦАМЭ. 10.04.2008.

²³⁴ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл (Статистический сборник Монголии). – Улаанбаатар, 2000. – С. 177.

²³⁵ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 91.

льготных кредитов. В 1989 г. суммарный объем безвозмездной помощи и кредитов, полученных от СССР и других стран-членов СЭВ, приблизительно равнялся 35 % ВВП страны²³⁶. Весь объем внешней помощи и кредитов рассматривался в качестве источника дохода государственного бюджета. Подобные тесные торгово-хозяйственные связи СССР с МНР были вызваны тремя основными причинами:

1. Режим наибольшего благоприятствования, существовавший в системе торгово-экономических связей СССР и МНР.

2. Схожесть хозяйственно-экономических систем СССР и МНР, обеспечивавшая строгую координацию государственных планов двух стран при ведении торгового обмена.

3. Союзнический характер политических взаимоотношений Москвы и Улан-Батора, который внешнеэкономическими методами ограничивал влияние внешних по отношению к советско-монгольским связям факторов. Третьи страны не могли серьезно поколебать экономические позиции СССР в Монголии. Даже вступление МНР в СЭВ, во многом рассчитанное на определенную диверсификацию ее внешней торговли и расширение круга торговых партнеров, не привело к заметному изменению ситуации.

С началом экономических реформ произошла резкая смена тренда в экономических отношениях стран. Системный кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг. в России и Монголии прямым образом повлиял на уровень торгово-хозяйственных связей двух стран. Резкое сокращение промышленного производства в России и Монголии (только в промышленном секторе Монголии спад составил 21,4 % в 1993 г.²³⁷), инфляция национальных валют, разрыв многих сформированных в социалистический период экономических связей прямым образом сказались на объемах товарооборота между странами. В результате экономический коллапс начала 1990-х гг. привел к падению объемов торговли между странами – с 1233,7 млн. долл. (78 % – доля России во внешней торговле Монголии) в 1990 г. до 198 млн. долл. (самая низкая точка падения торгового объема между странами в

²³⁶ Лхагва С. Либерализация цен и развитие рынков в Монголии... – С. 17.

²³⁷ Гербова А. Процесс становления нового общества Монголии... – С. 9.

постсоциалистический период) (22,7 %) в 1999 г.²³⁸ Кроме того, была прекращена практика льготного кредитования и безвозмездной финансовой помощи со стороны России, большинство российских инвестиционных проектов было свернуто.

Сокращение объема торгово-экономических отношений между странами протекало на фоне постепенной переориентации Монголии по ряду своих экономических сфер на иные страны. Уменьшение российской доли во внешнем товарообороте Монголии произошло и за счет подключения в качестве новых торговых партнеров Китая, Японии, Южной Кореи, ряда западных стран. Уже в 1995 г. доля России составила 31,2 %²³⁹

В 1990-е гг. российское экономическое присутствие в Монголии стремительно уменьшалось, в основном ограничиваясь доставшимися еще с социалистического периода совместными российско-монгольскими предприятиями – КОО «Эрдэнэт» (49 % акций принадлежит РФ), КОО «Монголросцветмет» (49 % акций – РФ), АО «Улан-Баторская железная дорога» (50 % акций – РФ). Доля этих предприятий в 1990-е – начале 2000-х гг. составляла около 20 % ВВП Монголии и свыше половины ее экспортной продукции²⁴⁰

Однако даже этот оплот российско-монгольских экономических отношений в 1990-е гг. подвергся определенной проверке на прочность. В условиях рыночных отношений актуализировалась проблема совместного хозяйствования данными предприятиями, в частности, ГОК «Эрдэнэт». Начиная с 1990 г. российский импорт меди, основного продукта, производимого комбинатом, неуклонно снижался, что сказывалось на рентабельности предприятия. Кроме того, довольно остро в этот период встала проблема неэффективного управления комбинатом и случаев коррупции среди его руководства²⁴¹ Вокруг процесса приватизации российской и монгольской доли акций возникло множество спекуляций и околоскриминальных явлений²⁴², ярко

²³⁸ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл... – С. 177.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ РИА «Новости». 08.12.2006.

²⁴¹ МОНЦАМЭ. 19.07.1999.

²⁴² ИТАР-ТАСС. 23.02.1999; Ведомости. – 2002. – 18 декабря.

характеризовавших общую ситуацию хаоса, царившего в российско-монгольских отношениях 1990-х гг. В этих условиях произошла политизация проблемы, когда монгольская сторона в рамках стратегии по уходу из сферы российского влияния выступила с инициативой о передаче комбината в ее полную собственность или по крайней мере увеличения собственной доли. Тем более что в декабре 2002 г. истек срок действия прежнего российско-монгольского межправительственного соглашения о деятельности предприятия.

Лишь с началом 2000-х гг. Россия предприняла ряд шагов в сторону укрепления своих позиций в этом вопросе. Только в 2003 г. российские и монгольские представители трижды встречались для того, чтобы прояснить ситуацию с собственниками и правами на «Эрдэнэт»²⁴³. В результате в июле 2003 г. подписано новое соглашение сроком на пять лет с последующим автоматическим продлением, которое подтвердило обладание Россией 49 % акций предприятия²⁴⁴.

Следует согласиться с Г. С. Яскиной в том, что «уровень внешне-экономических связей между РФ и Монголией к началу 2000-х гг. фактически соответствовал уровню и темпам развития их национальных экономик, отражающих специфику переходного периода на данном этапе»²⁴⁵. Поэтому наметившийся на рубеже веков экономический рост российской и монгольской экономик позволил сначала остановить снижение общего объема российско-монгольской торговли, а затем постепенно наращивать его. С 2000 г. товарооборот между двумя странами неизменно растет. В 2004 г. – 362,5 млн. долл., в 2005 г. – 445,1 млн. долл., в 2006 г. – 590,1 млн. долл., в 2007 г. – 789,4 млн. долл. В таблице показан товарооборот между двумя странами с 1990 по 2007 г.

²⁴³ E-mail Daily News. Mongolia (EDM). 23.04.2003.

²⁴⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о деятельности монголо-российской компании с ограниченной ответственностью «Предприятие Эрдэнэт», 1 июля 2003 г. (<http://www.businesspravo.ru>).

²⁴⁵ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 139.

Внешнеторговый оборот монголо-российской торговли, млн. долл. США

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Торговый баланс
1990	517,5	716,2	1233,7	-198,7
1995	68,9	208,0	276,9	-139,1
1999	48,2	149,8	198,0	-101,6
2000	45,1	206,2	251,3	-161,1
2001	43,8	221,1	264,9	-177,3
2002	43,5	224,6	268,1	-181,1
2003	37,5	256,9	294,4	-219,4
2004	20,6	341,9	362,5	-321,3
2005	27,2	417,9	445,1	-390,7
2006	44,7	545,4	590,1	-500,7
2007	57,3	732,1	789,4	-674,8

Составлена по: Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2000 (Статистический сборник Монголии). – Улаанбаатар, 2000. – С. 177; Монголын гадаад худалдааны тойм (2006 оны эцсийн байдлаар) (Обзор внешней торговли Монголии (по состоянию на 2006 год). Монгольская национальная торгово-промышленная палата). – Улаанбаатар: Монголын үндэсний худалдаа аж үйлдвэрийн танхим, 2007. – С. 7–12; Статистик мэдээ: гадаад худалдаа 2003–2007 онд. Монгол Улсын Үйлдвэр худалдааны яам (Статистический вестник: внешняя торговля в 2003–2007 гг. Министерство промышленности и торговли Монголии) (<http://www.mit.pmis.gov>).

Подписанная в декабре 2006 г. во время визита монгольского Президента Н. Энхбаяра в Москву Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг. своей целью обозначила обеспечение условий для наращивания масштабного сотрудничества в экономической сфере и доведения к 2010 г. объема взаимной торговли до уровня 1 млрд. долл. за счет внедрения российского капитала в перспективные сферы монгольской экономики, дальнейшего расширения регионального и приграничного сотрудничества²⁴⁶ Фактически стороны выразили намерение достичь уровня двусторонней торговли, характерного для последних лет со-

²⁴⁶ Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг. (<http://mongolia.mid.ru>).

циалистического периода. Кроме того, на совместной пресс-конференции по окончании переговоров со своим монгольским коллегой, В. В. Путин заявил, что при создании необходимых условий для развития инвестиционной деятельности в Монголии российские инвестиции в монгольскую экономику могут достичь 5 млрд. долл.²⁴⁷

В то же время произошедшие в постсоциалистическую эпоху существенные изменения в системе российско-монгольских торгово-экономических отношений вносят свои коррективы в стратегии и планы сторон.

Первое. Под влиянием новых внутри- и внешнеэкономических условий развития кардинально *изменилась торгово-экономическая политика* государств в отношении друг друга. С одной стороны, существуют высокие железнодорожные пошлины для российских товаров, идущих транзитом через Монголию (нефть, металлы), что сказывается на их конечной цене. С другой, Россия в рамках политики по защите отечественного производителя увеличила транспортные сборы и таможенные пошлины на большинство ввозимых монгольских товаров, в результате чего первоначальная цена на них возрастает в 2–2,5 раза. Это, в свою очередь, становится одной из основных причин значительного снижения импорта традиционных монгольских товаров в РФ (мясной продукции, кожаных и меховых изделий, медного концентрата и молибдена)²⁴⁸ и порождает значительный дисбаланс в торговле между странами: 7,2 % монгольского экспорта в РФ против 92,8 % российского в 2007 г.²⁴⁹

Кроме того, проблема недостаточных объемов ввоза монгольского мяса в Россию, остающаяся одной из центральных в текущей повестке российско-монгольских торгово-экономических отношений, во многом вызвана упадком системы ветеринарных служб Монголии, частыми эпидемиями инфекционных заболеваний скота и отсутствием должного кормового обеспечения. Соответственно снижаются объемы экспорта, ухудшается общее отношение потенциальных покупателей к качеству монгольской мясной продукции²⁵⁰

²⁴⁷ Заявление для прессы по окончании российско-монгольских переговоров на высшем уровне (<http://www.kremlin.ru>).

²⁴⁸ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 128.

²⁴⁹ Статистик мэдээ: гадаад худалдаа (<http://www.mit.pmis.gov.mn>).

²⁵⁰ Одрийн Сонин (Ежедневная газета). – 2005. – 17 марта.

Проблема отрицательного торгового баланса Монголии в отношениях со своим северным соседом имела место и в социалистический период и обусловлена рядом объективных (высокие мировые цены на советские товары, менее широкая номенклатура монгольских экспортных товаров, относительно низкое их качество) и субъективных (искусственно заниженные цены на монгольский экспорт) факторов. Однако размеры дисбаланса не были столь большими, это во многом результат созданного советской стороной в рамках союзнических отношений режима наибольшего благоприятствования для монгольских товаров, а также практика предоставления Советским Союзом безвозмездной помощи на покрытие разницы в ценах на импортные и экспортные товары.

Обеспокоенность монгольской стороны проблемой отрицательного сальдо в торговле с Россией вполне очевидна, неоднократно озвучивалась ее официальными представителями²⁵¹ Торговый дисбаланс – источник дефицита бюджета страны со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Кроме того, монгольская сторона не желает находиться в полной зависимости от российского экспорта (главным образом, нефтепродуктов).

Для России одной из главных проблем в торговле с Монголией – это преимущественно сырьевая направленность ее экспорта. В сравнении с социалистическим периодом значительно сузилась структура его товарного ассортимента в сторону увеличения удельного веса товаров сырьевого характера – нефти, нефтепродуктов, составивших в 2006 г. более половины всего российского экспорта²⁵² Рост товарооборота в 2000-х гг. происходит в основном за счет роста объемов поставок нефтепродуктов из России в Монголию. В результате стоимостные объемы поставок нефти и нефтепродуктов сильно зависят от конъюнктуры цен на мировых рынках, и снижение последних способно отрицательно сказаться на динамике двустороннего товарооборота.

²⁵¹ См., например: интервью главы МИД Монголии Л. Эрдэнэчулууна (Независимая газета. – 2002. – 25 марта); интервью премьер-министра Монголии С. Баяра (МОНЦАМЭ. 10.04.2008).

²⁵² Монголын гадаад худалдааны тойм... – С. 12–13.

Таким образом, главными задачами сторон в ближайшей перспективе будут, во-первых, увеличение объемов двусторонней торговли путем нахождения оптимального баланса между интересами национальных производителей и потребностью в интенсификации российско-монгольской торговли, во-вторых, расширение номенклатуры российских и монгольских товаров, увеличение доли сырьевого экспорта. В частности, существует значительный потенциал для увеличения поставок из России в Монголию продуктов машиностроения, технического оборудования, продуктов сельского хозяйства (продовольственной пшеницы), развития отношений в банковской сфере, энергетике, туризме; Монголия со своей стороны способна гораздо в большем объеме поставлять в Россию продукты животноводства, продукцию текстильной промышленности.

Второе. Помимо государства и его органов, активными участниками российско-монгольских экономических отношений стали коммерческие *негосударственные акторы* – частные компании, индивидуальные предприниматели, чья деятельность является серьезным фактором, влияющим на российско-монгольские отношения. Частные компании, в отличие от государства, не могут выступать в качестве единого субъекта экономической политики страны, а их интересы не всегда совпадают с государственными. Соответственно процесс выработки и реализации экономической стратегии государства в сравнении с социалистическим периодом стал носить более сложный многокомпонентный характер.

Одним из примеров несовпадения и даже противоречия, возникшего между государственными и частными интересами, служит ситуация, сложившаяся в начале 2000-х гг. вокруг проекта проведения нефтепровода из России в Китай. Нефтяная компания «ЮКОС», в недавнем прошлом монопольный поставщик нефтепродуктов из России в Монголию и через ее территорию в Китай по железной дороге, чтобы интенсифицировать товарные потоки своей продукции активно лоббировала проведение нефтепровода от Ангарска на Пекин или Дацин через монгольскую территорию. Данный маршрут был самым выгодным с точки зрения экономической рентабельности, так как значительно сокращал временные и материальные расходы на строительство нефтепровода. Однако он вступал в противоречие с национальными интересами России, ибо предполагал, во-первых, фактиче-

скую замкнутость российских нефтепроводов в Восточной Азии на КНР и ставил РФ в зависимость от своего китайского соседа, во-вторых, не отвечал такому важному принципу российской энергетической политики, как минимизация зависимости от транзита через третьи страны. По ряду причин этот проект был закрыт, однако ситуация, возникшая вокруг него, нанесла значительный ущерб имиджу России и российского бизнеса как надежного делового партнера.

Политика Москвы, направленная на упорядочение внешнеэкономической деятельности крупных отечественных компаний и приведение ее в соответствии с национально-государственными интересами, постепенно стала давать определенные результаты.

Наиболее значимыми мероприятиями последних лет, инициированными российским правительством для продвижения интересов отечественного бизнеса в Монголии, стали: первая Монгольско-российская деловая встреча по развитию бизнес-инициатив (25–29 сентября 2005 г., г. Улан-Батор), 12-е заседание Российско-монгольской межправительственной комиссии, визит М. Е. Фрадкова в Монголию в июне 2006 г., визит Н. Энхбаяра в Россию в декабре 2006 г. и, наконец, Монголо-российский деловой форум (декабрь 2007 г., г. Улан-Батор). *

Заметную активизацию в середине 2000-х гг. на монгольском рынке таких российских экономических гигантов, как «Северсталь-ресурс», «Базовый элемент», «Ренова», «Норильский никель», «Газпромбанк», заинтересованных как в освоении новых, так и в развитии традиционных ниш монгольской экономики – «Эрдэнэт», «Монгол-росцветмет», «Улан-Баторская железная дорога», вызвал, в первую очередь, стремительный рост экономики соседней с Монголией КНР, для которой в 2010–2015 гг., по прогнозам специалистов, понадобится импорт более половины потребляемой нефти и иных энергоносителей²⁵³, регулярное снабжение медью, молибденом, ураном, залежи которых в большом количестве представлены в Монголии. Во многом

²⁵³ Попов С. П. Существующее состояние и тенденции развития нефтяной и газовой промышленности стран Восточной Азии. – Иркутск, 2002. – С. 20.

с учетом этого обстоятельства, «Базовый элемент», «Северсталь-ресурс» и «Ренова» создали совместный консорциум по разработке крупнейшего монгольского угольного месторождения Таван Толгой²⁵⁴; в планы «Базового элемента» и «Ренова», открывших в 2006 г. свои представительства в Улан-Баторе²⁵⁵, входит освоение урановых месторождений на территории Монголии²⁵⁶; «Газпромбанк» и «Норильский никель» проявляют интерес к инвестированию капиталов в «Эрдэнэт»²⁵⁷. Кроме того, в начале 2008 г. по инициативе российской стороны создана рабочая группа для решения вопроса о модернизации Улан-Баторской железной дороги²⁵⁸.

Необходимо отметить, что активизация торгово-экономических отношений Монголии с Россией находит положительный отклик среди монгольского населения. Согласно данным социологического опроса, проведенного в 2007 г. Улан-Баторским центром изучения общественного мнения «Сант Марал Фонд», 65 % респондентов выступают за участие России в разработке крупнейших месторождений угля и меди Таван Толгой и Оюу Толгой, 41 % – позитивно оценили российское политическое и экономическое влияние на монгольскую экономику при 48,2 % затруднившихся с ответом²⁵⁹.

Однако, как показали события последних лет, перспективы крупного российского бизнеса в Монголии не являются столь радужными, как это могло показаться на первый взгляд. В частности, в ходе визита в 2006 г. в Монголию М. Е. Фрадкова выяснилось, что монгольское руководство готово предоставить российским компаниям только 10 % в проекте по разработке угольного месторождения Таван Толгой²⁶⁰.

²⁵⁴ РИА «Новости». 25.02.2008.

²⁵⁵ <http://www.mid.ru>.

²⁵⁶ Протокол 12-го заседаний Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Протокол от 8 июля 2006 г.

²⁵⁷ <http://www.smoney.ru>.

²⁵⁸ МОНЦАМЭ. 03.03.2008.

²⁵⁹ Железняков А. С. Социологийн судалгааны дүн (Результаты социологического исследования) // Умард хөрш (Северный сосед). – 2007. – № 11. – С. 6–7.

²⁶⁰ Ведомости. – 2006. – 11 декабря.

Не менее серьезные трудности возникли у другой российской компании – «Полиметалл», рассчитывающей на участие в разработке монгольского месторождения серебра Асгат. Несмотря на заключенное в ходе визита в Россию Н. Энхбаяра соответствующее соглашение между «Полиметаллом» и монголо-российским КОО «Монголросцветмет», монгольский суд по инициативе группы членов ВГХ в конце 2007 г. лишил «Монголросцветмет» лицензии на разработку Асгата, что привело к фактическому расторжению сделки²⁶¹. Хотя по объективным причинам – трансграничное расположение Асгата (часть его залежей расположена на российской территории) к российской границе, проведенная российской стороной геологоразведка – сотрудничество именно с российской стороной самое выгодное для Монголии²⁶².

Крупные российские компании, в последние годы широко рекламировавшие свои планы по освоению монгольского рынка, столкнулись с рядом проблем – нормативно-законодательного, технического, переговорно-дипломатического характеров. В этом отчасти обнаружилась пресловутая «болезнь роста» российского бизнеса, который, сделав первый шаг и понадеявшись на собственные финансовые ресурсы, зачастую отстывает, сталкиваясь с проблемами коммуникации, эффективностью добычи сырья, со спецификой местной деловой и политической культуры; отчасти сказалось влияние старой советской традиции относиться к Монголии как «не совсем» за границе и соответствующий уровень осведомленности о стране, завышенные требования к монгольским партнерам. Очевиден недостаток навыков у российского бизнеса для работы на современном монгольском рынке, имеет место низкий уровень взаимодействия бизнеса, дипломатии и научного экспертного сообщества.

Кроме того, проблемы, с которыми столкнулся российский бизнес в Монголии, продемонстрировали, что достигнутый за последние годы высокий уровень политического взаимодействия между Москвой и Улан-Батором отнюдь не означает автоматического «зеленого коридора» для российского бизнеса в этой стране. Данный аспект проблемы связан с **третьим** серьезным изменением в российско-мон-

²⁶¹ Ulaanbaatar Post (UB). 24.01.2008.

²⁶² Монголия сегодня. – 2008. – 21 января.

гольских экономических отношениях – *отсутствие прямой связи между уровнем политического сотрудничества и экономическими предпочтениями для российской стороны на монгольском рынке*. Наличие нескольких реальных центров силы в политической системе Монголии – политических партий и финансово-экономических групп влияния, в том числе иностранных (китайских, японских, американских), – серьезный сдерживающий фактор продвижения российских экономических интересов в Монголии, требует от отечественного бизнеса более фундаментального подхода, учитывающего специфику политической культуры современной Монголии и связанные с ней особенности деловых отношений.

Сфера гуманитарных взаимоотношений. Наряду с такими традиционными сферами межгосударственных отношений, как политическая, военная и экономическая, относящиеся к «жестким» аспектам лидерства, не менее значимой остается сфера культурно-информационного взаимодействия России и Монголии. Такой признанный лидер мировой политики, как США, уже давно успешно освоил данную сферу «мягкого» влияния, используя идеологию, науку и культуру в качестве действенных инструментов осуществления собственно внешнеполитического влияния на другие страны мира²⁶³

Главной составляющей «мягкого» влияния того или иного государства является эффективное *информационное сопровождение* его внешнеполитической деятельности, чего постсоциалистической России зачастую не хватает. Многие дружественные акции со стороны России в отношении Монголии (реструктуризация монгольской задолженности, содействие в поиске информации о репрессированных гражданах Монголии, предоставление бюджетных мест для студентов в вузах России и др.) до последнего времени оставались мало отмеченными в общественном сознании монгольского населения. Поэтому существует насущная потребность в грамотной PR-политике РФ в отношениях с Монголией. Подписанное в 2006 г. в ходе визита Н. Энхбаяра в Москву Соглашение между ИТАР-ТАСС и монгольским телеграфным агентством МОНЦАМЭ о сотрудничестве в области информации стало значительным шагом в сторону восстановления российского информационного присутствия в Монголии²⁶⁴

²⁶³ Nye J. Soft Power... – P. 61–73.

²⁶⁴ <http://zabinfo.ru>.

Непременное условие для формирования «мягкого» лидерства России в отношениях с Монголией – это культурное влияние, способствующее духовной близости российского и монгольского народов, их взаимопониманию и доверию. Именно культура (как «высокая» – наука, образование, так и «массовая» – музыка, кино, телевидение) – ключевой столп «мягкой» силы государства в отношениях с другими странами и народами.

В социалистический период научно-культурное сотрудничество между СССР и МНР являлось значимым каналом укрепления союзнических отношений. При непосредственном содействии Советского Союза Монголия сумела создать собственную научно-техническую базу, систему среднего и высшего образования, здравоохранения, подготовить национальные кадры ученых и специалистов в различных высокотехнологических областях. По словам монгольского политолога К. Дэмбэрэла, «СССР был своеобразным «Западом» для Монголии, то есть западная цивилизация проникла в Монголию в XX веке при помощи (посредничестве) СССР»²⁶⁵ По мнению многих российских и монгольских ученых, успешному освоению Монголией многих элементов западной культуры способствовало длительное сотрудничество с Россией, подготовившее для этого почву²⁶⁶ Социокультурные связи были важным каналом информационного сопровождения советской внешней политики в отношении МНР. Посредством научно-культурных, гуманитарных связей сформировался позитивный образ Советского Союза, его народа. Хотя основной акцент в советско-монгольских отношениях делался на военной, политической и экономической сферах, использование методов «мягкого» влияния также было частью внешнеполитического инструментария Москвы.

С началом кризиса советско-монгольских отношений интенсивность сотрудничества между странами в научно-культурной сфере,

²⁶⁵ Дэмбэрэл К. Влияние международной среды... – С. 8.

²⁶⁶ Бойкова Е. В. К вопросу о культурном взаимодействии России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 года. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 63; Яскина Г. С. Западная цивилизация и азиатские реалии: опыт Монголии // Там же. – С. 40; Академич Базарын Шырендыв. – Улаанбаатар, 1997. – С. 127.

как и во всех прочих сферах двусторонних отношений, была значительно снижена. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. отмечены ростом антироссийских/антисоветских русофобских настроений в Монголии. Отзыв из Монголии советских технических специалистов, осуществленный по настоянию монгольского руководства, стал во многом реакцией на подобные националистические настроения в монгольском обществе²⁶⁷. Последовавшие за этим сокращение научных и культурных связей и контактов, сужение сферы изучения и использования русского языка привели к уменьшению информационного поля, способного формировать положительный образ России и ее граждан²⁶⁸.

В атмосфере накопившегося за годы социалистического периода конфликтного потенциала в отношениях между странами советское/российское культурное влияние стало восприниматься в качестве части советской «колониальной политики» в отношении Монголии. Нередко попытки сознательного дистанцирования от любых атрибутов собственного социалистического прошлого, становившиеся частью государственной политики, являлись по существу действиями по отторжению культурного влияния России.

Так, одним из первых требований оппозиционных МНРП движений стала замена кириллического письма, введенного в МНР 1941 г. на старомонгольскую письменность (монгол бичиг). Хотя идея о возврате к старомонгольскому письму выдвинута самим руководством МНРП еще в середине 1980-х гг. и была призвана стать одним из признаков перестройки и обновления в Монголии, в политических программах оппозиционеров она превратилась в «символ искажения и вмешательства в монгольскую культуру со стороны Советов», окончательно получив политическую окраску. Как указывает К. Каплонски, данное требование возникло несмотря на то, что большинство населения страны, так же, как и многие лидеры оппозиции (например, С. Зориг, Б.-Э. Батбаяр, Ц. Элбегдорж, получившие образование в СССР и странах Восточной Европы), не владели старомонгольским письмом²⁶⁹.

²⁶⁷ Гольман М. И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке... – С. 266.

²⁶⁸ Об этом подробнее см.: Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия...

²⁶⁹ Kaplonski C. Reconstructing Mongolian Nationalism... – P. 349.

В первые годы постсоциалистического периода данная идея была лозунгом различных политических партий и сил, требовавших немедленного перехода страны на старомонгольскую письменность²⁷⁰ Так, весной 1995 г. Великий государственный хурал, несмотря на протесты ряда монгольских ученых в области филологии и языкознания²⁷¹, принял разработанную правительством «Национальную программу монгольской письменности», предусматривающую всеобщий переход на старомонгольскую письменность к 2005 г. и отказ от кириллического письма как «шаг к утраченному культурному наследию»²⁷² Однако в 2005 г. в Монголии всеобщего перехода на старомонгольскую графику не произошло, и вряд ли данный переход прогнозируем в ближайшем будущем. Сегодня старомонгольское письмо используется на общенациональных торжествах и мероприятиях, в официальных государственных документах и надписях, но письменностью повседневности и делового общения оно так и не стало.

Начиная с середины 1990-х гг. по мере ухудшения социально-экономической ситуации в стране, снижения уровня жизни населения, качества медицинского обслуживания, роста смертности и социальных болезней и других проблем большинством монголов были восстребованы иные слои исторической памяти, связанные с воспоминаниями по более благополучным условиям жизни в социалистическом прошлом. По словам американского политолога М. Россابي, «суровые времена реформ 1990-х гг. вызвали среди монгольского населения ностальгию по советским временам, более стабильным и благополучным»²⁷³ Россия стала вновь рассматриваться на массовом уровне в качестве желательного внешнеполитического партнера. Результаты

²⁷⁰ Бойкова Е. В. Проблема перехода на старомонгольскую письменность в Монголии: политический аспект // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 13.

²⁷¹ См., например: Лувсандэндэв А. О судьбах монгольского языка // Проблемы Дальнего Востока. – 1992. – № 5. – С. 64–67.

²⁷² Гольман М. И. По пути демократических реформ // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 7. – С. 43.

²⁷³ Rossabi M. Modern Mongolia... – P. 206.

социологических опросов последних лет ставят Россию на первое место в списке наиболее благожелательно воспринимаемых населением Монголии. Так, согласно данным социологического опроса, проведенного «Сант Марал Фондом» в 2003 г., наиболее доброжелательным внешним партнером названа Россия, у которой оказалось примерно вдвое больше голосов, чем у США, затем шли Япония и Китай²⁷⁴. В том числе произошла обратная переоценка роли советского/российского культурного влияния на Монголию в XX в.

На рубеже веков оживились научные и культурные контакты между двумя странами. В июле 2002 г. подписана «Программа сотрудничества Правительства РФ и Правительства Монголии в области науки и культуры на 2003–2006 гг.»²⁷⁵. В ходе московской встречи президентов двух стран в 2006 г. подписана программа сотрудничества между Российским федеральным агентством по культуре и кинематографии (Российская Федерация) и Министерством образования, науки и культуры Монголии на 2006–2008 гг.²⁷⁶. После многолетнего перерыва ежегодно стали проводиться Дни монгольской культуры в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России, а Дни российской культуры – в Улан-Баторе, Дархане, Эрдэнэте²⁷⁷. Примером наибольших подвижек в области образования является решение российской стороны об увеличении квот на обучение в российских вузах за счет федерального бюджета до 200 монгольских студентов (треть всей квоты, предоставляемой странам Азии)²⁷⁸. Около 800 монгольских студентов обучаются в России и 500 – в улан-баторских филиалах российских вузов (МЭИ, Восточно-Сибирский ГТУ, Бурятский ГУ, Кемеровский ГУ, РЭА им. Г. В. Плеханова)²⁷⁹.

5 декабря 2006 г. подписан Меморандум о сотрудничестве между Сибирским отделением РАН и Монгольской академией наук²⁸⁰. В

²⁷⁴ The New York Times. – 2004. – 9 июля.

²⁷⁵ Джагаева О. А. Россия и Монголия... – С. 58.

²⁷⁶ <http://zabinfo.ru>.

²⁷⁷ Джагаева О. Россия и Монголии... – С. 56–59.

²⁷⁸ EDN. 11.11.2003.

²⁷⁹ О российско-монгольском культурном и научном сотрудничестве (<http://www.mid.ru>).

²⁸⁰ <http://www.newslab.ru>.

российской внешней политике на монгольском направлении в последние годы все активнее делается упор на развитие прямых контактов с монгольской аудиторией посредством системы обменов, научных и образовательных грантов, стипендий, позволяющих монгольским гражданам личнознакомиться с Россией.

Знаковым событием в сфере культурных взаимоотношений стран стало принятие в 2006 г. правительством решения о введении обязательного изучения русского языка в средних общеобразовательных школах Монголии, начиная с 7 класса²⁸¹. Фактически произошло восстановление статуса русского языка в системе монгольского образования, до 1990 г. изучавшегося во всех средних школах МНР. Подобное решение не стало неожиданным и случайным выбором монгольского руководства. Согласно данным социологического опроса «Сант Марал Фонда», хорошую и удовлетворительную оценку своим знаниям русского языка дали свыше половины респондентов – 50,1 % (13,3 % – хорошую, 36,8 % – удовлетворительную). Еще 21,6 % оценили свои знания русского языка как слабые. То есть почти 3/4 столичных жителей знают в той или иной мере русский язык. И, что самое важное, 93,3 % респондентов выступают за преподавание русского языка в средних школах Монголии, 98,5 % – за обучение монгольских студентов в России²⁸².

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что данный шаг монгольского руководства был продиктован не только (скорее всего, и не столько) конъюнктурными внешнеполитическими соображениями, но и объективными потребностями монгольского общества в сфере образования, деловой и духовной культуры. Кроме того, как отметила профессор Г. С. Яскина, «интерес к организованному обучению русскому языку, подтвержденный на высоком государственном уровне в Монголии – это не что иное, как выражение доверия и приязни со стороны Монголии к России»²⁸³. В условиях отсутствия каких-либо

²⁸¹ Өнөөдөр (Сегодня). – 2007. – 2 апреля.

²⁸² Железняков А. С. Социологийн судалгааны дүн... – С. 6–7.

²⁸³ Яскина Г. С. О новых перспективах внешнеэкономической стратегии Монголии на российском направлении // Материалы научно-практической конференции «Россия – Монголия: развитие социально-экономического сотрудничества двух стран», 11 мая 2007 года. – М.: РАГС, 2007. – С. 49.

искусственных препятствий для культурных контактов с любой из стран мира возрождение интереса к русской (российской) культуре со стороны монголов на рубеже XX–XXI вв. является свидетельством *естественности, непринужденности* этого интереса, тяготения монгольского народа к культурным контактам со своим северным соседом.

* * *

Подводя итог, можно выделить ряд основных черт и тенденций в процессе становления и развития межгосударственного уровня российско-монгольских отношений в постсоциалистическую эпоху.

Во-первых, по мере осознания значимости для национально-государственных интересов активной политики на монгольском направлении Россия вновь проявила свою готовность играть роль активной стороны, лидера в отношениях с Монголией. В российской внешней политике на смену в целом пассивной тактике стали приходиться решения, основанные на долгосрочных стратегических интересах в отношениях с Монголией, свойственные великой державе. Примерами этому может служить реструктуризация «большого долга» Монголии, возобновление практики предоставления Монголии на безвозмездной основе военной техники и подготовки ее специалистов, обучение монгольских студентов в российских вузах за счет российской стороны. В отличие от социалистического периода российское лидерство для Монголии теперь представлено в «мягкой» форме, не ограничивая рамками союзнических отношений сферу внешнеполитического маневра Улан-Батора.

Во-вторых, в рамках новой модели российско-монгольских отношений существующие противоречия стали находить свое разрешение не столько через взаимную изоляцию, умолчание спорных вопросов или же односторонних решений более сильного партнера, сколько путем открытого диалога и саморегулирования комплекса отношений, в котором общие выгоды от сотрудничества уравнивают потенциал разногласий. Одной из существенных предпосылок для данной модели отношений стала демократизация внутриполитических систем России и Монголии. Придание большей публичности дипломатии, ежедневное направленное освещение внешнеполитических акций России в отношении Монголии способствовали становлению России в качестве «мягкого» лидера.

Глава 3. Новые измерения современных взаимоотношений двух стран

3.1. Пригранично-региональный уровень

В последнее десятилетие XX в. под влиянием процессов регионализации стремительно возросла роль пригранично-регионального уровня отношений соседствующих стран. Помимо государств на этом уровне заметное участие стали принимать индивиды, частные коммерческие предприятия, региональные политические и экономические элиты, национально-культурные движения и другие негосударственные группы. Многообразие участников и каналов взаимодействия между ними превращают государство из монопольного субъекта международного общения лишь в одного из многих (пусть и наиболее значимого).

Кроме того, сама по себе огромная протяженность границы (к настоящему моменту российско-монгольская граница занимает третье место по своей протяженности (3485 км) после российско-казахстанской и российско-китайской) делает обеспечение ее безопасности и использование потенциала для развития приграничного сотрудничества долгосрочной стратегической задачей для обеих сторон. Любая корректировка стратегии пограничной политики способна привести к серьезным изменениям геополитической ситуации, далеко выходящим за рамки двусторонних отношений между Россией и Монголией. По этим причинам при исследовании современных российско-монгольских отношений необходимо уделить отдельное внимание их пригранично-региональному уровню.

На фоне существенного пространственно-географического сужения РФ в результате отделения от нее бывших союзных республик в начале 1990-х гг. на российских дальневосточных рубежах, в том числе и зоне российско-монгольских границ, никаких территориальных сдвигов не произошло. Последствия распада СССР не отразились на протяженности и общем состоянии российско-монгольской границы. Как следствие, Россия не столкнулась со многими проблемами обустройства границы, которые появились между ней и новыми независимыми государствами – определением и международно-правовым закреплением линий государственных границ, первичным инженерным

обустройством участков границы и мест дислокации пограничных войск и др. Территориально-географический фактор по-прежнему занимает значительное место в отношениях Москвы и Улан-Батора. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что с произошедшими трансформациями внутри обеих стран не могли не появиться изменения политических, экономических, социальных, культурно-исторических характеристик границы. Функциональная нагрузка границы и приграничных регионов приобрела новые качества. По этой причине будет вполне справедливо говорить о «новой старой» российско-монгольской границе.

При описании функционального назначения любой государственной границы, как правило, выделяют две наиболее значимые составляющие – *барьерность* и *контактность*. Первая заключается в наличии различного рода препятствий для трансграничных потоков, вторая подразумевает режим сообщения с сопредельными территориями, благоприятный для взаимовыгодных экономических, культурных и других связей²⁸⁴

Советским руководством государственная граница рассматривалась прежде всего в качестве военно-политического рубежа, линии, ограждающей советское общество от внешнего, таящего в себе многие угрозы, мира. В политике Кремля господствовало *традиционное понимание* роли государственной границы в обеспечении безопасности. Во-первых, это предотвращение военной угрозы – пограничные районы становятся милитаризованными зонами особого режима, в которых главный приоритет – боеготовность соединений, готовых отразить нападение потенциального противника. Во-вторых, одна из главных задач при таком подходе – возможно более полный контроль любых трансграничных потоков. В-третьих, государственные органы пытаются предусмотреть любые возможности осложнения ситуации и подготовиться к принятию ответных мер. В-четвертых, обеспечением безопасности государства занимается только государство²⁸⁵ В ре-

²⁸⁴ Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ Российской Федерации / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. – М.; Волгоград: НОФМО, 2002. – С. 322.

²⁸⁵ Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. – 2003. – № 3. – С. 52.

зультате, *барьерность* выступала в качестве доминирующей характеристики советской границы.

В силу ряда причин советско-монгольская граница, несмотря на ее формальный статус межгосударственной, качественно отличалась от границ СССР с другими зарубежными государствами Азии. Особые геополитические интересы Москвы относительно монгольской территории и связанная с этим дислокация советских военных частей на монголо-китайской границе, тесные социально-экономические связи двух стран являлись основаниями для интенсивного межграничного взаимодействия.

Сравнительно с другими участками советской границы степень ее охраняемости была невысокой, имело место относительно свободное перемещение граждан через границу (в социалистический период между двумя странами отсутствовала визовая система). В силу включенности МНР в советскую сферу влияния реальная геополитическая граница СССР в этом регионе проходила гораздо южнее советско-монгольской официальной границы, на которую в полном объеме не распространялась традиционная модель контроля над ней.

Даже на психологическом обыденном уровне МНР воспринималась как «не вполне заграница». Как отмечает В. И. Дятлов, «реальный статус Монголии в социалистический период, ее положение в системе межгосударственных взаимоотношений не давали населению приграничных советских сибирских регионов ощущения приграничности, не формировали соответствующей психологии и не создавали каких-либо значимых специфических проблем»²⁸⁶ *Высокая степень контактности*, как другая не менее важная характеристика границы, была присуща советско-монгольской границе.

В то же время любое межграничное взаимодействие, начиная от простых граждан и заканчивая региональными административными и хозяйственными субъектами, было полностью подконтрольно политическим центрам. Данная ситуация, на наш взгляд, – производная от общей советской и монгольской мобилизационной модели государственно-политического и социально-экономического развития, в кото-

²⁸⁶ Стабильность и конфликт в российском приграничье. Сибирь и Кавказ / Сост. А. Д. Богатуров, В. И. Дятлов и др. – М.: НОФМО, 2005. – С. 35.

рой любые элементы территориально-политической организации общества, местного самоуправления рассматривались исключительно как элементы управления, а не как самостоятельные субъекты общественного развития. Хозяйственные единицы были не более чем частями единого, функционировавшего по государственному плану механизма, интересы приграничных регионов не могли быть нетождественными общегосударственным интересам. Таким образом, высокая степень контактности советско-монгольской границы поддерживалась *исключительно государственными структурами* двух стран, межграницное взаимодействие было лишь механическим продолжением межгосударственного уровня связей.

Структурные трансформации в СССР и МНР прямым образом повлияли на приграничные регионы и механизмы приграничного взаимодействия. Одной из сторон политической и экономической либерализации в России стал процесс федерализации страны, расширение круга участников внешнеэкономической деятельности за счет подключения негосударственных коммерческих структур. Существенные изменения в системе отношений «центр – регионы» выразились в децентрализации государственного управления, расширении прав и свобод территориальных субъектов в политической и экономической сферах, в том числе и на уровне международных связей. Данные процессы повлекли за собой усложнение регионального и, в частности, приграничного (как части регионального) уровня российской государственной политики.

Трансформация роли старой территориально не изменившейся границы с Монголией привела к появлению новых и актуализации прежних проблем политического, экономического, социокультурного характеров. Это было свойственно и для Монголии, с той лишь разницей, что по своему территориальному устройству она осталась унитарной, хотя права аймаков в политической и экономической сферах расширились.

Новый правовой режим в области приграничных отношений был определен рядом двусторонних межгосударственных договоров и соглашений, а также соглашениями между отдельными субъектами РФ и аймаками Монголии. Центральное место в них занимают: Соглашения «О пограничных пунктах пропуска и упрощенном сообщении

через российско-монгольскую границу» от 1994 г.; «О сотрудничестве по пограничным вопросам» от 1995 г.; подписанное в ходе визита В. В. Путина в Монголию 13–14 ноября 2000 г. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии».

В ходе московского визита в 2006 г. Н. Энхбаяра подписан важный межправительственный документ – Договор между РФ и Монголией «О режиме российско-монгольской государственной границы», обновивший значительную часть нормативно-правовых основ приграничного сотрудничества. В настоящее время действует более десяти соглашений между субъектами РФ Сибирского федерального округа и органами власти аймаков Монголии²⁸⁷

В мае 1997 г. создана российско-монгольская подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в компетенцию которой входит разработка межправительственных соглашений о приграничном сотрудничестве, совместной охране от пожаров в приграничных районах, создании совместных предприятий и принятие важных решений по реализации поставленных задач²⁸⁸. С целью ускорения решений многих вопросов местного масштаба в 1990-е гг. открыты монгольские генеральные консульства в Улан-Удэ, Кызыле, Кемерово; российские консульства в городах Дархан и Эрдэнэт.

В целом делегация федеральным центром регионам ряда полномочий в политической, экономической сферах в решении насущных приграничных вопросов была рассчитана на интенсификацию межграничного взаимодействия. Однако недостаточная финансовая база регионов, неурегулированность сфер полномочий федеральных и региональных властей, а также организационно-управленческая некомпетентность части руководящего состава ряда субъектов РФ являются отрицательными сторонами подобной децентрализации системы

²⁸⁷ <http://www.allmedia.ru>.

²⁸⁸ <http://www.mid.ru>.

управления, нередко представителям федеральных властей приходится вмешиваться в ситуацию для решения возникших проблем²⁸⁹

Помимо институционально-правовых механизмов важную роль в контактности российско-монгольской границы сыграло расширение количества погранично-пропускных пунктов (ППП). В настоящий момент на границе действует более 30 ППП. Значительная часть расположена в Бурятии и Забайкальском крае, граничащих с северными и восточными аймаками Монголии. По мнению специалистов, уровень обустройства и пропускная способность большинства российско-монгольских ППП крайне неудовлетворительна²⁹⁰. Соответственно увеличение товарных и людских потоков через границу определяет одно из основных направлений работ пограничных служб – строительство новых и улучшение инфраструктуры существующих ППП, тренинг персонала, усовершенствование таможенных операций, поддержка развития местных телекоммуникаций и электрических станций. В планах сторон обустройство в будущем примерно 40 ППП с целью расширения пропускной способности российско-монгольской границы.

В условиях, с одной стороны, получения регионами РФ и Монголии широких возможностей для развития международного сотрудничества, а с другой, резкого сокращения их финансирования из государственных центров, приграничное торгово-экономическое взаимодействие приобрело более рациональный прагматический характер, стало основываться на соображениях экономической рентабельности²⁹¹. На практике это выразилось в *увеличении удельного веса пря-*

²⁸⁹ Так, наиболее распространенными случаями федерального вмешательства при разрешении пограничных проблем являются борьба со стихийными бедствиями (пожарами, наводнениями), периодически возникающими волнами эпидемических заболеваний скота, о которых республиканские власти узнают от федеральных служб (Номер один. – 2008. – 16 января).

²⁹⁰ *Altantsetseg N. Russian-Mongolian and Sino-Mongolian Relations since 1990s* // Олон улсын харилцаа. – 2003. – № 2. – С. 70.

²⁹¹ Хотя еще в 1980-е гг. активизировались прямые торгово-экономические связи между регионами двух стран, нередко география этих связей была нерациональна. К примеру, заключались договора между Ворошиловградским автобусным и Улан-Баторским авторемонтными заводами, Обуховским

мого пригранично-регионального взаимодействия в российско-монгольских отношениях, в первую очередь в торгово-экономической сфере. Начиная с середины 1990-х гг. на долю Сибирского региона приходится свыше 70 % внешнеторгового оборота между Россией и Монголией и 80 % российского экспорта в Монголию. Основу экспорта Сибири в Монголию составляют нефтепродукты, электроэнергия, предметы технического оборудования. Более 90 % сибирского импорта из Монголии приходится на мясо и мясопродукты²⁹²

Географическая близость и исторически сложившаяся комплементарность хозяйственных комплексов (многие, построенные в социалистический период, сибирские промышленные предприятия были ориентированы на переработку поставляемого из Монголии сырья), опыт многолетнего сотрудничества, приверженность монгольских граждан относительно дешевым, но качественным товарам широкого потребления российского производства служат объективным основанием для развития приграничных и межрегиональных связей двух стран.

Известный советский ученый, дипломат, исследователь Монголии и монгольского рынка И. М. Майский еще в начале XX в. высоко оценивал роль и потенциал сибирского региона в торговле с Монголией²⁹³. В частности, для монгольской экономики, в структуре которой животноводство всегда составляло значительную часть (на данный момент занимает около 80 % совокупного выпуска сельскохозяйственной продукции²⁹⁴), близкорасположенные российские регионы являются самими выгодными рынками сбыта мясной продукции.

Именно по этим причинам наиболее логичным выглядит сегодняшнее сотрудничество между пограничными или близкорасполо-

ковровым объединением и ковровым комбинатом в Эрдэнэте. (Коногоров Н. М. Современное состояние и перспективы развития российско-монгольских торгово-экономических отношений: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. – М., 1999.)

²⁹² <http://www.allmedia.ru>.

²⁹³ Майский И. М. Монголия накануне революции. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1959. – С. 173–189.

²⁹⁴ Монголын гадаад худалдааны тойм (2006 оны эцсийн байдлаар)... – С. 13.

женными Алтайским краем, Тывой и западными аймаками Монголии (Баян-Ульгийского, Кобдоского и Увснурского), удаленными от промышленных центров севера Монголии; Бурятией, Иркутской областью и Дарханским, Селенгинским аймаками; Читинской областью и Восточным (Дорнод) аймаком²⁹⁵ Бизнес-структуры в регионах Сибири проявляют интерес к кооперационному и инвестиционному сотрудничеству с партнерами в Монголии. Так, золотодобывающая тувинская артель «Ойна» проводит геолого-разведочные и поисковые работы по определению месторождений золота и минералов в Завханском и Увснурском аймаках Монголии; иркутские компании участвуют в программе вывода на проектную мощность Дарханского металлургического комбината²⁹⁶; алтайские предприятия «Алейскзернопродукт», рубцовский «Мельник», ОАО «ПАВА» поставляют в западные аймаки Монголии продовольственные товары²⁹⁷; Читинская область и Восточный аймак (Дорнод) сотрудничают в строительстве линий электропередач из России в Монголию²⁹⁸

В ходе визита Президента Бурятии В. В. Наговицына в Монголию в январе 2008 г. достигнута договоренность о ремонте подвижного состава Улан-Баторской железной дороги на локомотивовогоремонтном заводе в Улан-Удэ, а также о возобновлении сотрудничества по поставкам живого скота из Монголии в РФ, что принципиально важно для загрузки мощностей мясоперерабатывающей промышленности Бурятии²⁹⁹ Также к одному из приоритетных направлений сотрудничества относится сфера туризма (в частности, в районе озер Байкал (Россия) и Хубсугул (Монголия), Алтайского региона), в развитии которого активно заинтересованы как монгольские бизнесмены, так и деловые круги Бурятии, Иркутской области, Республики Алтай³⁰⁰

²⁹⁵ Монгол-Оросын харилцаа... – С. 146–171.

²⁹⁶ <http://www.allmedia.ru>.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ <http://www.finmarket.ru>.

²⁹⁹ ИТАР-ТАСС. 24.01.2008.

³⁰⁰ ИА «REGNUM». 17.08.2006; ИРА «Восток-Телеинформ». 10.04.2008.

Учитывая неблагоприятное социально-экономическое положение многих приграничных регионов двух стран³⁰¹, приграничье выступает необходимым средством для поддержания жизненного уровня и просто физического выживания многих слоев его населения по обе стороны границы. Так, в начале 1990-х гг., когда у обеих сторон практически отсутствовала свободно конвертируемая валюта и резко сократились экспортные запасы, бартерная приграничная торговля стала главной формой экономических связей³⁰². Так называемая «челночная торговля» является механизмом самозанятости населения, а наличие межграничного рынка обеспечивает работой и средствами к существованию жителей населенных пунктов регионов. Любое ужесточение режима пересечения границы приводит к замедлению взаимодействия между населением, возникновению огромных очередей и «пробок» на ППП и, как следствие, социальным волнениям. Примером этому может служить акция протеста монгольских водителей микроавтобусов, перекрывших в апреле 2006 г. дорогу на ППП «Кяхта – Алтанбулаг» в ответ на ужесточившиеся правила проезда через границу – российская сторона запретила перевоз товаров на микроавтобусах, что стало ощутимым ударом по главному источнику существования владельцев этих микроавтобусов³⁰³.

* Наряду с внутренними причинами увеличения удельного веса приграничного взаимодействия, не менее важными были и внешние. С исчезновением в регионе конфронтационного противостояния между блоком СССР – МНР и КНР и дальнейшим открытием государственных границ для потока товаров у приграничных монгольских и российских территорий появилась фактически новая функциональная

³⁰¹ Например, в Республике Тыва доходы на душу населения в 2007 г. составили 5770 рублей при свыше 14 тыс. в среднем по России (ИА «REGNUM». 13.03.2008); Республика Бурятия в 2005 г. занимала 83-е место среди всех субъектов РФ по уровню социально-экономического развития (Июмер один. – 2005. – 13 июля); такие монгольские аймаки, как Баян-Ульгийский, Увснурский, Дорнод значительно отстают по уровню социально-экономического развития от Улан-Батора (Монгол-Оросын харилцаа... – С. 118–172).

³⁰² Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 130.

³⁰³ ИА «REGNUM». 09.04.2006.

нагрузка – *транзитная трансграничная торговля*. Основными видами российских товаров, перевозимых через территорию Монголии железнодорожным и автотранспортным путем в Китай, являются нефтепродукты, древесина, цветной металл. В обратном направлении следуют в основном продукты легкой промышленности, автомобили³⁰⁴

В этом смысле российская территория для Монголии и монгольская территория для России – это важные торгово-транспортные и коммуникационные узлы, связывающие страны со многими регионами мира. Транзитная трансграничная торговля открывает широкие перспективы для реализации возможностей приграничных регионов, чьи материальные и пространственные ресурсы могут быть ориентированы не только на достаточно узкие внутренние рынки, но и рынки стран Северо-Восточной Азии. Например, Бурятия и Монголия имеют хороший шанс заметно ускорить свое экономическое развитие за счет создания более короткого, по сравнению с действующими, транспортного коридора из Европы в Северо-Восточную Азию через ППП «Наушки – Сухэ-Батор» и «Кяхта – Алтанбулаг» на Улан-Батор и далее через пункт пропуска «Эрлянь» (КНР) на Пекин. По предварительным оценкам, создание на территории Иркутской области 15 транспортно-логистических центров общей стоимостью в 535 млн. долл. и суммарной мощностью грузопереработки 6750 тыс. т в год может обеспечить за десятилетний период интегральный экономический эффект в размере 1340 млн. долл.³⁰⁵

Таким образом, начиная с 1990-х гг. по-новому актуализировалась *контактная* характеристика границы. Качественные изменения произошли как за счет расширения круга негосударственных участников международного взаимодействия, так и по причине новой пространственно-географической конфигурации трансграничных связей. Пограничное положение регионов стало фактором для их реального

³⁰⁴ Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 325–326.

³⁰⁵ Прокофьева Т. А. Стратегические аспекты развития транспортно-логистической инфраструктуры и формирования коммуникационно-транспортного кластера в Республике Бурятия // Научно-практическая конференция «Россия – Монголия: развитие социально-экономического сотрудничества двух стран», 11 мая 2007 года. – М.: РАГС, 2007. – С. 68.

и/или потенциального социально-экономического развития. Если роль Монголии в качестве торгового партнера России относительно невелика (ее удельный вес во всей российской внешней торговле никогда не превышал 1–2 %), то в торговле с приграничными российскими регионами монгольская сторона является значимым игроком.

Наряду с очевидными выгодами, получаемыми регионами от торгово-экономического сотрудничества с соседней страной, существуют и сопряженные с этим определенные риски. С началом российского экономического кризиса и связанного с ним свертывания федерального финансирования региональных социальных программ актуализировалась *проблема пространственной оторванности* азиатских регионов России от ее центра. Специфика природно-климатических, демографических и транспортно-коммуникационных условий и, как следствие, современной хозяйственной деятельности большинства сибирских и дальневосточных субъектов РФ, имеющих сухопутную границу с зарубежными государствами, заключается в том, что они в большинстве случаев удалены от рынка европейской части России, но приближены к более развитым рынкам соседних стран. В этом свете многие общегосударственные стандарты в сфере международной торговли (высокие заградительные пошлины и тарифы, устанавливаемые федеральным центром в целях защиты многих секторов отечественной экономики от конкуренции со стороны более дешевой иностранной продукции) нередко становятся препятствием для экономического развития приграничных регионов.

В то же время расширение прямых торгово-экономических связей и увеличение экономического присутствия этих стран (прежде всего Китая) в зауральской части России в перспективе может стать (или, по крайней мере, рассматриваться в качестве такового) потенциалом для усиления иностранного политического влияния на отдаленные от центра территории страны. В результате принцип «чистого рыночного саморегулирования» отношений между европейскими и дальневосточными регионами РФ входит в противоречие с интересами сохранения России как единого государства и по ряду параметров может наносить ущерб ее национальной безопасности.

В случае с Монголией данная проблема проявляется в том, что по причине более либеральной торговой политики правительства (что является условием членства Монголии в ВТО начиная с 1997 г.), мон-

гольская территория выступает в качестве транзитного пространства для дешевой и нередко более качественной продукции промышленно развитых стран Северо-Восточной Азии в Россию. По мнению Минэкономразвития России, если российская сторона сделает исключение в тарифном списке, то под биркой «сделано в Монголии» начнут поступать товары из других стран³⁰⁶

Проблема несовпадения интересов федерального центра и регионов азиатской части России помимо объективных факторов содержит в себе и ряд субъективных. Например, по мнению экспертов, в России действует не самая удачная система распределения мясных квот³⁰⁷. Одна из возможных причин этого лежит в лоббистской деятельности торговых компаний европейской части России, занимающихся ввозом продукции из кожи и мяса из европейских стран и Турции и незаинтересованных в продвижении на российский рынок монгольских конкурентных более дешевых товаров.

Сосредоточение сибирских традиционных рынков сбыта монгольской продукции в руках крупных монополистов (нередко напрямую связанных с федеральными и местными органами власти), диктующих ценовую политику и не пускающих на этот рынок новых участников, – это существенное препятствие на пути увеличения объемов пригранично-региональной торговли³⁰⁸.

Деятельность созданной для решения комплекса данных проблем рабочей группы по либерализации взаимной торговли Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству пока не дала ощутимых результатов.

Еще одним серьезным препятствием на пути развития регионально-приграничного торгово-экономического сотрудничества является наличие визового режима в отношениях между Россией и Монголией. По мере увеличивающегося с каждым годом делового и культурного общения в свете открывающихся перспектив развития туристического бизнеса визовый режим становится все более сдерживающим факто-

³⁰⁶ <http://www.centrasia.ru>.

³⁰⁷ Эксперт. – 2007. – 17 декабря.

³⁰⁸ Ардын эрх (Право народа). – 2005. – 17 сентября; Өдрийн Сонин. – 2005. – 2 марта.

ром, отнимающим много времени и сил. В ходе последних встреч представители российского и монгольского руководства пришли к принципиальному пониманию необходимости возврата к безвизовому режиму для взаимных поездок граждан³⁰⁹

По мнению специалистов, отсутствие у России разработанной на государственном уровне концепции пригранично-регионального сотрудничества с Монголией не позволяет более продуктивно взаимодействовать на данном уровне³¹⁰. Именно он может и должен стать «локомотивом» развития российско-монгольских торгово-экономических отношений. Во-первых, активизация мелкого и среднего бизнеса, развитие регионально-приграничных связей несут в себе полезные экономические, социальные культурные функции, тесные контакты с местным населением. По словам известного отечественного монголоведа Г. С. Яскиной, «в силу монгольского менталитета, местное население при прочих равных условиях сделает выбор скорее в пользу российского предпринимателя, а не китайского»³¹¹. Во-вторых, повышение жизненного уровня населения приграничных российских и монгольских регионов напрямую связано с перспективами взаимовыгодного развития российско-монгольских отношений.

В 2001 г. завершена масштабная работа по проверке линии прохождения государственной границы, по итогам которой обе стороны подтвердили, что не имеют территориальных и иных претензий, связанных с прохождением линии государственной границы и обозначением ее на местности³¹². Между тем в сфере пограничных отношений Россия и Монголия сталкиваются с определенными проблемами, об-

³⁰⁹ См., например: Заявления для прессы по окончании российско-монгольских переговоров на высшем уровне, Москва, 8 декабря 2006 г. (<http://www.kremlin.ru>; ИА «REGNUM». 13.03.2007).

³¹⁰ Яскина Г. С. О новых аспектах внешнеэкономической стратегии Монголии на российском направлении // Научно-практическая конференция «Россия – Монголия: развитие социально-экономического сотрудничества двух стран», 11 мая 2007 года. – М.: РАГС, 2007. – С. 50.

³¹¹ Там же. – С. 51.

³¹² О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об утверждении документов, составленных по результатам проверки российско-монгольской государственной границы, выполненной в 1987–2001 гг. (<http://www.businesspravo.ru>).

ладающими значительным конфликтным потенциалом. Так, весьма острыми являются проблемы, связанные с контролем государственных органов за трансграничными передвижениями. С началом экономических и политических реформ 1990-х гг. участились случаи незаконного пересечения российско-монгольской границы и криминальной деятельности на отдельных ее участках. На сегодняшний день РФ граничит с Монголией 4 своими субъектами – Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва и Забайкальский край. Наиболее проблемным считается тувинский участок российско-монгольской границы, где главная угроза – высокий уровень преступности (в форме угона скота), незаконный оборот наркотиков и трансграничная контрабанда.

Хотя данная проблема существовала еще в советские времена³¹³, качественный рост подобного рода преступлений был отмечен именно в 1990-е гг. За несколько лет фактически бесконтрольной приграничной деятельности населения по обе стороны границы трансграничная преступность стала системным явлением, что нередко приводило к различного рода эксцессам. Известный английский антрополог К. Хэмфри описывает ситуацию, когда «однажды на границе Монголии и Тувы, где угоны крупного рогатого скота совершаются постоянно, чтобы вернуть свою скотину, прибегли к захвату заложников»³¹⁴

Как отметил в интервью журналистам директор Федеральной пограничной службы России генерал-полковник К. Тоцкий по итогам своего рабочего визита в Тыву в 2003 г., тувинский участок российско-монгольской границы «один из самых беспокойных и проблемных». По словам генерала, на участке границы протяженностью 1305 км фиксируется множество нарушений³¹⁵. В 1996–2002 гг. пограничниками задерживалось по 123–127 нарушителей в год, причем граждан Монголии в несколько раз меньше, чем граждан России. Из

³¹³ Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. – М.: Наука, 2004. – С. 173.

³¹⁴ Хэмфри К. Поездка к Авгай-Хад, или Воровство и общественное доверие в посткоммунистической Монголии // Вестник Евразии. – 1995. – № 1. – С. 72.

³¹⁵ РИА «Новости». 19.02.2003.

идеологический аспект заслонял собой, а нередко подменял экономический.

С началом проведения административной реформы в марте 2000 г. федеральному центру во многом удалось восстановить свой пошатнувшийся авторитет во внутренней и внешней политике и добиться корректировки отдельными субъектами федерации своих стратегий в отношении с внешним миром. Общая политическая и экономическая стабилизация в стране временно сняла с повестки дня проблему разбалансированности отношений центра с регионами, изъяла проблему «двойной дипломатии» из российско-монгольских отношений. Нынешнее руководство граничащих с Монголией или близко расположенных с ней субъектов делает акцент на социально-экономические и научно-культурные связи с соседним государством, координируя свою деятельность с центральным правительством.

Характерное для большинства граничащих с Монголией российских субъектов этнокультурное разнообразие, слабо проявлявшее себя в рамках советской системы (зачастую из-за административного давления), с началом общих трансформационных процессов стало постепенно всплывать и актуализироваться. Общность границ с Монголией во многом стимулирует этот процесс, *выводит его за рамки внутренних проблем России.*

По словам Л. В. Вардомского, «граница с Монголией не является пороговым культурным рубежом, поскольку Бурятия и Тува близки к монголо-ламаистской культурной системе»³²⁹ Как следствие, возникло представление, в том числе в научной среде, об *угрозе ирредентизма* близких к монголам в культурно-историческом плане бурят и тувинцев³³⁰ Нередким явлением стало проведение исторических параллелей между лозунгами современных этнорадикалов в данных республиках и идеями и символами панмонголистского движения первой трети XX в., политическим наполнением которого была цель –

³²⁹ Вардомский Л. В. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. – 2000. – № 2. – С. 139.

³³⁰ Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы / Рук. авт. кол. чл.-кор. РАН Г. И. Чуфрин. – М., 1994. – С. 34–35; К вопросу о концепции восточной политики России / Рук. авт. кол. академик РАН А. М. Хазанов. – М., 1995. – С. 14–15.

объединить в рамках единого государства все монголоязычные и близкие им по культуре народы.

В первой половине 1990-х гг., когда распад РФ рассматривался как вполне реальная и недалекая перспектива, расхожим было представление о том, что этот процесс в азиатской части страны начнется с отделения Тывы. В пользу этой позиции приводилась совокупность нескольких факторов: окраинное, отдаленное от основных транспортных путей месторасположение республики, глубокий даже на фоне соседних российских регионов социально-экономический кризис, острота межэтнических конфликтов, малый стаж нахождения в составе СССР/России, а также особые отношения с Монголией, которая некогда была политико-культурным «патроном» Тывы и крайне неохотно приняла акт вхождения последней в состав СССР³³¹. Не такой вероятной воспринималась возможность распространения ирредентистских настроений в Бурятии, также находившейся в тяжелом социально-экономическом положении и состоящей в этнокультурном родстве с Монголией.

Непосредственным проявлением этих тенденций явилось появление и легализация в обеих республиках политических сил, ставивших вопрос об отделении Тывы и Бурятии от России. Например, лидеры Народного фронта «Хостуг Тыва» (Свободная Тува) требовали проведения референдума в республике о ее независимости от России³³². Созданное в 1992 г. в Бурятии общественное движение «Нэгэдэл» (Единство) в своих программных документах выступало за выход Бурятии (с Усть-Ордынским и Агинским Бурятскими автономными округами) из состава РФ, консолидацию монголоязычных народов и создание Центрально-Азиатской федерации, в которую, кроме Бурятии и Монголии, должны были войти Тыва, Калмыкия и два автономных района КНР³³³. Возникшие представления о возможности, а главное, необходимости политического объединения «всех монгольских

³³¹ Об этом см., например: Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы... – С. 119.

³³² Там же. – С. 187.

³³³ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие и самоопределение. – М., 2000. – С. 308.

народов» были во многом реакцией части национальной интеллигенции республик на текущую кризисную ситуацию в социально-экономической, политической, идеологической сферах позднесоветского/раннероссийского общества.

Государственное объединение монголоязычных народов виделось ими панацеей от сложившейся ситуации, наиболее оптимального и легкого выхода из кризиса.

Соответственно существующие государственные границы становились искусственным ограничителем, препятствием и даже угрозой для дальнейшего развития нации. В частности, в одном из своих публичных выступлений в 1989 г. один из основателей «Нэгэдэл» заявлял: «Наше состояние рабской подчиненности и России, и Союзу глубоко противоестественно и противоречит объективным тенденциям интеграционных процессов. Бурятские интеграционные процессы всегда тяготели к народам Центральной Азии. Ближний родственный, языковой ареал находится не в СССР, а в Монголии <...> Поэтому возрождение всех сторон жизни бурят-монгольского, то есть коренного монгольского этноса, должно идти в интеграционном взаимодействии всех монголов и всех центрально-азиатских народов и культур <...> На арену выдвигается правосубъектность титульного народа, его право на самоопределение, на интеграцию в родственном мире и т. д.»³³⁴ Таким образом, и для тувинских (в меньшей степени), и для бурятских этнолидеров Монголия выступала в качестве культурного и политического полюсов предполагаемых объединительных процессов.

Однако подобного рода идеи в конечном счете не стали популярны ни в Тыве, ни в Бурятии, а лидеры этих движений не получили серьезной поддержки со стороны местного населения и в результате «Хостуг Тыва» и «Нэгэдэл» фактически сошли с политической арены. Впоследствии основное внимание национальной интеллигенции республик оказалось сосредоточено на вопросах родного языка, истории и традиций³³⁵ По мнению бурятского ученого М. Н. Балдано, «если

³³⁴ Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. – Улан-Удэ, 2000. – С. 88–89.

³³⁵ Михайлов Т. М. Национальное самосознание и менталитет бурят // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития. –

начало 1990-х гг. было отмечено постепенным переходом от сугубо культурной проблематики в область политического дискурса, то с конца этого десятилетия наблюдается обратный процесс»³³⁶

Помимо внутренних причин подобного исхода (опасение перед большими потрясениями в случае процесса отделения, социально-экономическая стабилизация за счет дотационных вливаний из федерального центра и пр.), несомненно, свою роль сыграла и внешняя – ситуация в самой Монголии и ее отношения к данной проблеме. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы национально-культурного возрождения и поиска новой идентичности стали характерны и для монгольского общества, так же, как и российское, испытывавшего на себе многие тяготы переходного периода. Определенный рост интереса к родственным в языковом и культурно-религиозном плане соседним народам материализовался в ряде общественных мероприятий, выходе в свет научных и публицистических статей по данной теме.

13–19 сентября 1993 г. в Улан-Баторе под патронажем и при поддержке президента, правительства и ВГХ Монголии прошел первый в истории Всемирный конгресс монголов. Прибыли 150 делегатов из городов и аймаков Монголии, 70 делегатов из России (Бурятия, Калмыкия, Тывы, Горного Алтая, Усть-Ордынского и Агинского Бурятских автономных округов), а также от монгольских диаспор Тайваня, Германии, Франции, США. Главным итогом работы конгресса стало образование Всемирной ассоциации монголов (ВАМ), целью которой, согласно принятому уставу, стало «... содействие всестороннему сотрудничеству монголов, проживающих во всех странах»³³⁷

Кроме того, включение в текст Концепции национальной безопасности Монголии в 1994 г. пункта о «безопасности монгольской цивилизации», породило среди российских специалистов ряд неодно-

Улан-Удэ, 1996; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа. – Улан-Удэ, 2000.

³³⁶ Стабильность и конфликт в российском приграничье. Сибирь и Кавказ... – С. 238.

³³⁷ Гольман М. И. К вопросу о национальной консолидации монголов // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива: Материалы конференции. – М., 1997. – С. 126.

значных мнений по вопросу о его смысловой составляющей и функциональной нагрузке. От тезисов о том, что термин «монгольская цивилизация» как элемент монгольского политического дискурса является современным политкорректным вариантом идеи панмонголизма, включающим в себя территориальное объединение монголоязычных народов в едином государстве³³⁸, до мыслей о стремлении Монголии к сохранению собственной этнокультурной идентичности посредством концептуализации идеи отдельной монгольской цивилизации, не похожей ни на российскую, ни китайскую соседние цивилизации³³⁹

Одним из наиболее известных и ярких примеров манифестации политического панмонголизма в современной Монголии является статья монгольских ученых Ц. Гурбадама и Л. Бат-Очира, в которой, в частности, утверждается: «Монголы стали свидетелями того, как исконные монгольские земли были раздроблены на три отдельные части – Внешнюю Монголию, Бурят-Монголию и Внутреннюю Монголию и еще на более мелкие кусочки точно так, как режут торт во время пышного пиршества властителей <...> Для объединения монголов сначала на духовной и экономической основе, а затем в территориальном плане не существует объективных препятствий, а есть только искусственно созданные барьеры»³⁴⁰

При всей очевидности наличия сторонников панмонгольской идеологии в самой Монголии важнейшим обстоятельством в этой ситуации является то, что ни в один из периодов постсоциалистических отношений с Россией официальный Улан-Батор не подвергал сомнению территориальную целостность своего северного соседа. Несмотря на периодически возникающие призывы радикально настроенных представителей общественности к объединению в единое государство всех монгольских территорий, современное руководство Монголии

³³⁸ См., например: Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение / Материалы научных круглых столов. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2005. – С. 16–22.

³³⁹ См., например: Железняков А. С. Ключевые вопросы монгольской идентичности / Там же. – С. 6–15.

³⁴⁰ Гурбадам Ц., Бат-Очир Л. Размышления об идее панмонголизма // Монголоведные исследования. – Вып. 4. – Улан-Удэ, 2003. – С. 146–169.

отдает предпочтение территориальной незыблемости межгосударственных границ в регионе.

Основная линия внешней политики Монголии – сохранение собственного суверенитета и добрососедских отношений с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой³⁴¹

Как считает М. Н. Балдано, «полученная (Монголией. – В. Р.) с таким трудом государственность, чья устойчивость целиком зависит от равновесия между Россией и Китаем, представляется слишком большой ценностью, чтобы рисковать ею для осуществления объединительных проектов»³⁴² Как и в случае с национальными движениями в Тыве и Бурятии, основной акцент в конечном итоге сделан на культурные взаимоотношения, проведение тематических фестивалей и конференций.

К. Каплонски отмечает, что «будучи мало эффективным в политической сфере, панмонголизм часто манифестируется в сфере культуры, и его основным предназначением является расширение культурных отношений между различными монгольскими территориями – самой Монголией, Внутренней Монголией в КНР, Буртией и Калмыкией в России»³⁴³ В частности, основные направления деятельности ВАРМ – сохранение и развитие культурного наследия и старомонгольской письменности; проведение совместных исследований в области

³⁴¹ Ярким контрастом этому является позиция монгольской политической элиты по вопросу об объединении в единое государство всех монгольских народов в первой половине XX в. В начале минувшего века практически все лидеры отделившегося от Китая монгольского государства были принципиальными сторонниками создания единого общемонгольского государства, в том числе за счет отторжения отдельных частей Китая, России, а также Тывы. Показательны в этом смысле слова министра внутренних дел Монголии Даламы Цэрэнчимида, произнесенные им в разговоре с российским консулом И. Я. Коростовцом в ходе кяхтинских переговоров: «Лучше Монголии потерять независимость, чем обрести ее ценой потери родных братьев во Внутренней Монголии...» (Цит по: Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы... – С. 90).

³⁴² Стабильность и конфликт в российском приграничье. Сибирь и Кавказ... – С. 240.

³⁴³ *Kaplonski C* Reconstructing Mongolian Nationalism... – P. 336.

монгольской филологии и истории; создание единого информационного пространства³⁴⁴

В то же время сам факт возросшей субъектности Монголии в отношениях с Россией играет важную роль в этнополитических процессах в российских регионах, граничащих с Монголией. Этнические или этнически-маркированные конфликты в них неизбежно попадают в контекст межгосударственных взаимоотношений, соответствующим образом воздействуют на них, в свою очередь могут получать от них дополнительные импульсы и энергетику. Любые действия федерального центра, затрагивающие в той или иной степени интересы граничащих с Монголией национальных субъектов, не могут быть проведены вне соотнесения целей и содержания этих действий с позицией соседнего государства. В результате это является сдерживающим фактором при попытках Москвы принять односторонние, не учитывающие региональных интересов, решения.

Примером изменившихся условий регионально-приграничной политики России может послужить ситуация, связанная с процессом объединения Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с Иркутской областью и Агинского Бурятского автономного округа с Читинской областью, вызвавшего неоднозначную реакцию и оценки как среди жителей данных субъектов, так и в Республике Бурятия. Монгольское руководство, ведущие политические партии страны – МНРП и Демократическая партия, не проявили своих намерений оказать влияние на данный внутривнутриполитический процесс России. В то же время наличие определенных настроений среди части политической элиты Монголии³⁴⁵, связанных с «особым отношением» к бурятскому и тувинскому населению России, выполнило необходимую функцию по ограничению действий одностороннего характера со стороны фе-

³⁴⁴ Гольман М. И. К вопросу о национальной консолидации монголов... – С. 127.

³⁴⁵ В частности, в начале 2006 г. накануне референдума по вопросу об объединении Усть-Ордынского округа и Иркутской области президент ВАРМ и бывший премьер-министр Монголии Д. Бямбасурэн направил письмо В. Путину, в котором выразил протест «против попрания прав бурят-монгольского народа на сохранение национальной государственности» (ИА «REGNUM». 11.03.2006).

дерального центра в отношении национальных субъектов в приграничном с Монголией регионе. Одним из условий объединения двух бурятских округов стало предоставление им особых статусов в создаваемых субъектах – Иркутской области и Забайкальском крае.

Фактор этнокультурных связей между Монголией и рядом российских регионов может быть эффективно использован в интересах России, в частности, в деле развития деловых и научно-образовательных контактов между представителями двух стран. Например, по словам Президента Республики Бурятия В. В. Наговицына, «республика как субъект Федерации, граничащий с Монголией и имеющий с ней общие религиозные и культурные традиции, должна и может стать для монгольского бизнеса своеобразным мостом в Россию»³⁴⁶

Таким образом, можно предположить, что значительная часть политических, экономических, социокультурных аспектов российско-монгольских отношений сместилась в приграничную сферу. Постепенная эволюция системы взаимоотношений центра и регионов, от жесткой централизованной вертикали управления к более мягкой федеративной модели через делегацию регионам многих управленческих полномочий, отразилась на отношении Москвы к региональному сотрудничеству. При отсутствии в настоящее время явных подвижек в регионах Сибири к территориальному отделению от России, у Москвы появилась возможность проводить внешнюю политику в отношении Монголии с акцентом на торгово-экономическом сотрудничестве регионов двух стран. По словам В. Г. Дацышена, «именно полноценный регионализм <...> может быть реальным противовесом национальному сепаратизму»³⁴⁷

Назначение в марте 2006 г. российским послом в Монголии бывшего губернатора Иркутской области Б. Говорина, имеющего богатый опыт плодотворного сотрудничества с монгольской стороной в различного рода региональных делах, может свидетельствовать о стремлении Кремля активизировать взаимодействие именно на регионально-приграничном уровне.

³⁴⁶ ИТАР-ТАСС. 24.01.2008.

³⁴⁷ Стабильность и конфликт в российском пограничье. Сибирь и Кавказ... – С. 194.

Таким образом, превращение приграничного сотрудничества из сугубо механистического продолжения межгосударственных отношений во многом в самостоятельную сферу двусторонних связей в последнем десятилетии XX в. привело к усложнению системы взаимоотношений центра и приграничной периферии. Постепенно произошло осмысление проблемы далеко не всегда совпадающих интересов между Москвой и приграничными регионами, разрешение которой требует большей гибкости и дипломатичности с обеих сторон. А это, в свою очередь, не замедлило сказаться на взаимоотношениях с Монголией, которая в постсоциалистический период стала играть роль серьезного экономического и политического игрока в российских приграничных регионах. Возросшая роль регионально-приграничного уровня отношений, наряду с изменившимися механизмами межгосударственных связей, явилась основой для становления новой модели российско-монгольских взаимоотношений, в рамках которых Россия для Монголии стала более «мягким» партнером, способным внимательнее относиться к существующим противоречиям.

3.2. Фактор третьих стран и международных организаций в современных российско-монгольских отношениях

Неотъемлемая часть современных российско-монгольских отношений – это фактор третьих стран и международных организаций. С конца 1980-х гг. можно говорить о постепенном превращении международно-регионального уровня российско-монгольских отношений из максимально ограниченного и замкнутого на традиционном «треугольнике» Россия – Монголия – Китай в фактор, оказывающий серьезное воздействие на характер взаимоотношений Москвы и Улан-Батора. Радикально изменившаяся международная обстановка после исчезновения СССР поставила монгольское руководство перед необходимостью выработать внешнеполитическую доктрину, отвечающую новым реалиям. В результате чего расширились международные связи Монголии, выразившиеся как в установлении или возобновлении дипломатических контактов официального Улан-Батора со многими ранее не доступными для него государствами, так и в резком увеличении сферы и степени внешнеполитического влияния ряда внерегиональных игроков.

В первую очередь, на рубеже 1980–1990-х гг. произошел дипломатический прорыв в контактах Монголии с южным соседом и традиционным соперником России в борьбе за влияние в регионе – Китаем. В этот период были окончательно нормализованы политические отношения между странами, а подписанный в ходе визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Монголию в 1994 г. Договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве» обозначил качественно новый этап в монголо-китайских отношениях.

Принципиально важным пунктом Договора стало подтвержденное китайской стороной признание независимости Монголии. Данное положение, по мнению монгольского дипломата Х. Олзвоя, существенно отличало Договор 1994 г. от монголо-китайского Договора «О дружбе и взаимной помощи» 1960 г., где слово «независимость» не было зафиксировано³⁴⁸. Стороны также обязались не вступать в военно-политические блоки, направленные друг против друга, наметили комплексное развитие отношений, провозгласив своей целью равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в области политики, экономики, культуры и ряда других областей³⁴⁹. Правда, оппозиционными МНРП партиями Монголии было указано на ряд слабых мест в тексте Договора – отсутствие механизма решения спорных вопросов, положения о неприкосновенности государственной границы³⁵⁰.

Начиная с 1990 г. существенно возросли политические связи Улан-Батора и Пекина в форме официальных визитов на высшем уровне: в 1990 г. председатель Великого народного хурала П. Очирбат спустя 28 лет нанес официальный визит в КНР; в 1991 г. Председатель КНР Ян Шанькун посетил с официальным визитом Монголию; в 1998 г. Президент Монголии Н. Багабанди прибыл в КНР с шестидневным официальным визитом; через год состоялся ответный визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Монголию. Двусторонние офици-

³⁴⁸ *Olzvoy Kh. Mongolia and China: Friendship and Friendly Relations Treaties (a Researcher's Analysis) // Алтан аргамж (Золотая сбруя). – 2000. – № 1. – Р. 57.*

³⁴⁹ Текст договора приведен по: *Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 341–343.*

³⁵⁰ *Бойкова Е. В. О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии... – С. 71.*

альные визиты на высшем уровне, контакты между руководством МНРП и КПК стали осуществляться регулярно, что было особенно заметно в 1990-е гг. на фоне отсутствия визитов на подобном уровне с российской стороны. Тот факт, что Председатель КНР Ху Цзиньтао после своего избрания в 2003 г. включил Монголию в свое первое заграничное турне, свидетельствует о придании китайской стороной особого значения монгольскому направлению своей внешней политики³⁵¹

В ходе встреч руководителей Монголии и Китая подписан ряд соглашений по поводу сотрудничества в различных сферах двусторонних отношений. В 1997 г. китайская сторона предоставила не имеющей выхода к морю Монголии порт Тяньцзинь для перевозки своих товаров (до этого единственным выходом страны к морю был российский порт Владивосток). Пекин обещал помочь Монголии в строительстве нефтеперерабатывающей станции в Зуун-баяне, с пропускной способностью в 500 тыс. т в год, а также расширить дорожные связи между странами. Китайская сторона начала поставлять в Монголию нефть, товары народного потребления, предоставлять денежные займы и места для монгольских студентов в китайских вузах³⁵²

С начала 1990-х гг. развивается сотрудничество в ранее недоступной для обеих сторон военной сфере. В 1991 г. состоялся визит министра обороны Монголии в Китай, после которого установился регулярный обмен военными делегациями, встречи начальников генеральных штабов вооруженных сил, подписан Протокол о сотрудничестве военных ведомств в области подготовки военных кадров и обмена информацией³⁵³. В 1999 г. подписан Протокол о сотрудничестве между пограничными службами двух стран, в частности, в области борьбы с нелегальной миграцией (преимущественно с китайской стороны), контрабандой, скотокрадством³⁵⁴. В 2003 г. Министерство обо-

³⁵¹ *Алтанцэцэг Н.* Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // *Олон улсын харилцаа*. – 2003. – № 2. – С. 51.

³⁵² *Ulaanbaatar Post*. 05.07.2001.

³⁵³ *Железняков А. С.* Россия в монгольском треугольнике // *Политический журнал*. – 2004. – № 8. – С. 43.

³⁵⁴ *Лузянин С. Г.* Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов // *Китай в мировой политике*. – С. 317–318.

роны Монголии получило от Китая безвозмездную помощь в размере 820 тыс. евро³⁵⁵

Значительно расширилась сфера гуманитарных отношений между странами. Уже к началу 2003 г. в Монголии около 2000 студентов изучали китайский язык³⁵⁶. В 2002–2003 гг. в КНР обучалось 100 монгольских студентов и 80 специалистов на средства, выделяемые китайским правительством. В среднем 250–370 тыс. монгольских граждан и 60–70 тыс. китайских граждан ежегодно посещают соседние страны с различной целью³⁵⁷

Наиболее ощутимые перемены в монголо-китайских отношениях произошли в торгово-экономической сфере. В этот период, по словам российского экономиста Я. Кундышева, «началось буквально лавинообразное восстановление экономического статус-кво, существовавшего в этой части Северо-Восточной Азии задолго до социалистического периода»³⁵⁸. Торгово-экономические связи между странами возросли с 2 % в 1990 г. до 47,9 % в 2006 г. от общего объема внешней торговли Монголии³⁵⁹. Начиная с 1999 г. КНР – лидер во внешнеэкономических связях с Монголией, впервые за многие десятилетия опередив Россию, – 29,5 % доля КНР и 22,7 % доля РФ в 1999 г.³⁶⁰ Также с 1997 г. Китай лидирует в области иностранных инвестиций в монгольскую экономику – 47,4% всех инвестиций за период с 1990 по 2006 г. 17 лет³⁶¹. Кроме этого, Пекин начиная с 1991 г. регулярно предоставляет крупные финансовые кредиты монгольскому правительству (в 2003 г. предоставлен самый крупный кредит в размере 300 млн. долл.) и, по словам директора Института международных отношений

³⁵⁵ www.centran.ru.

³⁵⁶ EDN. 10.07.2003.

³⁵⁷ Зууны Мэдээ. – 2004. – 3 июля.

³⁵⁸ Кундышев Я. Монголия и АТР // Монголия: трудный путь к рынку: Сб. ст. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 72.

³⁵⁹ Монголын гадаад худалдааны тойм... – С. 11–12.

³⁶⁰ Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос хойшхи үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с начала 1990-х гг.) // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 2. – С. 93–95.

³⁶¹ Гадаадын шууд хөрөнгө оруулалтын бүтэц, улсаар (1990–2006). (Распределение прямых иностранных инвестиций.)

МонГУ Н. Алтанцэцэг, «заял место России в качестве основного патрона в сфере экономической помощи»³⁶²

В основе роста экономического присутствия Китая в Монголии лежит ряд объективных причин:

- географическая близость стран и связанные с этим низкие транспортные издержки;

- комплементарный характер соседних территорий – промышленных регионов КНР и аграрно-ориентированных регионов Монголии;

- гигантский потребительский рынок КНР наряду со стремительным ростом китайской экономики, в том числе в северо-восточной части Китая;

- фактор этнокультурной общности между населением автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) КНР и Монголии, являющийся своеобразным «мостом» для приграничного взаимобмена между Монголией и Китаем;

- политика китайского государства, направленная на поддержку отечественного бизнеса в Монголии. По данным профессора Г. С. Яскиной, у Китая на государственном уровне разработана концепция приграничного сотрудничества с Монголией³⁶³

Китайский бизнес активно лоббирует свои интересы в созданном при Монгольской торговой палате в 1999 г. Монгольско-китайском экономическом и деловом совете, в Великом государственном хурале³⁶⁴. Таким образом, за последние полтора десятилетия Китай превратился в фактического гегемона в торгово-экономических отношениях с Монголией, стремительно заполнив экономический и отчасти политический вакуум, образовавшийся после временного ухода России из региона в 1990-е гг., и став ведущим игроком в борьбе за влияние на страну.

В то же время для Улан-Батора существует ряд субъективных и объективных причин, по которым он в отношениях с Пекином не мо-

³⁶² Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос... – С. 95.

³⁶³ Яскина Г. С. О новых аспектах внешнеэкономической стратегии... – С. 50.

³⁶⁴ EDN. 16.07.1999; The Mongol Messenger. – 2000. – 19 января.

жет перейти определенный уровень сближения, за которым стоит односторонняя ориентация.

По крайней мере, до середины 1990-х гг. китайская сторона предпринимала действия военно-демонстративного характера в приграничной с Монголией зоне. В частности, в 1995–1996 гг. китайские власти произвели ядерные взрывы в Синьцзяне, недалеко от границ с Монголией, несмотря на двухлетний мораторий на проведение подобных экспериментов. В итоге уровень радиации в этом районе значительно повысился. В связи с этим, а также по поводу желания КНР захоронить ядерные отходы недалеко от монгольской границы, монгольское правительство выразило свой протест³⁶⁵. В середине 1990-х гг. периодически фиксировались случаи нарушения монгольского воздушного пространства китайскими военными самолетами³⁶⁶.

Потенциальным источником вызова для национальной безопасности Монголии со стороны Китая, как правило, признается его *экономическое и демографическое давление*. При минимальной вероятности военно-силового давления со стороны КНР (по крайней мере, в среднесрочной перспективе), наиболее актуальной проблемой признается экономическая экспансия южного соседа в Монголию. Учитывая растущую роль в мировой политике финансово-хозяйственной формы контроля над пространством, которая неуклонно усиливается по мере возрастающего воздействия экономики на все структуры современных обществ, именно экономическую экспансию КНР можно рассматривать в качестве главного вызова безопасности Монголии. Вступление Китая в 2002 г. в ВТО (Монголия член этой организации с 1997 г.) привело к снижению тарифов на сельскохозяйственные товары, что привело к увеличению экономического присутствия южного соседа в Монголии. Китайские предприниматели являются фактическими монополистами на рынке текстильной промышленности – получая субсидии от своего правительства для закупок сырого кашемира и козьего пуха, способны диктовать свои цены на монгольское сырье. Сегодня на монгольском рынке действует более 100 китайских скупщиков, ежегодно отправляющих в Китай более 1000 т козьего

³⁶⁵ Severinghaus S. Mongolia in 1995: Gearing Up for the 1996 Election // Asian Survey. – 1996. – № 16.

³⁶⁶ The Mongol Messenger. – 1995. – 19 мая.

пуха³⁶⁷ Львиная доля продуктов горно-рудной промышленности (около 90 %) закупается также южным соседом³⁶⁸

По мнению ряда авторов, уже в ближайшей перспективе страна рискует превратиться в экономическую колонию Китая. Как отмечает известный американский монголовед Р. Рупен, «китайцы, имея доступ к мировым рынкам, не пускают других инвесторов на ограниченный ландшафтом монгольский рынок»³⁶⁹ М. Россابي констатирует то, что «если МНР в социалистическую эпоху была самодостаточной в области снабжения продуктами сельского хозяйства, то события периода реформ все резко изменили. Многие местные хозяйства оказались разорены, не выдержав конкуренции с дешевыми китайскими товарами, а экономика Монголии оказалась плотно подогнанной под требования китайского рынка <...> В результате Китай за последнее десятилетие прибрал к рукам экономические рычаги давления на Монголию»³⁷⁰

Малозаселенная территория страны и ее довольно обширные природные ресурсы также притягательны для перенаселенного Китая. Одной из основных проблем в двусторонних отношениях в последнее время становится нелегальная миграция граждан КНР на территорию Монголии. По данным МВД Монголии, большинство нелегальных мигрантов в стране составляют китайские граждане³⁷¹ Зачастую они ведут в Монголии незаконный бизнес, связанный с добычей золота, контрабандой различных товаров, подделкой документов³⁷² Отчасти по этой причине в последние годы в Монголии участились случаи, связанные с проявлением прямой агрессии местного населения в отношении китайских граждан, появились националистические экстремистские организации типа «Даяар Монгол» (Вся Монголия), зани-

³⁶⁷ Дайджест монгольской прессы. 30.03.2008 (<http://www.owasia.ru>).

³⁶⁸ ИА «REGNUM». 11.04.2008.

³⁶⁹ *Rupen R. Mongols of the 21st Century...* – P. 8.

³⁷⁰ *Rossabi M. Modern Mongolia...* – P. 232.

³⁷¹ Өнөөдөр. – 2006. – 21 сентября.

³⁷² Зууны Мэдээ. – 2001. – 25 мая; Өдрийн Сонин. – 2005. – 8 февраля; Өдрийн сонин. – 2006. – 3 июля; Ulaanbaatar Post. 27.03.2008.

мающиеся в том числе нападением на китайские магазины и гостини-
цы³⁷³

Особое место при анализе монголо-китайских отношений занимает проблема *исторической памяти* как комплекса популярных (народных) и профессиональных представлений о прошлом нации, событиях, связанных с вхождением и положением в составе другого государства, ее взаимоотношениях с другими народами³⁷⁴ Историческая память подпитывает националистические настроения, взаимные подозрения и чувства уязвленности, остается главным фактором, влияющим на характер и динамику отношений между государствами, социальными группами и рядовыми гражданами Монголии и КНР.

В образе Китая и китайцев в исторических и современных представлениях как рядовых монголов, так и большинства представителей политической и интеллектуальной элиты *преобладает негативная сторона*. Причины этого лежат как в далеком историческом прошлом монголо-китайских отношений, так и относительно недалеких событиях советско-китайской конфронтации. За многовековой период существования китайского и монгольского социумов обе стороны неоднократно совершали агрессию по отношению друг к другу. Вполне естественно, что такой глубинный пласт «исторической памяти» не мог не породить у китайского и монгольского народов сложного психологического комплекса взаимного восприятия. Сам факт образования в XX в. независимого Монгольского государства стал возможен благодаря борьбе монголов за отделение от Цинской империи.

Охлаждение монголо-китайских отношений с началом конфронтации между Москвой и Пекином оказывало прямое влияние на формирование негативного образа Китая в официальной монгольской историографии. В этот период монгольская политическая и интеллектуальная элита стремилась активизировать те слои исторической памяти, которые содержали воспоминания об ущемлении политических и экономических прав монголов в период Цинского господства, то

³⁷³ ИА «REGNUM». 28.11.2005; 15.05.2006; The Mongol Messenger. – 2003. – 15 октября.

³⁷⁴ Национальная политика России: история и современность / Под ред. В. А. Михайлова, Р. Г. Абдулатипова, В. А. Тишкова. – М., 1997. – С. 389.

есть отрицательные стороны образа южного соседа. В результате в массовом сознании сложился образ врага в лице Китая и в противовес ему, образ «единственного гаранта независимости Монголии – Советского Союза». С нормализацией двусторонних отношений некоторые страхи монголов перестали быть первостепенными (в частности, представления о прямом военном вторжении КНР).

Однако общий фон настороженного восприятия Китая остается и играет значительную роль в современных отношениях. Ни одна политическая сила в Монголии не является открытым сторонником прокитайски ориентированной внешней политики и не будет иметь серьезной поддержки среди населения страны. Более того, обвинение своего политического оппонента в симпатиях к Китаю – один из наиболее действенных и часто применяемых приемов в период предвыборных кампаний в Монголии.

В свою очередь восприятие Монголии и монголов в Китае является источником для подозрений и настороженности в двусторонних отношениях. Официальная китайская историография придерживается той точки зрения, что «китайский мир» всегда простирался в глубины Центральной Азии и включал «семью» наций, которые оказывали влияние друг на друга. Китайского империализма якобы никогда не существовало, а имело место периодическое перераспределение центров силы среди отдельных компонентов. Даже в монгольский и маньчжурский периоды истории Китая нельзя говорить о захватчиках, было лишь подобие гражданской войны³⁷⁵. Поэтому земли, некогда входившие в состав китайского государства или находившиеся в любой степени зависимости от него, считались частью его территории. Если в процессе исторического развития эти земли приобретали самостоятельность или входили в состав других государств, то они рассматривались в качестве «утраченных» территорий³⁷⁶. Данная китайская историческая традиция тесно переплетена с концепцией «единого многонационального Китая», разработанной китайскими исследователями в 1970-х гг. и актуальной по сей день. Концепция утверждает, что поскольку Китай с древности был «единым и много-

³⁷⁵ Об этом подробнее см.: *Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 till Nowadays.* – N. Y.: Pica-Press, 1975.

³⁷⁶ *Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР... – С. 149.*

национальным», то и территории обитания любого народа, связанного с ханьцами, понимается как территория Китая³⁷⁷

Кроме того, несмотря на официальную неоднократно подтвержденную позицию Пекина о признании независимого статуса Монголии, внутренняя пропаганда КНР упорно подчеркивает легитимность китайских территориальных притязаний в форме публикации географических карт с указанием монгольской территории в качестве части КНР, издания соответствующих учебников и брошюр. В 1993 г. в Пекине вышла в свет книга «Тайные истоки независимости Внешней Монголии», в которой отрицалась роль монголов как самостоятельных субъектов освободительного движения начала XX в., а единственными инициаторами этого процесса объявлялись Россия и Япония. Фактически в этой книге давалось понять, что независимость современной Монголии лишь результат интриг внешних сил, а сами монголы никогда не стремились к отделению от Китая³⁷⁸. По распространенному в Монголии мнению, в этой книге отражена реальная позиция китайского руководства.

Имеющее преимущественно имплицитный характер отношение китайских политических и интеллектуальных элит к Монголии как к «временно отделившейся территории» может быть охарактеризовано в качестве составляющей «стратегической культуры» Китая, если определять ее, следуя за Д. Снайдером, как «совокупность идей, условных эмоциональных реакций и привычных моделей поведения, общих для всех членов стратегического сообщества страны, которые они усвоили в процессе обучения или подражания»³⁷⁹. Сохраняя традиции императорского и маоистского Китая, китайское геополитическое мышление, одним из ключевых компонентов которого является понятие «Большого Китая», включает Монголию в потенциальное китайское тотальное поле. Суть этого мышления состоит в том, что терри-

³⁷⁷ Воскресенский А. Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальные проблемы в России и Китае (80–90-е гг.) // Научные доклады. – № 23. – М.: РНФ, 1994 – С. 33.

³⁷⁸ По изложению: *Bulag U., Humphrey C.* Some diverse representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // *Inner Asia*. – 1996. – № 1. – P. 1–23.

³⁷⁹ *Snyder J. L.* The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // *RAND Report [R-2154-AF]*. – Santa Monica, 1977. – Sept. – P. 68.

тории, в силу различных исторических обстоятельств приобретшие самостоятельность или вошедшие в состав другого государства, воспринимаются Пекином как «утраченные» и подлежащие возвращению³⁸⁰

По мнению ряда аналитиков, в рамках осуществляемой трансформации региональной системы отношений Китай добивается и такой стратегической цели, как фактическое признание остальными странами его «особых отношений» с Монголией³⁸¹ Как отмечает Х. Олзвой, «хотя дипломатически у Монголии с КНР все нормально, необходимо быть бдительными в наших отношениях с Китаем и внимательно следить за изменениями в его стратегической и геополитической установках»³⁸²

Острые, хотя и открыто не афишируемые, проблемы в монголо-китайских отношениях — монгольский и тибетский вопросы. Во-первых, источником определенного беспокойства для Китая является АРВМ, значительную часть населения которого составляют монголы (около 4,5 млн. человек). Данный район считается не вполне благополучным в плане сепаратистских настроений. Негативно настроенные по отношению к китайскому государству монголы АРВМ нередко пытаются найти моральную и политическую поддержку у официального Улан-Батора, что дает Монголии определенные козыри в отношениях с КНР. Тем самым Монголия в какой-то мере нивелирует «китайский вызов», так или иначе становится важным агентом в сложных внутренних перипетиях своего южного соседа.

Во-вторых, не менее серьезным источником раздражения Пекина являются тесные религиозно-культурные связи Монголии с Тибетом, в первую очередь с духовным лидером буддистов Далай-ламой, пользующегося особой популярностью среди монгольского населения. Китайское правительство предпринимает усилия для воспрепятствования визитам Далай-ламы в Монголию, оказывая дипломатическое давление на страны, через воздушные пространства которых он может добираться до этой страны. Например, в 2002 г. визит Далай-ламы в Монголию был отменен из-за того, что власти России и Юж-

³⁸⁰ Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР... — С. 149.

³⁸¹ Лузянин С. Г. Китай, Россия и Центральная Азия... — С. 310–321.

³⁸² Olzvoy Kh. Mongolia and China... — Р. 58.

ной Кореи лишили его возможности следовать через свою территорию транзитом³⁸³

Во многом из-за негативного исторического образа южного соседа Монголия, в отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы, после разрыва союзнических отношений с СССР *не имела альтернативного географического центра культурно-цивилизационного ориентирования*. Даже в начале 1990-х гг., в период наибольшего охлаждения в российско-монгольских отношениях, Китай не превратился в политико-культурный ориентир для монгольской общественности, подобно тому, как Запад стал таковым для восточно-европейских стран. Даже если не учитывать историко-психологические основания монгольских страхов перед своим южным соседом, тенденция к фактической замкнутости внешнеэкономических связей Монголии на Китае является объективным источником вызова национальной безопасности страны.

Актуализация в Монголии представлений о «китайской угрозе» в ее традиционных и новых ипостасях на фоне стремительно упавшей с начала 1990-х гг. роли России стала одной из причин поиска Монголией третьей внешней силы, способной уравновесить влияние Китая.

В этом смысле утверждение «западного»³⁸⁴ вектора монгольской внешней политики в качестве самостоятельного (впервые в ее истории), основанного на многостороннем сотрудничестве с США, Японией, Южной Кореей, странами Евросоюза явилось одновременно и попыткой расширить поле для маневрирования в системе отношений с КНР и РФ, и мерой по преодолению тяжелого социально-экономического кризиса начала 1990-х гг. Условиями для подобного поворота стали как неспособность традиционных географических соседей Монголии удержать (Россия) или включить (Китай) ее в сферу своего монопольного влияния сразу после распада СССР, так и стремление третьих государств включиться в борьбу за влияние в регионе в связи с образовавшимся здесь вакуумом силы в начале 1990-х гг.

³⁸³ www.lenta.ru.

³⁸⁴ Взято в кавычки по причине не столько географического смысла этого слова, сколько геополитического, включающего в себя страны, ориентированные на западную модель общественного развития.

В политике по диверсификации своих внешнеполитических связей Улан-Батор активно развивает отношения с США, рассматривая Вашингтон в качестве одного из основных политических партнеров³⁸⁵. Соединенные Штаты проявили заинтересованность в сближении с Монголией еще в период улучшения отношений с СССР, установив с ней дипломатические связи в 1987 г. В дальнейшем это подтверждалось на высшем государственном уровне. Решение об оказании экономической помощи Монголии было принято Конгрессом США в январе 1991 г. Позже его подтвердил госсекретарь Д. Бейкер во время своего визита в Улан-Батор в июле 1991 г., впервые назвавший США «третьим соседом Монголии»³⁸⁶. В том же году между правительствами двух стран было заключено торговое соглашение, позволившее расширить торгово-экономические связи между Монголией и США³⁸⁷. 3 марта 1998 г. Комитет по международным отношениям Сената США на своем заседании одобрил Постановление Сената по вопросам отношений между Соединенными Штатами и Монголией, в котором, в частности, предлагалось президенту США поддерживать развитие в Монголии свободной рыночной экономики, инвестирование капиталов в Монголию со стороны бизнеса США и др.³⁸⁸ По решению американского Конгресса в 1999 г. Монголия включена в Торговую льготную систему (Trade preferential system)³⁸⁹.

Среди политических интересов Вашингтона в Монголии можно выделить два основных – *идеологический и военный*.

12 марта 1991 г. обе палаты Конгресса США приняли резолюцию о политике страны по отношению к Монголии. В ней конгрессмены единодушно отметили, что «...Монголия показывает всему миру прекрасный пример мирного перехода к ценностям и демократическим

³⁸⁵ Интервью посла Монголии в США Р. Болда (Өдрийн Сонин. – 2004. – 21 ноября).

³⁸⁶ Олзвой Х. Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд (Визит Д. Бейкера в Монголию и произнесенная им фраза о «третьем соседе») // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 1. – С. 167.

³⁸⁷ Joint Statement between the US and Mongolia (<http://www.mongolianembassy.us.>).

³⁸⁸ Ардын эрх. – 1998. – 19 марта.

³⁸⁹ www.e-baikal.ru.

принципам свободного мира» и призвали правительство США и президента оказывать ей максимальное содействие в процессе преобразований³⁹⁰ Символически в этом отношении прозвучали слова Д. Бейкера, сказанные им 26 июля 1991 г. перед монгольскими парламентариями и членами правительства: «Вы были первой азиатской страной, раскрывшей свои объятия перед коммунизмом. Сегодня вы стали первой азиатской страной, избравшей путь демократии. Мы все признаем то, что ваши успехи укрепят мировое содружество свободных народов. В связи с вашим выбором я бы хотел сказать: Монголия укажет другим путь прогресса»³⁹¹

В 1997 г. во время своего визита в Австралию и Тайланд Б. Клинтон отметил Монголию в качестве примера демократии в Азии³⁹² В 2002 г. президент Международного института республиканцев США Д. Фолсом назвал Монголию «самой демократической страной в Азии», отметив, что «остальным азиатским странам стоит использовать Монголию в качестве примера того, как строить демократическое государство»³⁹³

В 1990-е гг., как отмечает М. И. Гольман, «Запад стремился стать и выглядеть главным спасателем Монголии от охватившего ее экономического кризиса, содействующим превращению ее, по своим рецептам и образцам и при всей финансовой поддержке, в «витрину свободы» на границах с коммунистическим Китаем и нестабильной Россией, дающую первый в Азии пример мирного перехода к демократии и рынку»³⁹⁴

В результате активного поощрения монгольских внутриполитических реформ США из политического и идеологического противника бывшей МНР превратились в главных материальных и духовных спонсоров демократических преобразований в Монголии. Американское правительство напрямую либо через многочисленные международные фонды активно участвует в создании гражданского общества,

³⁹⁰ Цит. по: Гольман М. И. Монголоведение на Западе... – С. 25.

³⁹¹ Цит. по: Олзвой Х. Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд... – С. 167.

³⁹² *Khaisandai L.* Support of the Clinton Administration for Mongolia's Democracy and Renewal // Алтан аргамж. – 2001. – № 4. – Р. 86.

³⁹³ www.centran.ru.

³⁹⁴ Гольман М. И. Монголоведение на Западе... – С. 59.

оказывая финансовую поддержку монгольским СМИ, различным политическим организациям и движениям. Российский монголовед И. Ю. Морозова отмечает, что «при сравнении тактики СССР в 20–40-е гг. и США в 90-е в Монголии наблюдаются удивительно яркие параллели по основным направлениям стратегической политики. Успех социальных преобразований – это коренное изменение всех институтов власти, управления, общественных структур. У “коммунистов” это называлось “кадровой политикой”, у “капиталистов” – “профессиональным менеджментом” <...> Западные страны, ныне открывающие свои миссии в Монголии, также стремятся “научить” монголов искусству управления»³⁹⁵ Часть представителей современной политической элиты страны получила образование или прошла стажировку в США. Многие монгольские политики посылают своих детей получать высшее образование в университеты США и Западной Европы.

Фактор идеологии – важный канал влияния Вашингтона и иных западных стран на внутривнутриполитическую ситуацию в Монголии. Нередки случаи прямого вмешательства западных фондов во внутривнутриполитические процессы страны. Так, фонд Конрада Аденауэра и Международное республиканское общество сыграли важную роль в победе Демократического союза на выборах 1996 г.³⁹⁶ Кроме того, официальные представители США пытаются открыто воздействовать на отношения Монголии с другими странами. В частности, П. Слуц, посол США в Монголии в период 2003–2006 гг., выразила свое «сожаление по поводу неясности ситуации с выплатой Монголией долга России»³⁹⁷ По мнению ряда обозревателей, за массовыми беспорядками в Улан-Баторе в июле 2008 г., возникшими сразу после выборов в ВГХ (на которых большинство голосов получила МНРП), стояли в том числе и Соединенные Штаты³⁹⁸

³⁹⁵ Морозова И. Ю. Социальные проблемы истории Монголии XX века // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 81.

³⁹⁶ EDN. 26.08.2003.

³⁹⁷ *Өнөөдөр*. – 2005. – 17 мая.

³⁹⁸ Кучин А. Монгол оранж (<http://www.nakanune.ru.>); Павлов В. Монголия подбирает цвет для революции (<http://www.rbcdaily.ru.>); «Революция юрт»: Запад начал новый переворот у границ России (www.regnum.ru.).

Еще одним действенным методом влияния на Монголию является предоставление ей материальных ресурсов и поддержка при вступлении в контролируемые Вашингтоном торгово-экономические и финансовые организации. США оказывают активное содействие Монголии в получении льготных или безвозмездных кредитов международных финансово-экономических организаций – МБРР, Фонд вызовов тысячелетия (Millennium Challenges Fund) и другие³⁹⁹, предоставляют режим наибольшего благоприятствования для экспортируемых в США монгольских товаров⁴⁰⁰. При непосредственном содействии американской стороны произошло вступление Монголии в ВТО, МВФ, МБРР⁴⁰¹.

Итак, посредством как традиционных методов воздействия американской дипломатии на своих партнеров, так и умелого использования наличествующей общности ценностей (демократия, политический плюрализм, рыночная экономика, права человека и т. д.), Вашингтон успешно осуществляет свое политическое влияние на Монголию. Одним из результатов данной политики в 1990-х – первой половине 2000-х гг. стало перемещение главного источника идейно-политического и социокультурного ориентирования значительной части политической элиты и общества Монголии от России к США. Если еще в начале 1990-х гг. источниками импульсов к демократическим преобразованиям для Монголии в равной степени выступали как Россия, так и Запад, то с середины 1990-х гг. именно США оказались главным идеологическим ориентиром для монгольской политической элиты. По словам Р. Рупена, для «современности» (modernity), приходившей на протяжении почти всего XX в. в Монголию через северного соседа в конце этого столетия появились новые каналы⁴⁰². Красно-речивым свидетельством возросшего уровня политического доверия в монголо-американских отношениях стало упрощение визового режима для взаимных поездок граждан двух стран. В частности, для граждан США начиная с 2001 г. установлен безвизовый режим на въезд в Монголию⁴⁰³.

³⁹⁹ ИА «REGNUM». 16.02.2006.

⁴⁰⁰ Гольман М. И. Монголоведение на Западе... – С. 26.

⁴⁰¹ Там же. – С. 26.

⁴⁰² *Rupen R. Mongols of the 21st Century...* – P. 8.

⁴⁰³ РИА «Новости». 10.07.2001.

Не менее значительный интерес Вашингтон проявляет и к военному сотрудничеству с Улан-Батором. По решению Б. Клинтона, Монголия с августа 1995 г. входит в число стран, которые могут рассчитывать на военную помощь Америки. Ежегодно США выделяют военную помощь Монголии в размере более 2,3 млн. долл., предназначенную для обучения армии. Американская сторона принимает монгольских офицеров в свои военные учебные заведения⁴⁰⁴. Американские самолеты с военных баз США в Окинаве периодически совершают рейсы в Улан-Батор⁴⁰⁵. В сентябре 1999 г. военный атташе США был приписан к американскому посольству в Улан-Баторе. Монголия стала сотрудничать с НАТО в ее гражданских программах и США поставили экипировку для монгольских пограничников⁴⁰⁶. Начиная с 2003 г. на территории Монголии совместно с американской стороной проводятся военные учения «В поисках хана» (Khan quest)⁴⁰⁷.

Знаковыми событиями в монголо-американском военном сотрудничестве стали отправка в 2002 г. монгольских военнослужащих в Афганистан, а в 2003 г. – в Ирак для осуществления в составе сил американской коалиции поддержки военных операций. Любопытно, что американская сторона особо не скрывает прямой связи между поддержкой ее политики и финансово-экономической помощью. В частности, П. Слуц отметила, что монгольская помощь в Ираке обязательно скажется на американской помощи Монголии⁴⁰⁸. Не случайно, первому в истории монголо-американских отношений визиту в Улан-Батор Президента США Дж. Буша-младшего в ноябре 2005 г. предшествовал визит министра обороны Д. Рамсфелда, в ходе которого достигнуты договоренности о продолжении сотрудничества между двумя странами в области модернизации монгольской военной инфраструктуры (американская сторона пообещала приобрести военную технику для монгольской армии на сумму 11 млн. долл.) и участия

⁴⁰⁴ *Эрдэнэбат Б.* Характер и тенденции развития военных отношений Монголии... – С. 83.

⁴⁰⁵ *Яскина Г. С.* Монголия и внешний мир... – С. 249.

⁴⁰⁶ МОНЦАМЭ. 31.05.2004.

⁴⁰⁷ ИА «REGNUM». 15.08.2006.

⁴⁰⁸ www.centran.ru.

монгольских солдат в операциях в Ираке и Афганистане⁴⁰⁹ С 2004 по 2006 г. в военных операциях в Ираке приняли участие 708 монгольских солдат⁴¹⁰, что является третьим показателем среди всех коалиционных стран в Ираке в пересчете на душу населения страны.

Особый американский интерес к Монголии объясняется, в первую очередь, ее месторасположением между двумя державами – традиционными конкурентами США в восточно-азиатском регионе. Как бы ни развивались российско-китайские отношения, США будут пристально следить за тактической координацией позиций России и Китая в международных вопросах, в том числе и на монгольском направлении. Акцент Вашингтона на военной составляющей в отношениях с Монголией вполне укладывается, по мнению специалистов, в общую систему американских шагов в Восточной Азии в 2002–2005 гг., связанных с достижением Вашингтоном важных договоренностей о развитии военно-политических связей с Сингапуром, Филиппинами, Тайландом, Индонезией, Вьетнамом, то есть странами-соседями КНР⁴¹¹

Разговоры по поводу «третьего соседа» Монголии в лице США в начале XXI в. оказались не так уж оторваны от реалий. С учетом военно-стратегического присутствия США в бывших советских республиках Средней Азии даже геополитически Америка стала ближе к Монголии. Подобное развитие событий породило в Монголии мнение о том, что США смогут выступить гарантом внешней безопасности Монголии. Некоторые монгольские исследователи считают, что «вместе с американскими инвестициями на Монголию должна распространиться защита США»⁴¹² Подкрепляют эту позицию и слова американского президента Дж. Буша-младшего, произнесенные им накануне своего визита в Монголию в интервью монгольскому телевиде-

⁴⁰⁹ ИА «REGNUM». 15.11.2005.

⁴¹⁰ Там же. 27.03.2006.

⁴¹¹ Козырев В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР // Международные процессы. – 2006. – № 2. – С. 65.

⁴¹² Галймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: үүсэл, хөгжил, тулгамдаж байсан асуудлууд (Монголо-американские отношения в XX веке: возникновение, развитие и стоявшие перед ними проблемы). – Улаанбаатар, 2001. – С. 122.

нию. Дж. Буш заявил, что «никаких военных действий со стороны других государств по отношению к Монголии он не допустит» и добавил, «если подобное произойдет, то Америка обязательно окажет помощь Монголии»⁴¹³

Нельзя не признать, что американская политика в отношении Монголии приносит определенные результаты. Тот факт, что Улан-Батор, вопреки позициям Пекина и Москвы, поддержал большинство инициатив американской коалиции по свержению правительства Хусейна в Ираке, служит наглядным примером возросшей независимости монгольской стороны во внешнеполитических шагах от своих великих соседей. В то же время следует отметить, что Улан-Батор не спешит увязывать свою военную политику исключительно с США. Свидетельством этому служит оживление военного сотрудничества Улан-Батора с Москвой в начале 2000-х гг. Тем более что Монголия принципиально против заключения военных союзов с кем бы то ни было, размещения на своей территории иностранных воинских контингентов, неоднократно подтверждала свой безъядерный статус на международной арене⁴¹⁴, который в итоге был поддержан американской стороной в 2004 г.⁴¹⁵

Монголия стремится к активному сотрудничеству в политической сфере с иными странами Азии, Европы, Америки, как на двусторонней основе, так и через участие в крупных региональных и международных организациях. Среди них наиболее заметным внешнеполитическим партнером Монголии следует признать Японию.

Отношения между Улан-Батором и Токио заметно улучшились в начале 1990-х гг., свидетельством чему были визит П. Очирбата в Японию в 1990 г. и японского премьер-министра Т. Кайфу в Монголию в 1991 г. После этого обоюдные визиты на высшем уровне стали осуществляться регулярно. За последние 17 лет монгольские президенты и премьер-министры 8 раз посетили Японию с официальными визитами⁴¹⁶

⁴¹³ ИА «REGNUM». 11.11.2005.

⁴¹⁴ *Enkhsaikhan J. Nuclear Weapon Free Status: Concept and Practice // Regional Security Issues and Mongolia. – Is. V – Ulaanbaatar, 1999. – P. 57.*

⁴¹⁵ Үнэн (Правда). – 2004. – 17 ноября.

⁴¹⁶ Yomiuri Shimbun. – 2006. – 11 августа.

Значительным вкладом в улучшение отношений с Монголией стала японская политика по оказанию финансовой и иной помощи. В начале 1990-х гг. Токио выступил инициатором движения стран-доноров в поддержку демократических преобразований в Монголии и перехода ее к рыночной экономике. В условиях тяжелого экономического кризиса в Монголии начала 1990-х гг. материально-финансовая помощь Японии стала важным источником выживания для широких социальных слоев страны. Только в период с 1993 по 1997 г. помощь составила в сумме 507 млн. долл.⁴¹⁷ Начиная с 1991 г. и по настоящее время Япония – это крупнейший международный донор Монголии, на которого приходится около половины всей финансовой помощи⁴¹⁸ Японское международное агентство по сотрудничеству управляет большинством программ помощи Монголии. Важно отметить, что практически все дружественные шаги со стороны Японии сопровождаются их широким рекламированием среди монгольского населения.

Развитие научно-культурных контактов в области исторических исследований, языкознания, литературы, кинематографии, спорта также является одной из ведущих форм японского влияния в Монголии. Популяризации японской культуры в Монголии во многом способствуют успехи монгольских борцов сумо, выступающих в Японии. В 2006 г. организован Центр поддержки исследования Монголии при финансировании японского фонда мира Сасакавы. Деятельность центра сфокусирована на укреплении позиций Монголии на международной и региональной аренах, повышении ее роли в регионе Северо-Восточная Азия⁴¹⁹

Одним из самых заметных результатов активной политики Токио стала трансформация образа Японии в Монголии. Будучи еще несколько десятилетий назад одним из символов угрозы для Монголии, страной, которая в середине XX в. стремилась захватить МНР, Япония во многом за счет внушительных финансовых вливаний, поощрения развития культурных связей смогла эффективно повлиять на складывание своего позитивного образа в глазах монгольской политической элиты и рядовых граждан страны.

⁴¹⁷ *Batbayar Ts.* Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges // RSIM. – 2002. – № 17. – P. 203.

⁴¹⁸ Данные по: *Rossabi M.* Modern Mongolia... – P. 220.

⁴¹⁹ www.owasia.ru.

Согласно результатам социологического опроса, в 1996 г. Япония, вслед за Россией и США, занимала третье место среди стран, с которыми, по мнению монгольских граждан, более всего необходимо политическое и экономическое сотрудничество⁴²⁰. В рамках 800-летия образования Монгольского государства с 1 апреля до конца 2006 г. граждане Японии могли посещать Монголию без виз. Стоит заметить, что для российских туристов подобного исключения не было сделано, несмотря на ведущиеся долгие годы переговоры об отмене визового режима между странами. Таким образом, с окончанием социалистического периода Россия утратила и свое монопольное право называться «единственным другом Монголии» среди прочих великих держав мира.

Основу стратегических интересов Японии в Монголии составляют стремление иметь благонадежного партнера в данном регионе, что, по мнению японского руководства, должно способствовать укреплению региональной безопасности. Японский бизнес заинтересован в эксплуатации природных ресурсов Монголии – угля, меди, молибдена, урана. В частности, японская компания «Мицуи» участвует в проекте по разработке месторождения меди Оюу Толгой и угольном месторождении Таван Толгой⁴²¹. Хотя, по словам Г. С. Яскиной, «в Японии сотрудничество с Монголией, наверняка, не расценивается с точки зрения коммерческой выгоды: слишком уж не сопоставимы экономические потенциалы»⁴²².

Участие в различных международных организациях глобальной и региональной направленности рассматривается монгольским руководством в качестве важного элемента многовекторной политики. Монголия – член таких международных политических организаций, как Движение неприсоединения, совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) начиная с 1998 г., принимает участие в работе регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ). Участие Монголии с 2004 г. в работе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на правах постоянного наблюдателя свидетельствует о стремлении Улан-Батора перенести в институциональ-

⁴²⁰ Данные по: *Rossabi M. Modern Mongolia...* – Р. 233.

⁴²¹ Зууны Мэдээ. – 2005. – 1 апреля; Ведомости. – 2006. – 11 декабря.

⁴²² Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 225.

ные рамки региональной организации отношения со своими соседями. Теоретически участие Монголии в ШОС позволит ей при поддержке России и малых и средних государств Центральной Азии более успешно, чем на двустороннем уровне сдерживать внешнеполитические амбиции КНР.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность Монголии, направленная на максимальное расширение круга своих внешнеполитических партнеров, позволяет говорить о том, что «третий сосед» для нее представлен в виде комплексной силы, не ограниченной какой-либо одной страной. Подтверждением этому могут служить слова Н. Энхбаяра, произнесенные им во время визита в США в ноябре 2001 г. о том, что США и Европейский Союз являются «соседями» в стратегическом плане, Япония и Южная Корея – в экономическом, Индия – в культурном и цивилизационном⁴²³

Наличие у Монголии «третьего коллективного соседа» – *условие* построения более гибкой стратегии Улан-Батора в рамках традиционной системы трехсторонних отношений с Москвой и Пекином. Термин «коллективный сосед» во многом условен, ибо политика стран, заключенных в него, временами может приобретать характер обоюдного соперничества за политическое, экономическое и информационное влияние на Монголию. Общее здесь заключается в той *функции*, которую вольно или невольно выполняют эти страны, а именно напоминание Китаю и, прежде всего России, о постоянно присутствующей альтернативе внешнеполитической ориентации Монголии. В отличие от малых и средних стран Юго-Восточной Азии или постсоветской Средней Азии, не имея реальной возможности в силу ряда объективных причин (географическая удаленность, геополитическая замкнутость, культурно-религиозная уникальность) стать полноценной частью регионального «коллективного игрока» (например, по типу стран АСЕАН) в отношениях с великими державами региона, Монголия активно прибегает к «*внерегиональной дипломатии*», становясь более субъектным актором в отношениях со своими великими соседями.

Диверсификация внешнеполитических связей для Улан-Батора изначально была неразрывно связана с расширением круга своих

⁴²³ Batbayar Ts. Mongolia's New Identity and Security Dilemmas // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2002. – № 8–9. – P. 11.

внешнеэкономических партнеров. Более того, в самом начале 1990-х гг. у монгольской политической элиты сложилось четкое представление о том, что в основу национальной безопасности в условиях нормализации российско-китайских политических отношений, должна лечь именно экономическая составляющая. Например, Х. Олзвой в свое время выдвинул тезис о необходимости для страны встать под «экономический зонт» США, подобно японцам и южнокорейцам⁴²⁴ Будучи еще премьер-министром страны, Н. Энхбаяр в интервью западному изданию заявил, что «связи с западными странами позволяют монголам чувствовать себя более безопасно экономически, технологически и даже психологически»⁴²⁵ Именно усиление торгово-экономических связей с третьими странами, прежде всего с США и Японией, Улан-Батор рассматривал в качестве одной из мер по обеспечению экономической безопасности страны.

В первые постсоциалистические годы американское и японское экономическое присутствие в Монголии относительно быстро увеличилось. Доля США во внешней торговле Монголии возросла с 0,06 % в 1990 г. до 4,5 % в 1995 г., доля Японии – с 1,09 до 10,3 % соответственно⁴²⁶ Компании этих стран проявили заинтересованность в разведке и добыче нефти, медных и угольных залежей, инвестировании предприятия легкой промышленности, сферу обслуживания и информационных технологий. В конце 1990-х гг. в стране насчитывалось около 50 монголо-американских⁴²⁷ и более 50 монголо-японских компаний⁴²⁸

Однако в начале 2000-х гг. ситуация с реальными возможностями развития экономических отношений с третьими странами стала более

⁴²⁴ *Olzvoy Kh. View on Mongolia's Economic Development and Cooperation in the Northeast Asia // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1996. – № 3. – Р. 66.*

⁴²⁵ Цит. по: *Батбаяр Ц. Наследие Чингисхана и геополитика современной Монголии // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 3–5 октября 2002 года). – Улан-Удэ, 2003. – С. 173.*

⁴²⁶ *Монгол улсын статистикийн бюллетень... – С. 177.*

⁴²⁷ *Campi A. Mongolia in Northeast Asia... – Р. 273.*

⁴²⁸ *Яскина Г. С. Монголия и внешний мир... – С. 223.*

ясной. С середины 1990-х гг. в торговых отношениях Монголии ни с одной из третьих стран не просматривалась тенденция роста объемов торговли. Азиатский экономический кризис 1998 г. ярко продемонстрировал хрупкость экономических связей Монголии с Японией и Южной Кореей, резко сократив объемы торговли и инвестиций. По итогам 2006 г., доля США и Японии во внешнеторговых связях Монголии составила 5,4 и 3,5 % соответственно. Общая доля всех торговых партнеров Монголии, кроме России и Китая, в 2006 г. равнялась 32 %⁴²⁹ Экономические интересы этих стран в Монголии оказались не столь обширны и в основном ограничиваются горно-рудным и нефтяным сектором. Прямые американские и японские инвестиции в течение последних 17 лет составили соответственно 3,6 и 5,0 % общего объема⁴³⁰ Основными факторами, резко ограничивающими развитие торговли Монголии с внерегиональными партнерами, являются: малая емкость монгольского рынка, большие расстояния, отсутствие у страны выхода к морю, неудовлетворительное состояние средств коммуникации. Как отмечает А. Кэмпбелл, «ни один законодательный акт не может изменить географической удаленности Монголии от западных стран и снизить издержки расстояний»⁴³¹

На данный момент главной формой экономического присутствия третьих стран в Монголии остается предоставление финансовой помощи и кредитов – в период с 1991 по 2005 г. объем международной помощи в форме льготных кредитов и безвозмездной помощи Монголии, населения которой составляет около 2,5 млн. жителей, превысил 2,5 млрд. долл.⁴³² Несмотря на столь внушительные для небольшой страны размеры иностранного кредитования, они практически не способствовали экономическому росту, большая часть кредитов исполь-

⁴²⁹ Монголын гадаад худалдааны тойм (2006 оны эцсийн байдлаар)... – С. 11–14.

⁴³⁰ Гадаадын шууд хөрөнгө оруулалтын бүтэц, улсаар (1990–2006). (Распределение прямых иностранных инвестиций). (<http://www.mit.pmis.gov.mn>).

⁴³¹ *Campbell A. Mongolia in Northeast Asia...* – P. 284.

⁴³² Данные по: *Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере Монголии (1990–2005 гг.)* // IX международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 года): Доклады российских ученых. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 47.

вые перспективы для сотрудничества и сформировавшим новые вызовы российской и монгольской безопасности. В этом смысле российская внешняя политика на монгольском направлении ярко продемонстрировала характерную еще для советской внешней политики черту, а именно активное вовлечение в региональные дела лишь в моменты актуализации существующих проблем, моменты открытых вызовов российским интересам со стороны третьих сил, когда игнорировать эти вызовы уже не представляется возможным.

Заметно возросшую активность Москвы в регионе можно расценить как стремление и готовность России вновь играть роль лидера в отношениях с Монголией. По ряду объективных причин (несопоставимость финансово-экономических, демографических, военно-политических и иных ресурсов) российско-монгольские отношения по-прежнему носят асимметричный неравновесный характер. В сравнении с социалистической эпохой, российское лидерство начала XXI в. имеет принципиально иные очертания и характеристики. Россия, в отличие от Советского Союза, не имеет обязательств перед Монголией в области военной безопасности, не является экономическим патроном этой страны, не увязывает свои отношения с Улан-Батором с идеологическим фактором. «Жесткие» аспекты взаимодействия перестали быть определяющими в российско-монгольских отношениях, трансформировавшихся из союзнических в партнерские. Саморегулирование комплекса российско-монгольских отношений, когда осознание общих выгод от сотрудничества уравнивает потенциал разногласий, – один из главных принципов «мягкого» лидерства. На смену изоляции, взаимному умолчанию спорных вопросов или же кулуарным межпартийным решениям пришел открытый диалог и освещение существующих проблем и вариантов их разрешения.

Устойчивость данной модели определяется следующими факторами:

- новыми основаниями в механизме воспроизводства отношений, в частности, в подходах руководства двух стран к имеющимся проблемам и конфликтным устремлениям, стали внутренние структурные изменения в странах, выразившиеся в либерализации политических систем Российской Федерации и Монголии;

- увеличением удельного веса пригранично-регионального уровня отношений двух стран и возросшая роль Монголии в качестве

важного экономического (приграничная и транзитная торговля) и политического (фактор этнокультурной близости монголов с российскими бурятами и тувинцами) игрока этого уровня – одним из оснований для воспроизводства данной модели отношений, что объективно делает Россию для Монголии более «мягким» лидером;

– внешним по отношению к российско-монгольским отношениям основанием для развития и устойчивости «мягкого» лидерства России выступает фактор третьих стран и международных организаций, это служит важным условием для сбалансированной политики Монголии в отношении России. Существенным отличием от социалистической эпохи стало то, что Россия уже не является единственным направлением внешнеполитической ориентации Монголии. Не менее важными для монгольского руководства стало политическое и экономическое взаимодействие с Китаем, США, Японией, иными странами.

У современной Монголии наличествует довольно широкий круг возможностей нейтрализовать гипотетические попытки установления российского доминирования над собой – посредством политического, экономического, социокультурного сотрудничества с третьими странами и международными организациями, а также играя важную роль на регионально-приграничном уровне отношений со своим северным соседом.

Сложившаяся в российско-монгольских отношениях модель взаимодействия в рамках текущих внутривнутриполитических ситуаций в странах, а также настоящего международно-политического контекста наиболее эффективна и жизнеспособна. Широкая сфера совпадающих интересов России и Монголии, значительно превышающая сферу несовпадающих или непересекающихся интересов, выступает в качестве объективной предпосылки для динамичного развития отношений между странами в будущем. Однако не исключен вариант, при котором инициативы Вашингтона по поводу активизации сотрудничества с Улан-Батором в военной и политической сферах или же усиление экономического присутствия КНР в стране, может привести к серьезной корректировке внешнеполитической стратегии Монголии, в том числе и на российском направлении.

По этим причинам перед российским руководством стоит важная задача в дальнейшем эффективно использовать как политический, социально-экономический и историко-культурный потенциал, дос-

тавшийся России еще с социалистических времен, так и положительные результаты, достигнутые уже в период постсоциалистический, для дальнейшего развития отношений с Монголией. Тем более что для самой Монголии активное взаимодействие с Россией в политической, военной, экономической, научно-культурной областях по сути является частью ее стратегии национальной безопасности. Объективно, разнообразные проблемы Монголии (экономические, энергетические, социальные, политические) не могут быть решены без активного участия России. И речь идет не о возрождении советско-монгольского военно-политического блока, а об интеграции, в рамках которой российская сторона может и должна задавать общий вектор развития. Личное дружеское расположение по отношению к России многих руководителей современной Монголии, в целом благоприятный образ России среди монгольских граждан дают основания предположить, что в самой Монголии готовы к увеличению удельного веса северного соседа в своей внешнеполитической стратегии.

При этом России важно оставаться «мягким» лидером для Монголии, не стремиться к монопольному или доминирующему влиянию на эту страну. Отстаивая свои легитимные интересы, связанные с экономическим развитием и безопасностью, России вряд ли целесообразно вступать в прямое столкновение с иными государствами из-за влияния на Монголию или побуждать ее к однозначному выбору между «пророссийским», «прокитайским» или «прозападным» путями развития.

В отношениях с Монголией России не следует использовать экономические и/или политические рычаги давления в качестве основного метода достижения собственных целей. Для российской стороны важно вписаться в выбранную Монголией экономическую модель развития. Непонимание того факта, что страна стремится действовать в рамках многовекторной внешнеэкономической политики, может свести на нет все те преимущества, что еще остались после дезинтеграции социалистического блока. Во-первых, нужно понять, что для России в Монголии больше не существует особых (эксклюзивных) преференций при выходе на основные рынки сырья, промышленных объектов и услуг. Она является одной (пусть и значимой) из нескольких участников конкурентной борьбы. Во-вторых, у России есть неплохие шансы оказать значительное влияние на экономику Монголии,

вновь участвовать в процессе формирования экономической повестки дня в этой стране. И достижение этих целей потребует серьезных усилий, более щепетильного и внимательного отношения к своему соседу.

Готовность к признанию наличия реальных и потенциальных разногласий и противоречий по тем или иным вопросам, а соответственно и работе по их устранению также выступает частью новой модели российско-монгольских взаимоотношений. Учитывая это обстоятельство, важная задача российской политики в отношении Монголии – учет специфики монгольских внутривнутриполитических процессов, способных воздействовать на стратегию Улан-Батора во внешней политике. Поэтому в качестве одного из актуальных направлений дальнейшего изучения темы следует рассматривать сравнительные исследования политических систем двух стран, их развитие, эволюцию, а также влияние на характер и динамику взаимодействия России и Монголии в будущем.

Источники

Визит Президента Российской Федерации В. В. Путина в Монголию 12–14 ноября 2000 года // Дипломатический вестник. – 2000. – № 12.

Выступление В. В. Путина в Великом государственном хурале Монголии 14 ноября 2000 года // Дипломатический вестник. – 2000. – № 12.

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М., 1927.

Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник. – 1993. – № 3–4.

Заявление для прессы по окончании российско-монгольских переговоров на высшем уровне (<http://www.kremlin.ru>).

Концепция внешней политики РФ, декабрь 1992 года // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия в 4-х томах. – Т. 4 / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 21–50.

Концепция внешней политики РФ, 28 июня 2000 года // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия в 4-х томах. – Т. 4. 1991–2002 / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 109–121.

Московская декларация, подписанная Президентом России В. В. Путиным и Президентом Монголии Н. Энхбаяром 8 декабря 2006 года в Москве. (<http://www.kremlin.ru>).

О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об утверждении документов, составленных по результатам проверки российско-монгольской государственной границы, выполненной в 1987–2001 года (<http://www.businesspravo.ru>).

Президент России. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 27 июня 2006 г. Москва (<http://www.kremlin.ru>).

Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг. (<http://mongolia.mid.ru>).

Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. – М., 1960.

Российско-монгольское межправительственное соглашение об экономическом и приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией. – Улан-Удэ, 1999.

Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2000: Документы / Отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: НОФМО, 2004.

Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о военно-техническом сотрудничестве. 27.04.1993. (<http://www.lawmix.ru.>).

Советско-монгольские отношения. Документы и материалы 1921–1974 гг. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1979.

Совместное коммюнике об итогах официального визита в Монголию председателя Правительства РФ М. М. Касьянова. – МОНЦАМЭ. 28.03.2002.

Тройственное соглашение об Автономной Монголии // Русско-китайские отношения 1689–1916: Официальные документы. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1958.

Улан-Баторская декларация. Улан-Батор, 14 ноября 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия в 4-х томах. 1991–2002. – Т. 4 / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 514–518.

Гадаадын шууд хөрөнгө оруулалтын бүтэц, улсаар (1990–2006). (Распределение прямых иностранных инвестиций) (<http://www.mit.pmis.gov.mn.>).

Монгол Улсын Үндсэн Хууль (Конституция Монголии). – Улаанбаатар, 1992.

Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии) // Дорно – Өрнө (Восток – Запад). – Улаанбаатар. – 1995. – № 1–2.

Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2000. (Статистический сборник Монголии.) – Улаанбаатар, 2001.

Монголын гадаад худалдааны статистик мэдээлэлийн шинжилгээ, дүгнэлт (2007 оны III улирлын байдлаар). Монголын үндэсний худалдаа аж үйлдвэрийн танхим (Статистический анализ и исследование внешней торговли Монголии (за три квартала 2007 года). Монгольская национальная торговля-промышленная палата). – Улаанбаатар, 2007.

Статистик мэдээ: гадаад худалдаа 2003–2007 онд. Монгол Улсын үйлдвэр худалдааны яам (Статистический вестник: внешняя торговля в 2003–2007 гг. Министерство промышленности и торговли Монголии) (<http://www.mit.pmis.gov.mn.>).

Concept of Mongolia's Foreign Policy // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – № 2.

Монографии

Александров О. Б. Регионы во внешней политике России. Роль северо-запада. – М.: МГИМО МИД РФ, 2005. – 187 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2001. – 288 с.

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ Российской Федерации / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. – М.; Волгоград: НОФМО, 2002. – 322 с.

Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). – М.: ИВ РАН, 1999. – 237 с.

Бира Ш., Ишжамц И., Сандаг Ш. Маоистская фальсификация истории МНР и историческая правда. – Улан-Батор, 1980. – 53 с.

Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997. – 352 с.

Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. – 178 с.

Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. – М.: МОНФ, 1999. – 405 с.

Восток – Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: МГИМО, 2002. – 528 с.

Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия (история – проблемы – современность). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.

Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия (на трудном пути реформ). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 106 с.

Гатауллина Л. М. Проблемы некапиталистического развития. Монгольская Народная Республика. – М.: Наука, 1978. – 303 с.

Гербова А. А. Развитие социалистической промышленности МНР на современном этапе. – М.: Наука, 1978. – 114 с.

Гербова А. А. Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. – М.: Наука, 1991. – 212 с.

Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). – М.: Изд-во «Восточная литература», 1988. – 218 с.

Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х гг. XX века. – М.: ИВ РАН, 2004. – 344 с.

Грайворонский В. В. Торгово-экономические связи СССР и МНР. 1962–1987 гг. – М.: ИВ АН СССР, 1988. – 182 с.

Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода, 1980–1995. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1997. – 184 с.

Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. – М.: ИВ РАН, 2007. – 254 с.

Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX века. – Иркутск, 1994. – 397 с.

Джагаева О. А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX столетия. – М., 2003. – 138 с.

Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв.: вопросы историографии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004.

Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. – Иркутск, 2002. – 122 с.

Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие и самоопределение. – М., 2000. – 359 с.

Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001.

Жигалина О. И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. – М., 1990.

Жирнов Д. А. Россия и Китай в современных международных отношениях. – М.: МГИМО, 2002. – 290 с.

Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1957. – 300 с.

История европейской интеграции (1945–1994) / Под ред. А. С. Намазовой, Б. Эмерсона. – М.: ИВИ РАН, 1995.

История Монголии. XX век. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.

История Монгольской Народной Республики / Под ред. А. П. Окладникова, Ш. Бира. – Изд. 3-е. – М.: Наука, 1983. – 662 с.

История советско-монгольских отношений / Под ред. Б. Г. Гафурова, Б. Ширендыба. – М.: Наука, 1981. – 352 с.

Капица М. С. КНР: два десятилетия – две политики. – М.: Международные отношения, 1969.

Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата. – М., 1996.

Капица М. С., Иваненко В. И. Дружба, завоеванная в борьбе. – М., 1970.

Китай в мировой политике / Отв. ред. А. Д. Воскресенский. – М.: РОССПЭН, 2001. – 528 с.

Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1998.

Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке. – Иркутск, 1997. – 97 с.

Кубышина Г. А. Власть и преобразования государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия). – М., 2000. – 223 с.

Лиштованный Е. И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в – 30-е гг. XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 172 с.

Лиштованный Е. И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 2007. – 198 с.

Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – М., 2000. – 320 с.

Майоров А. Вторжение. Чехословакия, 1968 год: свидетельства командарма. – М., 1998.

Майский И. М. Монголия накануне революции. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1959. – 310 с.

Матвеева Г. С. Монгольский революционный союз молодежи: история и современность. – М.: Наука, 1960.

Минасян С. Процессы формирования системы коллективной безопасности стран СНГ: история и перспективы. – Ереван, 2002.

Михалев А. В. Монгольская революция 1921 г. в советской и российской историографии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – 130 с.

Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. – М.: Наука, 2004. – 222 с.

Мошелков Е. Н. Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. – М.: МГУ, 1996. – 152 с.

Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). – Хабаровск, 1997.

Надиоров Ш. Г. Цеденбал. 1984 год. – М.: ИВ ПАН, 1994. – 211 с.

Национальная политика России: история и современность / Под ред. В. А. Михайлова, Р. Г. Абдулатипова, В. А. Тишкова. – М.: Институт этнологии РАН, 1997. – 389 с.

Осипов А. А. Внешняя политика Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во ИМО, 1963.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. – М.: НОФМО, 2005. – 204 с.

Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. – Улан-Батор, 1987.

Петровский В. Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 250 с.

Плешаков К. С. Геоидеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии). – М.: РНФ, 1994. – 107 с.

Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность / Отв. ред. А. Д. Воскресенский. – М.: МОНФ, 2000. – 684 с.

Попов С. П. Существующее состояние и тенденции развития нефтяной и газовой промышленности стран Восточной Азии. – Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2002. – 64 с.

Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М., 1999. – 320 с.

Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). – М.: ИВ РАН, 1999. – 325 с.

Рошин С. К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. – М.: ИВ РАН, 2005. – 160 с.

Саая С. В. Россия – Тува – Монголия: центральноазиатский треугольник в 1921–1944 гг. – Абакан, 2003. – 217 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Сибирь и Кавказ / Сост. А. Д. Богатуров, В. И. Дятлов и др. – М.: НОФМО, 2005. – 340 с.

США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков / Отв. ред. А. И. Уткин. – М.: Наука, 2000. – 192 с.

Троицкий М. А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. – М.: НОФМО, 2004. – 252 с.

Тригубенко М. Е. «Азиатский синдром» социализма. – М.: Наука, 1991. – 128 с.

Улымжиев Д. Б. Путь монгольского аратства к социализму. – Новосибирск, 1987. – 287 с.

Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. – Улан-Удэ, 2000.

Хашбат Л. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. – Улан-Батор: Монгольский ГУ, 2001. – 97 с.

Цибиков Б. Д., Чимитдоржиев Ш. Б. Цыбен Жамцарано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. – Улан-Батор, 2002. – 148 с.

Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1994. – 176 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа. – Улан-Удэ, 2000.

Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 216 с.

Ширендэб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. – М., 1971.

- Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ, 1998.
- Яскина Г. С. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку. – М.: ИВ РАН, 1998. – 229 с.
- Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – 370 с.
- Академич Базарын Шырендыв (Академик Базарын Шырендыб). – Улаанбаатар, 1997.
- Баабар Б. Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь – погибнешь). – Улаанбаатар, 1990.
- Балдоо Б. Монгол улсын гадаад харилцаа. XX зууны эхэн ба төгсгөл үе (Внешние связи Монголии. Начало и конец XX века). – Улаанбаатар, 2003. – 285 с.
- Балдоо Б., Дамдинсүрэн С., Хайсандай Л. Монголын тусгаар тогтнол ба Орос, Хятадын хүчин зүйл (Независимость Монголии и российско-китайский фактор). – Улаанбаатар, 1999. – 403 с.
- Бат-Очир Л. Чойбалсан. – Улаанбаатар, 1996.
- Батсайхан О. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ (Сложности на пути развития Монголии. 1921–1932). – Улаанбаатар, 1997. – 263 с.
- Баярхуу Д. Монгол улсын гадаад бодлого, олон улсын харилцааны туушийн зарим асуудал (Некоторые вопросы международных отношений и внешней политики Монголии). – Улаанбаатар, 1996. – 182 с.
- Баярхуу Д. Олон улсын харилцаа, геополитикийн сонирхол (Международные отношения и геополитические интересы). – Улаанбаатар, 2000.
- Безгжав Л. Монгол, Хятадын харилцаа (Отношения между Монголией и Китаем) (1949–1999). – Улаанбаатар, 2001. – 180 с.
- Болд Р. Монголын аюулгүй байдлын орчин, батлан хамгаалах бодлогын зарим асуудалд (Состояние безопасности и некоторые проблемы оборонной политики Монголии). – Улаанбаатар, 1996.
- Галиймаа Н. XX зууны Монгол, Америкийн харилцаа: үүсэл, хөгжил, тулгамдаж байсан асуудлууд (Монголо-американские отношения в XX веке: возникновение, развитие и стоявшие перед ними проблемы). – Улаанбаатар, 2001. – 136 с.
- Гэрэл сүүдэр: Ю. Цэдэмбалын хувийн тэмдэглэлээс (Свет и тень: из личных заметок Ю. Цеденбала). – Улаанбаатар, 1992.
- Дамдинсүрэн С. МАХН дэлхийн коммунист хөдөлгөөтэй холбоо тогтоож хөгжүүлсэн (Образование союза МНРП и мирового коммунистического движения). 1921–1940. – Улаанбаатар, 1971.
- Дамдинсүрэн С. Монгол тусгаар тогтнол: эрин зууны баталгаажилт (Независимость Монголии: вечные гарантии). – Улаанбаатар, 2001. – 216 с.
- Дүгэрсүрэн М., Гомбосүрэн Ц. XX зууны Монголын гадаад бодлогын түүхын тойм (Обзор истории внешней политики Монголии в XX веке). – Улаанбаатар, 2004. – 220 с.

Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). – Улаанбаатар, 1995. – 181 с.

Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа (Монголо-российские отношения. Политика регионального развития и сотрудничества) / Ред. С. Дамдинсүрэна, К. Дэмбэрэла. – Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн олон улс судлалын хүрэлээн, 2005. – 216 с.

Монгол ба их гүрнүүд XX зууны эхний хагаст (Хиагтаас Ялта хүртэл: Сталин, Чан Кайши, Монголын тусгаар тогтнол (Монголия и великие державы в первой половине XX века. От Кяхты до Ялты: Сталин, Чан Кайши и независимость Монголии) / Ц. Батбаяр. – Улаанбаатар, 2006. – 345 с.

Пунцагноров Ц. Монголын автономийн Үеийн түүх (История Монголии периода автономии). – Улаанбаатар, 1955.

Төв Азийн геополитик. Монгол улс (Центрально-азиатская геополитика и Монголия). – Улаанбаатар, 2003.

XX зууны Монгол. Туухийн тойм (Монголия XX века. Обзор истории) / Ред. Л. Санждорж. – Улаанбаатар, 1995.

Baabar B. Twentieth Century Mongolia. – Cambridge: White Horse Press, 1999.

Bawden C. R. The Modern History of Mongolia. – London, 1968. – 460 p.

Elleman B. A. Diplomacy and Deception. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations. 1917–20. – Armonk, 1997. – 218 p.

Gaddis J. L. We now know. Rethinking Cold War History. – Oxford, 1997.

Gilpin R. The Political Economy of International Relations. – Princeton: Princeton University Press, 1987. – 391 p.

Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twenty Century. – Norman and London, 1992. – 371 p.

International Relations Theory and Asia-Pacific / G. J. Ikenberry and M. Mastantado (eds.). – N. Y. Columbia University Press, 2003. – 450 p.

Kaplonsky C. Truth, History and Politics in Mongolia. The Memory of Heroes. – London and N. Y., 2004. – 217 p.

Kissinger H. The White House Years. – Boston, 1979. – 427 p.

Knudsen O. Eastern Europe: the Buffer Effect of a Cordon Sanitary // Buffer States in World Politics. Boulder, CO: Westview Press, 1986.

Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia revisited. – New-York: Oxford University Press, 1962. – 238 p.

Murphy G. Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite. – Los Angeles, 1968. – 210 p.

Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N. Y. Public Affairs, 2004.

Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 till Nowadays. – N. Y.: Pica-Press, 1975. – 410 p.

Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. – Los Angeles; London: University of California Press, 2005. – 397 p.

Rupen R. Mongolian People's Republic. – Stanford, 1966. – 74 p.

Rupen R. Mongols of the Twentieth Century. – The Hague, Mouton: Indiana University Press, 1964. – 326 p.

Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic. 1900–1978. – Stanford: Hoover Institution Press, 1979. – 225 p.

Sanders A. Mongolia. Politics, Economy and Society. – Oxford, London, 1987. – 179 p.

Talbott S. Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. – N. Y.: Random House, 2002. – 318 p.

Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911–1931. – Durham, 1959. – 271 p.

Walt S. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1984.

Waltz K. Theory of International Politics. – Readings: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

Статьи и сборники статей

Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // Международные отношения. – 2003. – № 2. – С. 46–58.

Арбатов А. Новые и старые границы России: военное измерение // МЭиМО. – 1992. – № 8. – С. 16–29.

Балхаажав Ц. Перестройка и наш ориентир // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 8. – С. 24–26.

Батбаяр Ц. Наследие Чингисхана и геополитика современной Монголии // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 3–5 октября 2002 года). – Улан-Удэ, 2003. – С. 167–173.

Батсайхан О. К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001.

Белов Е. А., Лузянин С. Г. О концепции «монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики» // Восток: афро-азиатские общества: история и современность. – 2000. – № 1. – С. 40–51.

Богатуров А. Д. Смена порядков в международной системе. 1945–2003 / Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. – Т. 3. События 1945–2003 / Под ред. А. Д. Богатурова. – М.: НОФМО, 2003. – С. 9–16.

Богатуров А. Д. Российский Дальний Восток в новых геопропространственных измерениях Восточной Евразии // МЭиМО. – 2004. – № 10. – С. 90–98.

Богатуров А. Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2007. – № 1. – С. 54–69.

Бойкова Е. В. О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: Сб. ст. – М.: РИСИ, 1998. – С. 63–78.

Бойкова Е. В. Проблема перехода на старомонгольскую письменность в Монголии: политический аспект // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 11–15.

Бойкова Е. В. К вопросу о культурном взаимодействии России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 года. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 62–67.

Бойкова Е. В. Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001.

Вардомский П. В. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. – 2000. – № 2.

Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 21–33.

Гайдук И., Маринин О. Война во Вьетнаме и советско-американские отношения // Холодная война. Новые подходы, новые документы. – М., 1995. – С. 371–390.

Ганжуров Д. В. Китайский фактор в российско-монгольских отношениях // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 21–24.

Ганзориг Д. К вопросу об урегулировании задолженности Монголии перед Российской Федерацией // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 220–229.

Гельман И. А. Постсоветские политические трансформации // Полис. – 2001. – № 1. – С. 17–31.

Гербова А. Процесс становления нового общества в Монголии // Монголия: трудный путь к рынку. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 5–16.

Гольман М. И. Международный форум монголоведов // Восток: афроазиатские исследования. – 1998. – № 1. – С. 153–160.

Гольман М. И. К вопросу о национальной консолидации монголов // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива: Материалы конференции. – М., 1997

Гольман М. И. Весна обновления: сегодняшний день Монголии // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 11. – С. 18–23.

Гольман М. И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 248–269.

Грайворонский В. В. Исторический выбор // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 7. – С. 32–37.

Грайворонский В. В. Десять лет по пути реформ // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 1. – С. 12–17.

Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере Монголии (1990–2005 гг.) // IX международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 года): Доклады российских ученых. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 42–47.

Гринберг Р. С. Почему нет СЭВа и чему учит его опыт // Российский экономический журнал. – 1999. – № 4. – С. 79–81.

Гурбадам Ц., Бат-Очир П. Размышления об идее панмонголизма // Монголоведные исследования. – Вып. 4. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. – С. 146–169.

Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – № 1. – С. 69–80.

Дацышен В. А. Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // Международные процессы. – 2005. – № 1.

Джагаева О. А. Россия и Монголия: новый этап культурного сотрудничества // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 5. – С. 56–59.

Жабаева Л. Б. Из истории советско-монгольских экономических отношений в 1920-е годы // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение / Материалы научных круглых столов в Москве и Улан-Удэ в 2004 году. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2005. – С. 83–90.

Железняков А. С. К вопросу об отношении Коминтерна к панмонголизму // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты (История. Археология. Культура. Антропология и этнография). – М., 1996.

Железняков А. С. Монголия социалистическая и постсоциалистическая // Восток. – 1996. – № 6. – С. 107–110.

Железняков А. С. Монгольский коммунизм: внутренние мотивы // VII международный конгресс монголоведов. – Улан-Батор, 1997. – С. 26–30.

Железняков А. С. Размышления о внешней политике Монголии в XX веке // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 164–183.

Железняков А. С. Россия в монгольском треугольнике. Конкуренция требует внешнеполитической инициативы // Политический журнал. – 2004. – № 8. – С. 42–44.

Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–26.

Козырев В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР // Международные процессы. – 2006. – № 2. – С. 59–78.

Колосов В. В. Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. – 2003. – № 3. – С. 44–59.

Колосов В. В., Туровский Р. Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Сер. Геогр. – 1998. – № 1.

Колосов В. В., Туровский Р. Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. – 2000. – № 3. – С. 40–60.

Корсун В. А. Китайский «мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // Китай в мировой политике. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2001. – С. 172–199.

Косолапов Н. А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях. Очерки теории и методологии анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. – М.: НОФМО, 2002. – С. 172–189.

Кулагин В. М. Политические режимы и внешняя политика // Pro et Contra. – 2003. – № 1. – С. 137–151.

Кундышев Я. Монголия и АТР // Монголия: трудный путь к рынку. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 68–79.

Курас Л. В., Бабаков В. В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) // Вестник БГУ. Сер. История. – Улан-Удэ, 1997.

Кучик А., Гогоша О. Мотивации государств Центрально-Восточной Европы в иракском кризисе // Международные процессы. – 2007. – № 3. – С. 116–122.

Ломагин Н. «Мягкая» безопасность в представлениях федеральных и региональных элит (на примере северо-западных областей России) // Международные процессы. – 2003. – № 2. – С. 108–115.

Лувсанбалдан Э. Х. Чойбалсан приложил немало усилий для укрепления границы // Монголия сегодня. – 2005. – 19 марта.

Лувсандэндэв А. О судьбах монгольского языка // Проблемы Дальнего Востока. – 1992. – № 5. – С. 64–67.

Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 годов // Восток: афро-азиатские исследования. – 1996. – № 1. – С. 65–76.

Лузянин С. Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов // Китай в мировой политике. – М.: МГИМО, 2001. – С. 311–336.

Мальгин А. В. К обеспечению региональной стабильности в СНГ // Россия и международные режимы безопасности. – М.: МОНФ, 1998. – С. 29–38.

Мальгин А. В. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. – 2001. – № 4. – С. 51–65.

Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М.: МОНФ, 2000. – С. 336–368.

Мельвиль А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформации // Полис. – 2004. – № 2. – С. 53–79.

Миллер А. Центральная Европа: история концепта // Полис. – 1996. – № 4. – С. 119–124.

Морозова И. Ю. Социальные проблемы истории Монголии XX века // Владимирцовские чтения-IV: Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 года). – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 79–81.

Мясников В. С. Россия в новом концерте государств Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 1992. – № 5. – С. 3–18.

Надилов Ш. Г. Горбачев и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и ее последствия // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 года. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 114–125.

Надилов Ш. Г. Приверженец идеи ненасилия // IX международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 года): Доклады российских ученых. – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 118–125.

Най Д., Кохейн Р. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., ред. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002.

Окнянский В. В. Российско-монгольское приграничное и межрегиональное сотрудничество // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: Сборник статей. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 230–241.

Петровский В. Е. Безопасность на основе сотрудничества в Северо-Восточной Азии: потенциальная роль России // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 2.

Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2-х томах. – Т. 1 / Сост. Т. А. Шакина. – М.: МОНФ, 1999. – С. 179–195.

Прокофьева Т. А. Стратегические аспекты развития транспортно-логистической инфраструктуры и формирования коммуникационно-транспортного кластера в Республике Бурятия // Научно-практическая конференция «Россия – Монголия: развитие социально-экономического сотрудничества двух стран», 11 мая 2007 года. – М.: РАГС, 2007. – С. 64–79.

Пурэвдорж Ч. Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. – М.: РИСИ, 1998. – С. 49–62.

Саймс Д. 1997 год прошел без драматических потрясений // *Международная жизнь*. – 1997. – № 11–12. – С. 16–17.

Свешников А. А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников: Информационный бюл. – М.: ИДВ РАН. – 1999. – № 1. – С. 12–38.

Симония Н. А. Размышляя о внешней политике России // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1993. – № 2. – С. 3–14.

Соколинский В., Сонинтамир Н. Трансформация восточного общества: опыт Монголии // *МЭМО*. – 2001. – № 3 – С. 104–110.

Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР // *Китай в мировой политике*. – М.: МГИМО, 2001. – С. 144–171.

Тарасов И. В. Европейское единство: испытание Востоком // *Международные процессы*. – 2007. – № 1. – С. 70–81.

Титаренко М. Л. Северо-Восточная Азия после «холодной войны» и интересы России // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1994. – № 5. – С. 17–28.

Удалов В. В. Баланс сил и баланс интересов // *Международная жизнь*. – 1990. – № 5. – С. 16–25.

Улымжиев А. Д. Основные черты государственного строя МНР по Конституции 1940 г. // *Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение: Материалы научных круглых столов в Москве и Улан-Удэ в 2004 году*. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2005. – С. 107–112.

Хэмфри К. Поездка в Авгай-Хад, или Воровство и общественное доверие в посткоммунистической Монголии // *Вестник Евразии*. – 1995. – № 1. – С. 64–74.

Цолмон Д. О некоторых подходах к проблемам глобализации // *Олон улсын харилцаа (Международные отношения)*. – 2003. – № 3. – С. 35–45.

Эрдэнэбат Б. Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности*. – М.: РИСИ, 1998. – С. 79–90.

Яковлев А. Г. Международно-политическая стабильность в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1995. – № 2. – С. 3–13.

Яскина Г. С. Жизненный уровень населения в период реформы // *Монголия: трудный путь к рынку: Сборник статей*. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 30–39.

Яскина Г. С. Политические реформы в современной Монголии // *Проблемы Дальнего Востока*. 1995. – № 5. – С. 43–51.

Яскина Г. С. Западная цивилизация и азиатские реалии: опыт Монголии // *Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2–5 июня 2001 года*. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 35–42.

Яскина Г. С. К вопросу об исторических судьбах социализма в странах Азии // Восток: афро-азиатские исследования. – 2002. – № 3. – С. 28–42.

Яскина Г. С. Россия – Монголия. Прагматизм – основа обновления отношений // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 6. – С. 16–21.

Яскина Г. С. О новых перспективах внешнеэкономической стратегии Монголии на российском направлении // Научно-практическая конференция «Россия – Монголия: развитие социально-экономического сотрудничества двух стран», 11 мая 2007 года. – М.: РАГС, 2007. – С. 44–52.

Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос хойшхи үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с начала 1990-х гг.) // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 2. – С. 90–97.

Безгжав Л. Америкийн сонирхол дахь Монгол (Американский интерес в Монголии) // Олон улс судлал (Международные исследования). – 2002. – № 1. – С. 81–82.

Д. Дамбын ярилцлага (интервью Д. Дамбы) // Үнэн. – 1991. – 31 марта.

Дамдинсүрэн С. Оросын-Монголын шинэ эрин цаг (Новая эра российско-монгольских отношений) // Олон улс судлал. – 2002. – № 2. – С. 5–26.

Дэмбэрэл К. Оросын гадаад бодлого, бизнес (Внешняя политика и бизнес России) // Олон улс судлал. – 2001. – № 2. – С. 30–36.

Железняков А. С. Социологийн судалгааны дүн (Результаты социологического исследования) // Умард хөрш (Северный сосед). – 2007. – № 11. – С. 6–7.

Олзвой Х. Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд (Визит Д. Бейкера в Монголию и произнесенная им фраза о «третьем соседе») // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 1. – С. 166–168.

Олзвой Х. Японы геополитик дахь Монгол (Монголия в японской геополитике) // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 1. – С. 84–88.

Төмөрчулуун Г. Прагматизм – 90-ээд оны Монголын гадаад бодлогын үндэс (Прагматизм как основа внешней политики Монголии в 1990-е гг.) // Дорно – Өрнө (Восток – Запад). – 1993. – № 1. – С. 17–25.

Хайсандай Л. Монгол улсын дэлхий ертөнцийн байдал (Глобальное положение Монголии) // Олон улс судлал. – 2003. – № 2. – С. 5–20.

Энхсайхан Ж. Аюулгүй байдлын гадаад нөхцөл. Монгол улсын бодлого (Внешние условия безопасности. Политика Монголии) // Дорно – Өрнө. – 1994. – № 2.

Энхцэцэг С. Оросын Холбооны Улсын евразийн бодлого // Олон улс судлал. – 2004. – № 2.

Alatalu T. Tuva. A State Reawakens // Soviet Studies. – 1992. – № 44. – P. 886–895.

Altantsetseg N. Russian-Mongolian and Sino-Mongolian Relations since 1990s // Олон улсын харилцаа. – 2003. – № 2. – P. 59–74.

Batbayar Ts. Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges // RSIM. – 2002. – № 17.

Bedeski R.E. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – P. 83–94.

Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics. – 1994. – № 18.

Bulag U., Humphrey C. Some diverse representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // Inner Asia. – 1996. – № 1. – P. 1–23.

Campi A. Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 268–287.

Economic Interdependence and International Conflict: New Perspective on and Enduring Debate / E. D. Mansfield and B. M. Pollins (eds.). – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.

Elleman B. A. Secret Sino-Soviet Negotiations on Outer Mongolia. 1918–1925 // Pacific Affairs. – 1993–1994. – № 4. – P. 519–539.

Enkhsaikhan J. Mongolia's Non-nuclear Status – An Important Element of Foreign Policy // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – P. 14–27.

Ewing T. The Mongolian People's Republic Today // Asian Affairs. – 1980. – № 3. – P. 37–45.

Fish M. S. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post – Communist Studies. – 2001. – № 34. – P. 323–338.

Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // Asian Survey. – 1995. – № 5. – P. 59–71.

Gurbadam Ts. Yumjaagiin Tsedenbal on Mongolia's Independence: Evolution of a Statesman's Stance // Олон улсын харилцаа. – 2003. – № 2. – P. 141–151.

Hishigt N. Contemporary Mongolian – Russian Relations // Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 189–204.

Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1997. – № 4. – P. 43–48.

International Monetary Fund. Mongolia. – Staff Report for the 2002 Article IV Consultation. October 11, 2002. – Washington D. C.: International Monetary Fund, 2002.

Jamsran L. Similarities and differences of the 1911 revolutions in Mongolia and China // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1994. – № 1. – P. 61–63.

Kaplonski C. Reconstructing Mongolian Nationalism: The View Ten Years on // Mongolian Political and Economic Development During the Past Ten Years and Future Prospect / International Conference Hall. – Taiwan, 2000. – P. 328–365.

Kaplonski K. Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia // Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and Northern Europe: Ghosts at the Table of Democracy. – London: Routledge Curzon, 2002. – P. 155–168.

Khaisandai L. Support of the Clinton Administration for Mongolia's Democracy and Renewal // Алтан аргамж (Золотая сбруя). – 2001. – № 4. – P. 85–88.

McFaul M. The Perils of a Protected Transition // Journal of Democracy. – 1999. – № 2.

Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan / Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. – N. Y.; London, 1999.

Naran D. Sino-Russian Relations and Security of Mongolia // Алтан аргамж. – 2000. – № 1. – P. 48–51.

O'Donnel G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. – 1994. – № 1.

Olzvoy Kh. Mongolia and China: Friendship and Friendly Relations Treaties (a Researcher's Analysis) // Алтан аргамж. – 2000. – № 1. – P. 52–59.

Partem M. G. The Buffer System in International Relations // Journal of Conflict Resolution. – 1983. – Vol. 27. – № 1. – P. 4–21.

Radchenko S. S. The Soviets' best friends in Asia: the Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split. – Woodrow Wilson International Centre for Scholars. Working Paper № 42. – Washington, 2003. – P. 2–30.

Rahul R. Mongolia between Russia and China // Asian Survey. – 1978. – № 7. – P. 659–665.

Rupen R. Mongols of the 21st Century // Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Chinese Culture University, Taiwan, 2004. – P. 5–29.

Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey. – 2002. – № 21. – P. 19–36.

Sanders A. Mongolia 1990: a New Dawn // Asian Affairs. – 1991. – № 2. – P. 53–61.

Severinghaus Sh. R. Mongolia in 1994. Strengthening Democracy // Asian Survey. – 1995. – № 1. – P. 70–75.

Severinghaus S. Mongolia in 1995: Gearing Up for the 1996 Election // Asian Survey. – 1996. – № 16.

Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations. – RAND Report [R-2154 – AF]-Santa Monica, 1977. – P. 49–82.

Tillet L. The National Minorities Factor in the Sino-Soviet Dispute // Orbis. Journal of World Affairs. – 1977. – № 2. – P. 241–242.

Tumurchuluun G. Mongolia's foreign policy revisited: it's relations with Russia and China in the 1990s // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – № 2. – P. 12–33.

Vandenbosch A. The Small States in International Politics and Organization // The Journal of Politics. – 1964. – № 2. – P. 293–312.

Джагаева О. А. Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921–2005 гг.): Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Волгоград, 2006.

Ефремова К. А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений (на примере Китая, Индии и Мьянмы): Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2004.

Коногоров Н. М. Современное состояние и перспективы развития российско-монгольских торгово-экономических отношений: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М., 1999.

Отгонбаяр Ё. История и основные тенденции формирования концепции безопасности малых стран: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2003.

Тумурчулуун Г. Процесс принятия внешнеполитических решений в малых государствах: на примере Монголии: Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2000.

Цацрал Г. Особенности формирования партий и партийных систем России и Монголии в условиях политической трансформации: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2006.

Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития (политические и экономические реформы): Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 1994.

Периодические издания

Журналы

Азия и Африка сегодня

Вестник Евразии

Восток: афро-азиатские исследования

Дипломатический вестник

Международная жизнь

Международные процессы

Мировая экономика и международные отношения

Полис

Проблемы Дальнего Востока

Российский экономический журнал

Эксперт

Алтан аргамж (Золотая сбура)

Дорно – Өрнө (Восток – Запад)

Олон улс судлал (Международные исследования)
Олон улсын харилцаа (Международные отношения)
Умард Хөрш (Северный сосед)
Asian Survey
Inner Asia
Pro et Contra
Soviet Studies
The Journal of Conflict Resolution
The Journal of Democracy
The Journal of Politics
The Mongolian Journal of International Affairs

Газеты

Ведомости
Известия
Независимая газета
Новая газета
Новости Монголии
Номер один
Ардын Эрх (Право народа)
Зууны Мэдээ (Восточный вестник)
Өдрийн Сонин (Ежедневная газета)
Өнөөдөр (Сегодня)
Үнэн (Правда)
The New York Times
The Washington Times
Yomiuri Shimbun

Электронные источники информации

<http://www.allmedia.ru>. (Российский деловой портал)
<http://www.businesspravo.ru>. (Законодательство РФ)
<http://www.centran.ru>. (Центрально-азиатские новости)
<http://www.centrasia.ru>. (Электронный информационный портал «ЦентрАзия»)
<http://www.finmarket.ru>. (Информационное агентство «Финмаркет»)
<http://www.i38.ru>. (Информационное региональное агентство «Восток-Телеинформ»)
<http://itar-tass.ru>. (ИТАР-ТАСС)
<http://www.kremlin.ru>. (Официальный сайт Президента России)

<http://www.lenta.ru>. (Электронное информационное издание «Лента.ру»)

<http://www.mid.ru>. (Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ)

<http://www.mongolmessenger.mn>. (Электронная англоязычная газета «The Mongol Messenger»)

<http://www.montsame.mn>. (Монгольское телеграфное информационное агентство)

<http://www.owasia.ru>. (Дайджест монгольской прессы)

<http://www.rian.ru>. (Российское информационное агентство «Новости»)

<http://www.regnum.ru>. (Информационное агентство «REGNUM»)

<http://www.ubpost.mn>. (Электронная англоязычная газета «Ulaanbaatar Post»)

<http://www.zabinfo.ru>. (Забайкальское информационное агентство)

Улан-Баторская декларация⁴³⁹

Принята Президентом России Владимиром Путиным и Президентом Монголии Нацагйином Багабанди 14 ноября 2000 г.

По приглашению Президента Монголии Н. Багабанди Президент Российской Федерации В. В. Путин 13–14 ноября 2000 года совершил официальный визит в Монголию.

Руководители двух государств провели обстоятельный обмен мнениями по широкому кругу вопросов двусторонних отношений и по представляющим взаимный интерес международным проблемам. Состоявшиеся в Улан-Баторе встречи и переговоры руководителей Российской Федерации и Монголии являются важным этапом в развитии традиционно дружественных отношений между двумя странами.

1. Россия и Монголия подтверждают приверженность Договору о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 года. Они едины в понимании того, что поступательное продвижение российско-монгольского сотрудничества в начинающемся столетии в различных сферах должно строиться в соответствии с положениями Устава ООН, нормами международного права и справедливости, на принципах уважения суверенитета, равноправия, взаимной выгоды, территориальной целостности, а также на основе сформировавшихся в течение многих десятилетий традиций дружбы и добрососедства.

Исходя из убеждения в необходимости построения многополюсной структуры мира и подчеркивая особую важность безблочного развития межгосударственных отношений в Азии, Стороны вновь подтверждают, что не будут участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга, и обязуются не заключать с третьими странами каких-либо договоров и соглашений, противоречащих интересам суверенитета и независимости другой Стороны.

Ни одна из Сторон не допустит, чтобы ее территория была использована третьим государством в целях агрессии или иных насильственных действий, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и общественному порядку другой Стороны.

⁴³⁹ <http://www.kremlin.ru>.

2. Стороны придают важное значение поддержанию в дальнейшем регулярных встреч на высшем и высоком уровнях и сотрудничеству между правительственными органами, в том числе в рамках Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

3. Стороны приветствуют развитие региональных и приграничных контактов и приложат усилия для совершенствования правовых основ дальнейшего их расширения и углубления. Монгольская сторона заинтересована в активном взаимодействии с региональными структурами Российской Федерации, в том числе с Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение».

4. Констатируя наличие значительного потенциала для наращивания торгово-экономического сотрудничества, президенты России и Монголии поручили соответствующим органам исполнительной власти в своих странах в конструктивном ключе рассмотреть вопросы либерализации и расширения взаимной торговли, включая установление льготных железнодорожных тарифов, таможенных пошлин и других сборов, в рамках начатых переговоров по этим вопросам с тем, чтобы завершить их в 2001 году.

5. Рассматривая экономическое сотрудничество друг с другом и как составную часть налаживающегося регионального взаимодействия в Северо-Восточной Азии, в Москве и Улан-Баторе большое значение придают устремленным в XXI век крупным энергетическим проектам в регионе – сооружению магистральных газо- и нефтепроводов и линий электропередачи. Российская сторона выступает за участие Монголии в таких проектах с учетом экономических и географических факторов. Важнейшим направлением Стороны считают сотрудничество стран – членов ЭСКАТО в области транспорта и в этой связи приглашают все заинтересованные стороны к использованию Транссибирской магистрали и Монгольской железной дороги в целях оптимизации транспортных маршрутов между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Стороны согласились продолжить трехсторонние экспертные консультации по заключению основного (рамочного) Соглашения о транспортных перевозках между Российской Федерацией, Монголией и Китайской Народной Республикой, понимая при этом необходимость совершенствования существующих механизмов в области транспортных перевозок на национальном, двустороннем и международном уровнях.

6. Стороны высказались за повышение эффективности работы и модернизацию крупнейших совместных российско-монгольских предприятий – «Эрдэнэт», «Монголросцветмет» и «УБЖД», составляющих жизненно важную часть монгольской экономики. Они также условились всячески поощ-

рять взаимные инвестиции путем создания новых совместных предприятий на основе различных форм собственности, а также через участие хозяйствующих субъектов обеих стран в приватизационных проектах в России и Монголии. Стороны сочли целесообразным разработать программу развития сотрудничества в области промышленности, возобновить взаимовыгодное сотрудничество в развитии сельскохозяйственного производства Монголии.

7. Стороны рассмотрели вопросы сотрудничества в области поставок российских энергоносителей в Монголию с учетом необходимости придания им стабильного характера на основе ежегодных Протоколов о торгово-экономическом сотрудничестве.

8. Важным направлением сотрудничества двух стран в контексте современного мирового развития являются охрана природы и экологическая безопасность. Стороны будут активно взаимодействовать в борьбе против лесных и степных пожаров, стихийных бедствий и возможных техногенных катастроф.

9. Россия и Монголия привержены сохранению и упрочению традиционных уз духовной и культурной близости между народами двух стран. Они будут поощрять контакты между людьми, общественными, научными, спортивными и молодежными организациями двух стран. Российская сторона будет и впредь оказывать содействие в подготовке монгольских национальных кадров в российских высших учебных заведениях. Стороны будут поддерживать сотрудничество в деле изучения русского и монгольского языков, исторического и культурного наследия друг друга.

10. Стороны договорились поручить соответствующим министерствам и ведомствам продолжить проработку вопросов либерализации условий взаимных поездок граждан, улучшения их визового обслуживания, расширения круга лиц, которым визы выдаются на бесплатной основе или с существенными скидками.

11. Выражая свое удовлетворение укреплением взаимодействия между Советом Безопасности Российской Федерации и Советом Национальной Безопасности Монголии, Стороны выступили за дальнейшую совместную работу и координацию действий в области национальной и международной безопасности на основе Протокола о сотрудничестве советов безопасности двух стран.

12. Стороны подчеркнули важность восстановления военного и военнотехнического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров. Сотрудничество в этих областях будет осуществляться в строгом соответствии с международными обязательствами Сторон.

13. Россия и Монголия придают большое значение завершающейся работе Смешанной российско-монгольской комиссии по проверке государственной границы между Российской Федерацией и Монголией с целью более четкого и ясного обозначения линии границы, особенно в местах интенсивной хозяйственной деятельности приграничного населения Сторон.

14. Стороны будут проводить совместные и скоординированные действия правоохранительных, пограничных, таможенных органов и специальных служб двух стран по обеспечению должного порядка на российско-монгольской границе, включая взаимодействие по предотвращению фактов угона скота.

15. Стороны констатировали общность или близость подходов к ключевым проблемам современности, высказались за наращивание взаимодействия в мировых делах, за тесное сотрудничество в ООН и других международных организациях. Стороны с удовлетворением отметили важное значение Саммита тысячелетия, решения которого четко подтвердили непреходящее значение Устава ООН, центральную роль ООН в поддержании международного мира и безопасности, в мирном урегулировании конфликтов, важность укрепления устоев международного права. Они считают, что вызовы XXI века преодолимы лишь коллективными усилиями международного сообщества на путях строительства неконфронтационного, стабильного, демократического правопорядка, учитывающего национальные особенности и самобытность каждого народа, богатство национальных культур и традиций.

16. Стороны выступают за повышение эффективности и дееспособности ООН как уникальной международной организации, несущей главную ответственность за обеспечение мира и безопасности. Россия и Монголия будут способствовать превращению ее в ключевой инструмент коллективного регулирования международных отношений. Россия и Монголия заинтересованы в повышении эффективности миротворческих механизмов ООН, считают приоритетными политико-дипломатические методы урегулирования кризисных ситуаций, подтверждают приверженность принципам верховенства международного права. В то же время Стороны поддерживают предложение Генерального секретаря ООН о необходимости перехода «от культуры реагирования к культуре предотвращения» вооруженных конфликтов. Россия и Монголия будут вносить свой вклад в реализацию заключительной Декларации Саммита тысячелетия.

Они выступают за такую адаптацию ООН к современным реалиям, которая не расшатывала бы ее основополагающие принципы, за проведение рациональной реформы Совета Безопасности ООН на основе максимально широкого согласия ее членов по всем ключевым аспектам.

17. Стороны обменялись мнениями по проблеме глобализации. Они считают процесс глобализации объективным явлением, имеющим несомненные положительные стороны, предоставляющим дополнительные возможности социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов. Вместе с тем необходимы серьезные усилия мирового сообщества для преодоления порождаемых глобализацией новых опасностей, нередко проявляющихся в дальнейшем разрыве в уровне благосостояния между богатыми и развивающимися странами.

18. Стороны приветствуют подтвержденные на конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия обязательства государств, обладающих ядерным оружием, в отношении практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий в деле ядерного разоружения в соответствии со статьей VI Договора. Стороны подтвердили свою приверженность укреплению режима нераспространения ОМУ, выразили надежду на присоединение всех государств к ДНЯО, ДВЗЯИ, Конвенции о запрещении химического оружия, на успех переговоров о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, указали на важность соблюдения общепризнанных международных норм при осуществлении национальных ракетных программ.

19. Выступая за дальнейшее укрепление стратегической и региональной стабильности, Россия и Монголия важное значение придают скорейшему вступлению в силу и выполнению в полном объеме Договора СНВ-2 и заключению Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора 1972 года по ПРО как краеугольного камня стратегической стабильности, основы дальнейших сокращений ядерных вооружений. Монголия поддерживает усилия Российской Федерации по недопущению ревизии Договора 1972 г. по ПРО, выражает обеспокоенность в связи с планами развертывания национальных или замкнутых блоковых систем ПРО. Реализация таких планов имела бы пагубные последствия для международного мира, привела бы к возобновлению гонки вооружений, от которой в первую очередь пострадали бы развивающиеся страны.

20. Россия подтверждает приверженность совместному Заявлению стран ядерной «пятерки» о гарантиях безопасности Монголии в связи с ее безъядерным статусом. Монгольская сторона выразила признательность Российской стороне за усилия по утверждению безъядерного статуса Монголии и расширению международного признания такого статуса. Стороны поддерживают усилия стран Центральной Азии по созданию в этом регионе зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), и считают, что в совокупности с безъядерным статусом Монголии они способствуют успешной реализации целей упрочения режима ядерного нераспространения на Азиатском континенте.

21. Монголия поддерживает инициативы Президента Российской Федерации В. В. Путина о проведении весной будущего года в Москве под эгидой ООН международной конференции по предотвращению милитаризации космоса в связи с 40-й годовщиной первого космического полета, а также об исключении из использования в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония.

22. Россия и Монголия выступают за тесную координацию усилий обеих стран в вопросах мира, безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они позитивно оценивают роль регионального форума АСЕАН, выражают намерение вносить достойный вклад в его работу. Высказана полная поддержка сложившимся в АТР как официальным, так и неформальным диалоговым структурам, подчеркнуто их значение для дальнейшей активизации многосторонней деятельности по решению актуальных проблем региональной безопасности и сотрудничества. Россия всецело поддерживает стремление Монголии стать членом АТЭС. Стороны обратили особое внимание на отсутствие в Северо-Восточной Азии межгосударственного механизма по вопросам безопасности и сотрудничества и высказались за интенсификацию диалога по всем каналам, направленного на его создание.

Россия и Монголия приветствуют итоги состоявшейся в Пхеньяне 13–15 июня 2000 года межкорейской встречи на высшем уровне и выражают надежду на дальнейшее развитие процесса примирения и сотрудничества на Корейском полуострове. Они убеждены в том, что сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове является важным условием стабильности в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В этом контексте они высказались против любых односторонних или многосторонних действий, которые порождали бы взаимное недоверие между государствами в этой части земного шара.

23. Российская сторона проинформировала Монгольскую сторону о целях, задачах и деятельности Шанхайского форума как организации, открытой к широкому международному сотрудничеству. Монгольская сторона проявила интерес к работе форума и заявила, что рассмотрит вопрос о возможности подключения к его работе в той или иной форме.

24. Стороны подтверждают стремление совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом, представляющими угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию, а также с такими формами преступной деятельности, как незаконный оборот оружия и наркотиков, незаконная миграция.

25. Стороны подтверждают, что Декларация не направлена против какого-либо другого государства или группы государств и их прав.

Президент Российской Федерации В. В. Путин выразил признательность за теплый прием в Улан-Баторе и пригласил Президента Монголии Н. Багабанди посетить Россию в удобное для него время. Приглашение было принято с благодарностью.

г. Улан-Батор, 14 ноября 2000 года

Президент Монголии
Н. Багабанди

Президент Российской Федерации
В. В. Путин

Московская декларация⁴⁴⁰

Принята Президентом России Владимиром Путиным и Президентом Монголии Намбарыном Энхбаяром 8 декабря 2006 года в Москве

По приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина Президент Монголии Н. Энхбаяр 4–9 декабря 2006 года посетил с официальным визитом Российскую Федерацию.

В ходе переговоров, прошедших в открытой и доверительной атмосфере, руководители двух стран подвели итоги развития двусторонних отношений за период с принятия 14 ноября 2000 года Улан-Баторской декларации, обсудили вопросы дальнейшего развития и углубления российско-монгольских отношений, обменялись мнениями по актуальным региональным и международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

1. Российская Федерация и Монголия подтверждают свою приверженность исторически сложившимся отношениям традиционной дружбы и взаимного доверия между народами двух стран и, руководствуясь Договором о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 года, будут последовательно наращивать масштабы, обогащать содержание, добиваться повышения эффективности двустороннего взаимодействия в духе отношений стратегического партнерства, предполагающего вывод многогранных связей между двумя странами на еще более высокий и качественно новый уровень.

Стороны едины в понимании того, что российско-монгольское сотрудничество во всех сферах должно развиваться на основе уважения принципов суверенного равенства, взаимной выгоды, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права.

2. Придавая важное значение укреплению сложившегося в последние годы механизма межгосударственных политических контактов, Стороны отмечают особую роль регулярного российско-монгольского политического диалога на высшем и высоком уровнях, обеспечивающего динамизм и конструктивную направленность двусторонних отношений, высказываются за их обогащение новым содержанием, а также за дальнейшее развитие практики

⁴⁴⁰<http://www.kremlin.ru>.

двусторонних внешнеполитических и иных консультаций между исполнительной и законодательной властями двух стран.

Стороны с удовлетворением констатировали, что урегулирование в 2003 году вопроса о задолженности Монголии в переводных рублях открыло новые возможности для наращивания всестороннего взаимодействия между двумя странами.

Стороны подтверждают готовность диверсифицировать отношения в различных сферах и подчеркивают важность совершенствования в этих целях договорно-правовой базы отношений между Российской Федерацией и Монголией. В этом контексте выражено удовлетворение в связи с тем, что в ходе визита подписаны следующие документы:

- Договор между Российской Федерацией и Монголией о режиме российско-монгольской государственной границы;

- Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 годы;

- Протокол об активизации сотрудничества между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Государственным управлением по чрезвычайным ситуациям Монголии;

- Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством дорог, транспорта и туризма Монголии;

- * – Программа сотрудничества между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции и внутренних дел Монголии на 2007–2008 годы;

- Меморандум между Федеральной миграционной службой (ФМС России) и Государственным центром гражданской регистрации и информации Монголии о взаимопонимании и сотрудничестве в деле миграции;

- Программа сотрудничества между Федеральным агентством по культуре и кинематографии (Российская Федерация) и Министерством образования, науки и культуры Монголии на 2006–2008 годы;

- Соглашение между Федеральным государственным унитарным предприятием «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» и Монгольским телеграфным агентством МОНЦАМЭ о сотрудничестве в области информации.

3. Стороны провели обстоятельный и продуктивный обмен мнениями по вопросам развития двусторонних торгово-экономических связей. Констатируя взаимодополняемость экономик двух стран и наличие широких воз-

возможностей для дальнейшего расширения торгово-экономического сотрудничества.

Стороны высказали твердое намерение прилагать усилия для взаимного развития и процветания.

Стороны пришли к согласию о необходимости стремиться к широкой кооперации в различных отраслях экономики, прежде всего в топливно-энергетическом секторе, геологии и горно-рудной промышленности, транспортной сфере, в области сельского хозяйства, а также в развитии финансовых и банковских структур и реализации совместных инвестиционных проектов в соответствии с новыми международными стандартами и экономическими реалиями.

Стороны едины в том, что должны быть предприняты совместные усилия по наращиванию объемов взаимной торговли, созданию благоприятных условий для взаимных инвестиций и обеспечения гарантий их защиты в рамках национального законодательства двух стран.

Стороны положительно оценивают работу Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и заинтересованы в дальнейшем повышении эффективности ее деятельности с целью существенного увеличения взаимного товарооборота и диверсификации взаимной торговли, а также активизации инвестиционного сотрудничества.

Стороны подтвердили заинтересованность в наращивании потенциала совместных предприятий «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет», вносящих существенный вклад в двустороннее сотрудничество и развитие монгольской экономики, повышении их эффективности за счет технического перевооружения, совершенствования совместного управления, реализации перспективных инвестиционных проектов.

Стороны, отметив важное значение совместного акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога» в развитии сотрудничества между двумя странами, признали необходимость модернизации УБЖД, рационализации структуры управления и обновления договорной базы ее деятельности, а также проработки вопросов обеспечения стабильного роста транзитных грузоперевозок по Улан-Баторской железной дороге между Россией и Китаем, включая меры тарифного регулирования.

Стороны высказались за поощрение связей между регионами обеих стран, приграничного сотрудничества и торговли, развитие и совершенствование в этих целях приграничной инфраструктуры, упрощение правил и процедур для взаимных поездок граждан обеих стран, использование к взаимной

выгоде новых возможностей, открывающихся в результате интеграционных процессов в мировой экономике.

Стороны договорились продолжить сотрудничество в области предупреждения и ликвидации промышленных аварий и стихийных бедствий, в том числе в приграничных районах России и Монголии. Российская сторона будет оказывать содействие Монголии в обучении кадров для национальной спасательной службы, обеспечении специальной техникой, инструментами, оборудованием на взаимовыгодной основе.

Россия и Монголия будут развивать сотрудничество в области охраны окружающей среды для обеспечения взаимной экологической безопасности и совместного предотвращения загрязнений, затрагивающих территории обеих стран.

4. Российская Федерация и Монголия, приверженные сохранению и упрочению традиционных уз духовной и культурной близости народов двух стран, будут сотрудничать в гуманитарной области путем увеличения числа монгольских студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации, подготовки и переподготовки специалистов, обмена программами обучения. Стороны будут содействовать активизации контактов между людьми и общественными организациями, в том числе в области культуры, образования, науки, средств массовой информации, молодежных обменов и спорта, поощрять и оказывать поддержку изучению русского языка в Монголии и монгольского языка в России.

Российская Федерация и Монголия договорились совместно разработать комплексную программу по развитию туризма, с учетом особенностей регионов Сторон, предусматривающую создание соответствующей инфраструктуры для организации туристических маршрутов, прежде всего на базе озер Байкал и Хубсугул.

Стороны продолжают работу по совершенствованию договорно-правовой базы, регулирующей вопросы гуманитарного сотрудничества, в том числе в сфере трудовой миграции.

5. Российская Федерация и Монголия продолжают развитие и совершенствование военного и военно-технического сотрудничества, будут содействовать развитию прямого взаимодействия между органами юстиции, правоохранительными органами и специальными службами, а также органами пограничной охраны, в том числе в области обмена информацией и оказания помощи в борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Стороны выразили удовлетворение укреплением и координацией взаимодействия в области национальной и международной безопасности между

Советом Безопасности Российской Федерации и Советом Национальной Безопасности Монголии на основе Протокола о сотрудничестве советов национальной безопасности двух стран от 26 мая 1995 года.

6. При обсуждении обстановки в мире Стороны констатировали близость или совпадение позиций по основным региональным и международным проблемам.

Россия и Монголия отмечают, что набирающие обороты процессы глобализации привели к усилению взаимозависимости государств, в результате чего их безопасность и процветание стали неделимыми. Такие угрозы безопасности, как международный терроризм, трансграничная организованная преступность, наркотрафик, носят глобальный характер. Эффективно противостоять им можно, лишь объединяя усилия и придерживаясь согласованных принципов и механизмов взаимодействия.

Россия и Монголия признают право государств на независимый и самостоятельный выбор пути развития в соответствии с собственным историческим опытом, на равноправное участие в международных делах, подчеркивают необходимость уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира.

Россия и Монголия подтверждают готовность расширять сотрудничество как между собой, так и со всеми заинтересованными партнерами в целях построения нового, более справедливого и демократичного миропорядка, обеспечивающего стабильность и безопасность на всех уровнях и создающего благоприятные условия для устойчивого развития. Такое мироустройство должно основываться на коллективных началах при центральной координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности, обладающих уникальной легитимностью в международных делах, а также верховенстве международного права.

Россия и Монголия исходят из того, что урегулирование международных и региональных конфликтов и кризисов должно осуществляться политико-дипломатическими средствами в строгом соответствии с принципами и нормами международного права при учете законных интересов всех вовлеченных сторон.

Стороны будут повышать эффективность сотрудничества в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами, прежде всего по противодействию терроризму во всех его формах и проявлениях, незаконному обороту наркотиков и транснациональной организованной преступности, как в форматах ООН, так и на региональном уровне.

Россия вновь подтверждает приверженность Совместному заявлению стран ядерной «пятерки» о гарантиях безопасности Монголии в связи с ее безъядерным статусом и считает, что такой статус содействует упрочению режима ядерного нераспространения, являясь также важной мерой укрепления доверия в Северо-Восточной Азии и за ее пределами.

Россия и Монголия признают необходимость поддержания регулярных консультаций и координации усилий по вопросам обеспечения мира, стабильности, безопасности и расширения сотрудничества в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Стороны выступают за укрепление и консолидацию многосторонних механизмов политической и экономической интеграции, таких, как Региональный форум АСЕАН, Диалог по сотрудничеству в Азии, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, и призывают к активизации межгосударственного сотрудничества в интересах мира, безопасности и совместного процветания. Россия подтверждает поддержку намерений Монголии стать членом форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество».

Россия и Монголия констатируют важную роль ШОС в развитии добрососедских отношений и многопланового партнерства между странами Центральной Азии. Стороны выражают заинтересованность в активизации в рамках ШОС партнерства в таких приоритетных областях, как энергетическая, транспортная, информационно-коммуникационная, сельскохозяйственная, в соответствии с духом «Декларации пятилетия Шанхайской организации сотрудничества».

Монгольская сторона информировала Российскую сторону о том, что изучает вопрос о возможности своего вступления в Евразийское экономическое сообщество.

Президент Монголии Н. Энхбаяр выразил признательность за теплый прием в Москве и пригласил Президента Российской Федерации В. В. Путина посетить Улан-Батор в удобное для него время. Приглашение было с благодарностью принято.

г. Москва, 8 декабря 2006 года

Президент Российской Федерации
В. В. Путин

Президент Монголии
Н. Энхбаяр

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава 1. Советско-монгольские отношения в контексте истории социалистического периода	19
1.1. Взаимоотношения СССР с социалистическими странами Общие черты и региональная специфика	19
1.2. Особенности отношений России/СССР и Монголии/МНР до начала 1990-х гг.	41
Глава 2. Становление и развитие межгосударственных российско-монгольских отношений после социалистической эпохи	76
2.1. Эволюция внешнеполитических концепций России и Монго- лии. Подходы руководства стран к двусторонним отношениям	76
2.2. Основные сферы российско-монгольского двустороннего взаимодействия	103
Глава 3. Новые измерения современных взаимоотношений двух стран	135
3.1. Пригранично-региональный уровень	135
3.2. Фактор третьих стран и международных организаций в со- временных российско-монгольских отношениях	161
 Заключение	 188
 Библиография	 193
 Приложение 1	 213
 Приложение 2	 220

Владимир Александрович Родионов

**Россия и Монголия: новая модель отношений
в начале XXI века**

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института социологии РАН

Редактор Г. В. Кашина
Макет обложки И. В. Ертаханова
Верстка и макет Н. Д. Жамбаева

Подписано в печать 20.04.2009. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 300. Заказ № 20.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.